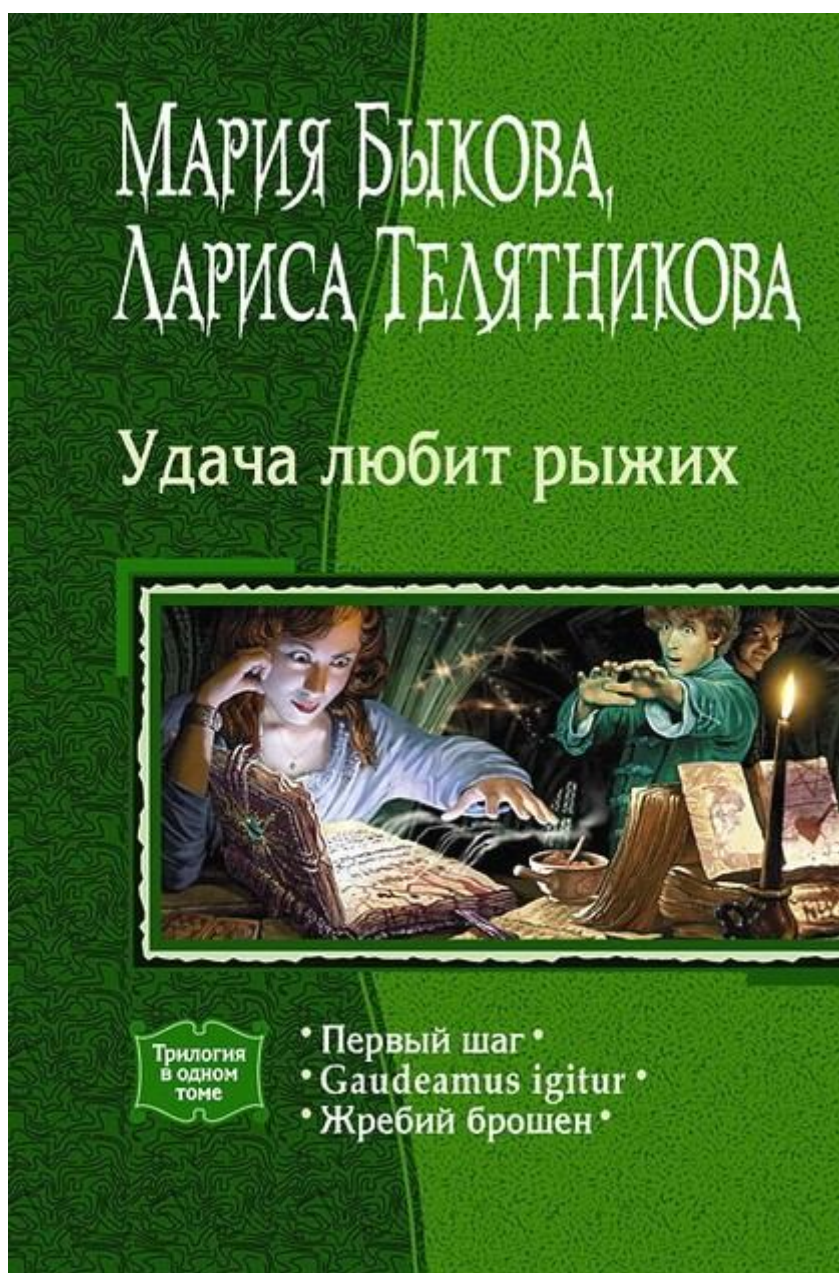


Мария Быкова Лариса Телятникова
Gaudeamus igitur

Удача любит рыжих – 2



Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - HL; OCR, ReadCheck - zavalery; Conv - zavalery, Igorek67)

«Быкова, Телятникова / Удача любит рыжих (Первый шаг; Gaudeamus igitur; Жребий брошен)»: Издательство: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0526-8

Аннотация

Если ты ухитрился поступить в Академию Магических Искусств, то легкими твои будни уж точно не назовешь. Лекции и практикумы, зубрежка и тренировки... Жизнь и верно пошла тяжелая, а вот насколько она окажется интересной — зависит только от тебя. Но если ты в равной мере наделен как талантом, так и способностью совать свой

нос куда не просят, скучно не будет наверняка. Вот только... кто окажется страшнее: василиск, Фенрир Волк или разгневанный декан?



Мария Быкова, Лариса Телятникова
GAUDEAMUS IGITUR

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой начинаются каникулы, любопытствуют алхимички и звенят золотые монетки, — правда, последних оказывается до обидного мало, особенно с учетом того, сколь бдительно работает лыкоморская податная служба

Утро выдалось по-настоящему зимнее — холодное и ослепительно-белое. Стекла снизу доверху затянуло инеем; продышав в нем круглую дырку, я воззрилась на занесенный снегом двор. Возле крыльца ожесточенно орудовал метлой гном-завхоз, который из экономии средств сам выполнял все обязанности дворника.

Время уже было позднее: часов девять, может быть, полдесятого. Но Полин так заразительно укутывалась в одеяло, даже и не думая просыпаться, что я невольно вспомнила: а ведь и правда, сегодня же уже каникулы! Семестр, хвала богам, наконец-то закончился, мне не нужно спешить на лекции — а значит, я могу с чистой совестью поспать.

«А идите вы все!» — с наслаждением подумала я, заново заворачиваясь в успешнее выстигтое одеяло.

Второй раз я проснулась часа через два — довольная, выпавшаяся и свежая как огурчик. На соседней кровати сидела Полин; полностью одетая, она тем не менее не свернула одеяло в привычный рулончик, а, закутавшись в него потеплее, читала какую-то книжку. Попутно девица грызла огромное зеленое яблоко; прикинув, какой месяц стоит за окном, я пришла к выводу, что без алхимии тут дело не обошлось. Как же иначе довести с юга абсолютно свежие плоды?

— Доброе утро, хозяйка! — Элементаль, наполовину высунувшаяся из двери, глядела так бодро, точно и не праздновала всю ночь напролет в компании прочих духов и флуктуации. — С праздничком вас!

— И тебя тоже! — Я с наслаждением потянулась, одним метким пинком сбрасывая одеяло на пол. Сквозняк, ползущий из-под двери, немедленно потянулся к новой жертве в моем лице; я достойно встретила его атаку, от души помолотив воздух ногами и кулаками. Алхимичка, закусив яблоко, смотрела на это изумленным взглядом, но я только рассмеялась, и не думая прерывать процесс. Полин выразительно покрутила пальцем у виска.

— Свихнулась, — констатировала она, откусив кусок яблока. — Эй, Яльга, ты чего?

— Ничего! — Жмурясь от удовольствия, я щелкнула пальцами.

Заклинания телекинеза были отработаны до мелочей: расческа спикировала точно в подставленную ладонь, не отклонившись от заданной траектории ни на сантиметр.

Полин с сомнением хмыкнула. Я неспешно расчесывала волосы, сидя в этой классически русалочьей позе — разве только не на дубу. Странно, я никогда не любила расчесывать волосы, но сегодня это незамысловатое занятие приносило мне определенное удовольствие. Растягивая его, я заплела косу, перехватила конец короткой лентой.

Настроение у меня было просто шикарное, так что хищного взгляда Полин, которая аж подпрыгивала на своей кровати от нетерпения, я предпочла попросту не заметить. Встала, натянула штаны и рубашку; медленно зашнуровала сапоги, посматривая на соседку, тихо зверевшую от моих неторопливых движений.

— Ну! — наконец не выдержала она.

Я на секунду замешкалась, выбирая, какую следует поднять бровь. Остановилась на левой — этот прием я подсмотрела у Эльвиры Ламмерлэйк, а собственного декана Полин отлично знала и изрядно побаивалась. С помощью этого жеста декан алхимического факультета строила стройными рядами всех, кто только оказывался в поле зрения. Ходили слухи, что вот так, одним движением изящно выщипанной брови, магичка способна развалить маленькую крепость.

— Яльга, мрыс эт веллер! — проигнорировав бровь, простонала Полин. — Ну расскажи же!

— О чем?

— Что у вас с Рихтером?

Разнообразие ради я подняла правую бровь:

— Он мой учитель, разве ты не знала?

— Да я не об этом! — отмахнулась алхимичка. — Вы с ним что, встречаетесь?

— Естественно, — пожала я плечами. Дождавшись той доли секунды, когда изумление в глазах Полин достигло апогея, я улыбнулась и сладко закончила: — На занятиях.

Она улыбнулась не менее сладкой улыбкой, которую искушенный Генри называл не иначе как «светская».

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— А ты прекрасно знаешь ответ.

— ???

Я помотала головой. Изумление в глазах алхимички сменилось откровенным скепсисом.

— Ага, и поэтому вчера танцевала с ним всю ночь?

— Ничего себе всю ночь! — возмутилась я. — От силы минут десять, да и того много выйдет!

Полин изящно дернула плечиком, призывая не заикливаться на мелочах. Решив, очевидно, что обычного воздействия тут мало, она под села ко мне на кровать, для пущей убедительности приобняв меня за плечи. Меня обдало смесью запахов зелий, гламурии и духов.

— Ну расскажи мне, — прошептала она мне в ухо, — я же никому не стану про это болтать! — «Ага, так я тебе и поверила», — мимоходом подумалось мне. — Яльга, ну так нечестно! Скажи, он тебе нравится, да?

— Нет, — совершенно искренне ответила я. — Не нравится. Вообще, — здесь я использовала фразу одной знакомой мне вампирши, — это не мой — как его? — а, не мой идеал!

Полин чуть отстранилась:

— А какой твой идеал?

— Другой. — Я не имела ни малейшего желания описывать, ибо описывать было нечего. — По крайней мере, выше ростом.

— Ой, да нормальный у него рост! — поморщилась она. — Выше тебя, и ладно! Не ври, Яля, я же вижу, что он тебе нравится!

Я с любопытством уставилась на Полин. Похоже, что ей-то как раз мой магистр был определенно интересен.

— Чему там нравится? Характер пакостный, сам ни кожи, ни рожи... — Я спешно восстановила в памяти облик любимого наставника и прикинула, к чему именно можно придаться: — Волосы нестриженные, глаза черные... в темноте светятся, как у кошки...

Последнюю фразу я ввернула не без умысла, отлично представляя весь ход мыслей алхимички. Реакция не заставила себя ждать: Полин сверкнула глазами не хуже самого Эгмонта и придвинулась еще ближе:

— Где это вы с Рихтером в темноте виделись? Яльга, ты что, с ним...

— Говорю же, он мне не нравится, — усмехнулась я, довольная тем, насколько точно угадала логику Полин.

— Странная ты, — насупилась алхимичка. — Хельги тебе не нравится, Генри не нравится... Рихтер не нравится... Хотела бы я знать; кто придется тебе по сердцу!

— Ну-у... — протянула я, пытаюсь припомнить, какого типа герои преобладали в тех дешевых книжках, которыми зачитывалась Полин. — Представь себе, высокий, с вот такими плечами, — я показала, и алхимичка уважительно распахнула и без того круглые глаза, — эльф, ну или там волкодлак... Глаза обязательно серые, цвета, — как его? — а, штормового неба... волосы... хм... волосы...

— Пусть будет блондин, — замирающим от восторга голосом подсказала Полин.

Я великодушно кивнула:

— Блондин так блондин... Ну бицепсы там, дельта, трицепсы всякие, но чтобы и мозги имелись. Знаю, что так не бывает, ну и что из того? И чтобы у него был меч, лучше двуручный. И чтобы из древнего рода, разумеется, как Ривендейл...

— Меч? — пискнула вконец запутавшаяся алхимичка. — Из древнего рода?

Я досадливо махнула рукой:

— Не меч, волкодлак... или эльф, я еще не определилась. Вот так. А вы говорите, Эгмонт...

Соседка смотрела на меня с таким уважением, что я невольно возгордилась и мысленно погладила себя по голове. Сама не знаю, как это у меня получилось ни разу не расхохотаться во время описания «идеала», — и уж тем более не подозреваю, почему Полин так и не сумела почувствовать моей иронии, приняв все за чистую монету. Наверное, дело было в том, что ее собственные мечты неплохо совпадали с вышеописанным. Кроме того, ручаюсь, что она втихомолку надеялась на то, что, буде блондинистый эльфолак появится-таки на горизонте, он сумеет сделать правильный выбор. Правильный — в смысле предпочтет

рыжей вредной Яльге во всех отношениях положительную Полин с ее замечательной ковенской теткой. И вообще, мужики не собаки, на кости не кидаются, это всем известно!

Ну а тем более если мужик вовсе даже не собака, а волк...

— Не-эт, — немножко придя в себя, возразила она. — Это, конечно, все здорово, но и Рихтер тоже очень даже ничего. Такой... мм... такой... — Она передернула плечиками еще раз, довольно точно изобразив, каким именно она видит моего магистра. — И ты ему уж точно очень нравишься! Помнишь, как он к нам в комнату завалился? Не к мгымбру же он пришел, верно?

Разговор, при всей его забавности, начинал мне надоедать, так что я решительно встала и, вытянув из-под Полин свою куртку, засунула руки в рукава.

— Нравишься! — настаивала на своем алхимичка. — Чем он тебя не устраивает, а?

— Слушай, — устало сказала я, застегивая верхнюю пуговицу, — если он такой замечательный, может быть, ты и станешь с ним встречаться?

И, оставив Полин обдумывать столь оригинальную мысль, вышла из комнаты.

Дорога моя была короткой и знакомой. Выйдя из Академии, я прошла два квартала, повернула направо, потом — налево, миновала деревянную афишку, на которой сиротливо болтались три пергаментных листка: два — с указами царя-батюшки, спешно доносимыми до народа, и один — рекламный, предвещающий визит очередного знаменитого эльфийского менестреля. Первые два были хоть мокрые (еще бы, мело всю ночь), но чистые, на третьем же, кажется, отметилась добрая половина всех жителей столицы. Судя по лексике, половина была гномьей, недолюбливающей эльфов по расовому признаку, — учитывая же изящность оборотов, походило, что гномий слог обрабатывали наши, местные менестрели, стремящиеся хоть так отвадить конкурента.

Корчма была на месте, ухитрившись пережить очередной Новый год. Более того, выглядела она относительно целой и сохранной: дверь на петлях, слюда в окнах, крыша на стенах. Впрочем, за это содержателю стоило бы благодарить администрацию Академии — если бы не вчерашний бал, adeпты праздновали бы здесь, а вот тогда наутро чего-нибудь точно бы недосчитались.

К передней стене трактира была прислонена лестница, на которой изячно балансировал эльф с кистью и ведром краски. Другой эльф, сжавшись в трясущийся комок и натянув мохнатую ушанку по самый малиновый нос, расхаживал внизу, покрикивая на первого и давая ему ценные указания. Верхний вяло отругивался, грозился уронить на коллегу ведро или намалевать на вывеске его портрет — вместо заказанного хозяином демона. Нижний хмыкал, натягивал ушанку еще ниже, осторожно дышал на замерзшие ладони и любовно протирал пальцем запотевшие камни на перстнях. Как всякий истинный эльф, он предпочитал заработать на жизнь любым достойным трудом, нежели спустить ювелирам фамильные драгоценности.

Обогнув парочку по широкой дуге — вряд ли мою макушку обрадует близкое знакомство с ведром! — я потянула на себя тяжелую дверь.

По неурочному времени в корчме было пусто. Очаг еще не топили, так что я не спешила расстегивать плащ. Хозяин, опершись на стойку, хмуро листал большую растрепанную книгу — судя по тому что он периодически окунал перо в чернильницу и делал на страницах пометки, книга была не чем иным, как Основной Финансовой Сводкой.

Чернильниц, кстати, было три штуки — по числу цветов чернил. Заметив это, я только больше утвердилась во мнении, что пришла на рабочее место в самый разгар бухгалтерских операций.

— Доброе утро, — осторожно сказала я, обнаружив на стойке еще несколько книг, все со значком гномьей юридической библиотеки.

— Кому доброе... — скорбно протянул корчмарь, еще ниже склоняясь над расчетами.

— А что случилось? — Я не глядя цопнула ближайшую книжку, небрежно ее пролистала. М-да. «Экономическое законодательство стран Седьмого союза, как то: Лыкоморья, Аль-Буяна, Хох-ландии, Эльфьих Лесов и Королевства-Под-Горами — редакция

от 26 цветня 3856 года».

— Чего-чего... Податной Приказ, вот чего! — Пошелестев страницами, гном предъявил мне сплюснутый свиток с болтающейся на одной нитке царской печатью. Печать смотрелась уважительно, свиток тоже — эльфийская бумага (то есть на деле-то она хохландская, но для покупателей в Хох-ландии живут одни эльфы!), дорогие водостойкие чернила. Царские приказы всегда жили богато, а уж Податной, специализировавшийся по налогам, вообще считался самым райским местом из всех возможных. Напрасно, кстати, считался — его работу царь-батюшка курировал лично, выцарапывая у работников любой «ненароком завалившийся» под ковер золотой.

— Кгхм... Ну что же, желаю удачи. — Особенного сочувствия из меня что-то не выдавливалось, так что я поспешила закончить с предисловием и перейти к собственно основной части: — Я чего пришла-то. В этом году график как, прежний остается? И расценки?

— А ты вообще-то здесь больше не работаешь, — буркнул работодатель, вырисовывая в книге какую-то хитрую бухгалтерскую загогулину.

Сначала я не поняла, что он сказал. Потом до меня дошло; я задохнулась от возмущения, несколько секунд пытаюсь выдавить из себя хоть какое-то слово. Правильно оценив мою внезапную молчаливость, гном быстро прикрылся книгой, предусмотрительно отодвинув подальше все три чернильницы, вполне подходящие на роль метательного орудия.

— Не поняла, — сдержавшись, ледяным тоном сказала я. — То есть как это не работаю?

— Ну того... этого... — Корчмарь, видно, сам уже сожалел, что брякнул новость вот так, в лоб, теперь он прикидывал, во сколько обойдется срочный капитальный ремонт. — Не работаешь, значить... Ты ж магичка без этого... как его? — сер... чер... сертификата?

— Так осенью вы меня, кажется, и без сертификата приняли?

— То осенью было, — вздохнул гном. — Эх, Яльга-Яльга... Ну шоб тебе сертификат занять где, а? Меня ж податные к стенке прижали: где: мол, копия-то его, сертификата? Ах это как: у вас работает адептка? Эксплуатация, сталбыть, неквалифицированного детского, можно сказать, труда? А ну как у вас кто пострадает от ейных мажбых фокусов? Ну и предъявили мне статью расходов... двадцать золотых каждую седмицу...

— Понятно, — кивнула я. — Двадцать золотых — оно, конечно, так. Это аргумент весомый.

Волна Эллер-Минца, пожалуй, была бы немножко весомее, но — на счастье работодателя — проверить, так ли это, я все-таки не стала.

Так и закончилась моя подработка — а вместе с ней закончились и деньги. Наступили суровые, голодные времена.

Где-то через три дня в жизни произошло совершенно неожиданное событие. Как и полагается приличным романтическим событиям из приличных романтических книжек, оно случилось под вечер, а точнее — часиков этак в пять, когда за окном уже начинало смеркаться и Полин, терзаясь, решала невероятно трудную дилемму: зажечь свечи или пока так посидеть. Со свечами было слишком ярко, без свечей — слишком темно, и девица никак не могла решить, которое из зол является меньшим.

Мне были чужды терзания столь возвышенной души. Я сидела на кровати, подпихнув между спиной и стеной тощенькую казенную подушку и укутав ноги одеялом. Над левым плечом у меня сиял дохленький, но работающий световой пульсар, а на коленях лежал «Справочник боевого мага». Я сосредоточенно разглядывала картинку, изображавшую атакующего василиска, когда в дверь неожиданно постучали.

— Войдите! — пригласила Полин, продолжая медитировать на незажженную свечу.

Дверь открылась; увидев, кто стоит снаружи, я заинтересованно выпрямилась на кровати, заложив «Справочник» указательным пальцем.

Это был Валентин де Максвилль, некромант с первого курса. Раньше мы с ним почти не пересекались, но слухи быстро разносятся по Академии, и потому я отлично знала, что

онный Валентин есть младший сын и наиболее вероятный наследник одного из известнейших банкиров Лыкоморья. Странно, но онный банкир был человеком, правда с незначительной примесью эльфийской и гномской крови. Он был единственным исключением из правила, утверждавшего, что добиться успеха в банковских делах может только гном, и никто, кроме гнома.

Происходя из столь, прямо скажем, небедной семьи, Валентин великолепно одевался, с шиком ухаживал за девушками и конкурировал с Генри Ривендейлом за первенство в девичьих мечтах. Вампир, впрочем, стабильно оставался впереди; возможно, это происходило из-за того, что Генри очаровывал адептов непроизвольно, не прикладывая к этому ни малейших усилий.

Полин, кстати, младшим де Максвиллем интересовалась так-сяк, — по крайней мере, я от нее почти ничего о нем не слышала. Но сейчас, когда Валентин, бледный и жутко несчастный, с неизвестно откуда знакомым нехорошим блеском в глазах, таким призраком маячил по ту сторону двери, доброе сердце моей соседки не выдержало.

— Ой, да не стой ты там! — приказала она, кокетливо взмахнув пушистыми ресницами. — Плохая это примета — на пороге стоять!

Некромант с сомнамбулическим видом переступил порог, и элементарь с недовольным ворчанием закрыла за ним дверь. Несколько мгновений было тихо.

— Яльга... — наконец нарушил тишину Валентин. — Я, собственно, того... попросить тебя хотел...

Но тут я поняла, что мне так напоминает специфическое поблескивание его глаз. Точно такое же я наблюдала в зеркале, когда расчесывала волосы по утрам. Некромант хотел есть. Судя по некоторым признакам, даже очень.

И тут я его прекрасно понимала.

— Полин, — сказала я, мысленно проклиная собственное добросердечие, — Полин, он есть хочет. У тебя не найдется какой-нибудь еды?

— Как это — не найдется?! — Алхимичка с оскорбленным видом вскинула голову. — В моем доме всегда есть чем угостить гостей! Валентин, садись, пожалуйста, вон там есть стул, только учебники с него сначала сними...

— Нет, спасибо, я не хочу... — начал некромант, но я не поверила.

Я обладала достаточным опытом по части еды, точнее, ее нехватки. Краем глаза я успела заметить, что на пальцах у него не осталось ни единого перстня: очевидно, наследник дома де Максвиллей оказался на экономической мели. Да и Полин уже начала шерстить закрома; посмотрев на нее, адепт явственно сглотнул, снял со стула учебники и дисциплинированно сел. Вид у него был какой-то неправильный, будто слегка пристукнутый.

— Ой... — неожиданно послышалось со стороны Полин.

Я посмотрела на нее; алхимичка, выпрямившись, держала в одной руке немного помятый батон, а в другой — початую банку малинового джема. Джем, конечно, был не прошлогодний, но все едино... как бы это сказать... несколько подозрительный.

Полин едва не рыдала:

— А больше ничего нету...

Отложив книгу, я молча встала с кровати, отодвинула Полин от закровов и заглянула внутрь. Алхимичка напрасно поддавалась упадническим настроениям: внутри обнаружился вполне себе упитанный по причине редкого употребления кругляш масла. Рядом лежал ножик, невесть зачем засунутый под то же самое морозильное заклинание. Изредка Полин позволяла себе масло — тонюсенькими ломтиками, настрогать которые могла она одна.

— Без паники! — бодро возвестила я, вытаскивая масло наружу. — Полин, режь хлеб! — и тут же спохватилась, увидев, как девица зависла над батоном с другим ножом. Хлеб она тоже нарезала очень тонко — кусочки получались прозрачнее бумаги, по-другому у нее просто уже не получалось. Скупость тут была ни при чем: для голодного Валентина она не пожалела бы и целого батона, — просто так рекомендовали поступать

фигурospасительные журналы.

— Хотя нет, чай лучше завари!.. — поспешно предложила я. — Ты не поверишь, как она заваривает чай! Вот у меня так ни за что не получится! — сообщила я насторожившемуся де Максвиллю. Полин, нахмурившая было брови, расцвела и упорхнула к чайнику.

Я задумчиво примерилась к батону, посмотрела на гостя, развернула батон и отрезала ломоть во всю длину, щедро намазала его маслом, а сверху — джемом. А что, Валентин-то на диете точно не сидит! Потом, поняв, что одного бутерброда, пускай и такого качественного, здесь будет мало, сделала для некроманта еще один такой же. И еще один — уже для себя (а что, попробовать-то надо — вдруг это невкусно, вдруг это и есть нельзя!). Из оставшейся полбулки я настрогала целую тарелку маленьких бутербродиков для соседки. Диета диетой, но компания для Полин — это святое.

А там и батон закончился.

В тот миг, когда Валентин, наплевав окончательно на все приличия и принципы, доедал первый из двух бутербродов, а Полин разливала по чашкам наконец-то заварившийся чай, на пороге возник Хельги. Как всегда, вовремя и, как всегда, с пустыми руками. Был у вампира такой талант — еду он чувствовал будто из-под земли, безошибочно появляясь везде, где только наклеывался праздник. «Раз пришел, уже не выгонишь», — угрюмо решали хозяева и волей-неволей приглашали Хельги к столу.

— Ну что? — высокомерно возвестил он с порога, оглядывая нас троих гордым, почти как у Ривендейла, взглядом. — Нальют мне в этом доме чаю?

В наступившей тишине было прекрасно слышно, как Валентин быстро-быстро доедает свой бутерброд. «Чтобы не отобрали», — мгновенно сообразила я. Безденежье явно успело развить в наследнике дома де Максвиллей правильные выживательные инстинкты.

Сердобольная Полин уже раскрыла было рот, но я пихнула ее под столом коленом и сказала, намеренно выдержав суровую паузу:

— А это зависит от того, что именно ты принес к чаю!

Вампир помялся, но уходить ему уже не хотелось — у нас было уютно, недаром здесь жила Полин. Несколько минут мы наблюдали за моральными терзаниями, но здравый смысл в очередной раз победил скупость, и Хельги, подавив тяжкий вздох, вытащил из кармана эльфийскую шоколадку. Судя по тому, как обтрепалась обертка на углах, шоколадка провела в его кармане не одну геологическую эру.

— Вот, — с хмурой гордостью поведаль Хельги, передавая ее мне через стол. — Этого, я надеюсь, хватит?

— Хватит конечно же! — Полин, опомнившись, бросила на меня суровый взгляд. «Некроманта, значит, и без шоколадки приняли, а Хельги, значит, только с подношением берем?» — читалось в ее глазах. Я промолчала. Просто алхимичка раньше никогда не имела дела с этим конкретным вампиром.

Я повертела шоколадку в руках. За время общения с Полин я волей-неволей начала разбираться в сладостях — периодически алхимичка разочаровывалась в диетах, решая, что эльфийской прозрачности ей все едино не достигнуть, а на меньшее и размениваться не хочется. В такие дни у нее появлялись и конфеты, и печенье и, естественно, шоколад. В разных обертках и из разных лавок.

Так вот, та шоколадка, которую мне отдал вампир, была эльфийская, завернутая в тоненькую золотую фольгу, снабженная особенным ярлычком. Но по некоторым признакам можно было сказать, что Хельги покупал ее: а) на распродаже, со скидкой; б) отнюдь не для себя. Вид у нее был... хм... гостевой, то есть она предназначалась именно для таких случаев, когда хочешь не хочешь, а придется присоединить к общему столу чего-нибудь от себя. Хельги я знала уже полгода; этого времени мне хватило, чтобы накрепко уяснить все экономические принципы вампира. Их было, кстати, не так уж много.

Хельги никогда не экономил на том, что было для него действительно важно. Прежде всего, не экономил на себе. Потом, он никогда не скупился на своих девушек, — правда, в

зависимости от того, насколько эта конкретная была для него ценна. Одной он мог подарить золотое кольцо, к другой заявиться с колечком из песочного теста. Далее, он был готов отдать любые деньги за книги и оружие: в коллекцию — на этом важные объекты кончались.

Начинались объекты не очень важные.

Разумеется, и в обращении с не очень важными объектами Хельги не мог позволить себе банальной скупости. Ведь о нем могли плохо подумать, решить, будто он жалеет денег! Поэтому здесь основной целью было *продемонстрировать* щедрость, но при этом ее не проявлять.

Так было и в ситуации с шоколадкой.

Полин быстренько принесла Хельги стул, аккуратно смахнув с него целую пачку женских журналов, я же тем временем быстро разломала шоколадку на много одинаковых долек. На счастье вампира, долек было четное число. Когда Хельги приносил кому-нибудь хоть какую-нибудь еду, он всегда отъедал от принесенного ровно половину. Вторую половину он великодушно оставлял на долю хозяев и прочих гостей. Моральные терзания начинались, когда еда не делилась нацело пополам; в такой ситуации Хельги вздыхал, ерзал на стуле и прикидывал, как же все-таки надлежит поступить. Съесть кусочек самому — скажут, что жадный, отдавать другим — амфибиогенная асфиксия¹ душит.

Впрочем, зря я на него так. Просто, наверное, голодная и злая. А посидели мы совсем неплохо: вампир, с которым Полин поделилась бутербродиками, рассказал пару забавных историй, покритиковал Вигго фон Геллерта за глупейшие ошибки в алхимии (вот он, Хельги, никогда бы таких ошибок не совершил!), съел свою половину шоколадки и отбыл, поняв, что больше еды нет. Полин помахала ему вслед и вернула стопку журналов на место. Оставшуюся половину шоколадки мы съели на двоих: Валентин к ней даже не прикоснулся.

По окончании кормежки вид у некроманта стал на порядок более адекватный. Впрочем, некоторая пришибленность все-таки осталась; я заинтересовалась было генезом, потом мысленно плюнула и рассудила, что это не мое дело.

— Яльга, — сказал де Максвилль, помогая Полин собрать со стола чашки. — Я, собственно, чего к тебе пришел...

— И чего ты ко мне пришел? — поинтересовалась я, убирая остатки масла обратно под заклинание.

— Я за конспектами. — Вид у некроманта разом стал решительный, как у рыцаря, идущего в последний бой. — По боевой магии. Можно одолжить на вечер?

— Конечно, можно... — Я на секунду задумалась, куда именно сунула боевую магию, потом опустилась на колени перед высоченной стопкой тетрадей и книг и начала осторожно перебирать корешки. Так, вот это, кажется, оно... ага, и вот это тоже!

Стопка рискованно пошатнулась, но я привычно поддержала ее коленом.

— Держи. — Я отдала некроманту две толстые тетради, из которых одна была исписана целиком, а вторая — на две трети. Из какой-то немедленно выпорхнул листок; Валентин поймал его на лету и протянул мне. Я взяла и посмотрела: это была партия в морской бой между мной и Келефином, неведомым образом попавшая сюда из бестиологической тетради.

— Спасибо! — пламенно сказал Валентин. — Я завтра верну.

Я пожала плечами:

— Да хоть послезавтра. На каникулах нужно отдыхать.

К тому же у меня есть «Справочник боевого мага», а он стоит всех конспектов, вместе взятых.

— У тебя что, пересдача? — мурлыкнула Полин, стирая крошки со стола.

Валентин молча кивнул. Я молча посочувствовала. Элементаль так же молча открыла дверь.

¹ То есть в просторечии жаба.

— Спасибо! — повторил некромант, уже стоя на пороге. — За конспекты и... и за ужин тоже.

— Да пожалуйста, — неслитным хором откликнулись мы.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой денюжки продолжают звенеть. Кроме этого звона из услаждающих слух мелодий здесь звучит некая эльфийская песенка. Ну а там, где сталкиваются две хорошие наследственности, умному человеку всегда есть чем поживиться

Это был последний акт хоть сколько-нибудь приличной кормежки. Податной Приказ подложил мне свинью в самый неподходящий момент. Все мажьи места в трактирах давно уже были заняты; порыскав по городу с полдня, я нашла только одну захудалую таверну, где требовался маг. Но там мне не понравилось: самыми приличными посетителями этой таверны были крысы и тараканы, прочие же не внушали мне никакого доверия.

После праздников вакансий, по идее, должно было стать больше: многие маги, находясь в отпуске, стремились подзаработать еще и так. Здоровая конкуренция есть экономическое благо — кому, к мрысу, нужна будет студентка, если у тебя есть замечательный профессиональный маг?

Словом, мне оставалось только ждать конца каникул. Отдых получался не шибко-то веселым; денег у меня теперь не водилось, из еды в наличии имелаась только столовая. На этом долго протянуть не могла даже я, но выхода не было, мне оставалось лишь надеяться на свой закаленный желудок, который, быть может, сумеет переварить даже вкусовые чары. Надежды было мало, но все же лучше, чем если бы и вовсе не было.

В этот тяжелый для родины час ко мне вдруг заявили оба брата аунд Лиррен.

— А скажи-ка нам, Яльга, — прищурился первый, плюхаясь на подоконник рядом со мной, — это нам кажется или у тебя тоже наступил финансовый кризис?

— Наступил, — буркнула я. — Только не у меня, а *на* меня. Как медведь на ухо.

Эльфы захихикали.

— Собственно, мы могли бы ничего и не делать, — соорудил хитрую физиономию Яллинг. — С учетом того, как кое-кто нас подставил с Рихтеровым кабинетом...

— И с мгымбром Кренделем...

— И со старшим Ривендейлом...

— А мгымбр-то при чем?! — возмутилась я. — И Ривендейл?!

— А кто нас поучаствовать не пригласил? — не растерялись близнецы. — А кто не отвлек на себя вампирово внимание, как, между прочим, и полагается товарищу?

— Товарищу полагается отъесть ровно треть!

— И это тоже... Короче, мы подумали и решили, что тебе надо помочь. Ввести, так сказать, в круг экономической элиты. — Эллинг горделиво приосанился, всем видом показывая, что его-то и вводить никуда не надо.

— Ну что? Ценишь нашу заботу? — с любопытством уточнил Яллинг.

— Ценю, — осторожно согласилась я. — А во сколько дензнаков?

— Дурочка! — обиделись эльфы. — Дружба бесценна!

— В общем, пошли с нами, — подвел итог Эллинг.

Идти было недалеко и недолго — в другое крыло, на первый этаж. Еще немножко пришлось поплутать по коридорам: эльфы крались на цыпочках, переговаривались знаками и знаками же жутко жалели, что не захватили трех черных бархатных полумасок — чтобы не узнали. Видно было, что все это приносит им невероятное удовольствие. А уж то, как дергаюсь я, не посвященная во все эти игры...

Однако коридор наконец кончился, и мы остановились перед самой обыкновенной дверью. Еще раз бдительно зыркнув по сторонам и свистящим шепотом уточнив у брата, не

привел ли тот за собой шпионский хвост, Эллинг выстучал по косяку хитрую дробь. Изнутри немедленно раздались осторожные шаги; я слышала, как они приближаются, а потом замирают: видно, нас рассматривали в замаскированный глазок, прикидывая, стоит ли пропускать внутрь. Яллинг скорчил нетерпеливую гримасу, Эллинг показал двери кулак; решив подыграть, я начала задумчиво разминать пальцы, словно готовясь колдовать. Движение это я подсмотрела у магистра Дэнн. Не знаю, что именно произвело нужное впечатление, но дверь немедленно распахнулась.

Мы зашли. Внутри обнаружилась небольшая комната, большую часть которой занимал квадратный стол, напоминающий корчемный. Сходство усиливали надписи, покрывавшие столешницу от края до края. За столом этим сидело человек двадцать пять адептов, сосредоточенно резавшихся друг с другом в карты. Еще примерно столько же бродили вокруг стола, скучали, ожидая своей очереди, и давали всем полезные советы.

Из всех я знала только Хельги, сейчас игравшего с каким-то эльфом, да Генри Ривендейла, со скучающим видом стоявшего у окна. Подсказывать, видимо, было ниже его достоинства.

— С Ривендейлом не садись, — шепотом предупредил меня Яллинг. — Разденет до штанов. Он вампир, вдобавок благородный, а таких карты любят...

— Ребята, я вообще играть не хочу, — помотала я головой, отступая к двери.

— Почему? — хором удивились близнецы.

Я пожала плечами. А мрыс его знает почему! Не хочу, и все тут. Никто же не задумывается, почему не хочется совать руку в огонь...

— Слушай, Яльга, — серьезно сказал Эллинг, — ты хотела заработать — у тебя такая возможность есть. Не хочешь — иди, обедай в школьной столовой. Выбор, сама понимаешь, невелик. Ну что ты мнешься, как, мрыс дерр гаст, эльфийская дева? Кабинет Рихтера взломать смогла, а в карты сыграть боишься?

— Да я не боюсь... — Я и правда не боялась. Это было другое. Просто... просто я знала, что этого делать нельзя.

— Раз не боишься, — Яллинг подтолкнул меня к столу, — тогда давай садись. Видишь того гнома? — Он нагнулся к моему уху, понижая голос: — Он играет здесь хуже всех. В самый раз для тебя, ты ведь тоже колоды в руках не держала?

Ладно, гори оно все... В самом деле, от столовской еды я скоро полезу на стенку. Сыграю разок — мир, поди, не рухнет...

Указанный мне гном мрачно тасовал колоду. Увидев приближающихся близнецов, он воинственно выставил вперед небольшую покамест бороду.

— С вами не сяду! — решительно отказался он.

Братья расхохотались.

— Да не с нами, — пояснил Эллинг. — С Яльгой сыграешь? Она вообще карты впервые видит, так что можешь не трястись...

— Когда это я трясся? — с той же воинственностью уточнил гном.

— Никогда-никогда, — замотал головой Яллинг, но рожа у него была такая хитрющая, что на месте гнома я давно бы двинула ему в глаз. — Короче, считай, что ты рыцарь, объясни девушке правила, а мы пойдем с Хельги сыграем. Все, отбой! — Он сделал пальчиками, и братья мигом улетучились на дальний конец стола.

Гном воззрился на меня.

— Так тебя Яльгой зовут? — подозрительно спросил он.

Я кивнула, и гном расплылся в улыбке:

— А-а, это ты вашего магистра так обломала! И этих штымпов заодно... — Он ткнул пальцем в близнецов, уже подсевших к вампиру, и перетасовал колоду еще на раз. — Ну что, во что играть будем?

Я неуверенно пожала плечами:

— Да я вообще-то ни во что не умею...

— Значит, в дурака, — заключил гном. Он быстро раздал по шесть карт, вытащил одну

из оставшейся колоды — это оказалась дама бубен — и положил ее передо мной. — Все просто. Эта масть козырная...

...Через семь минут я с удивлением воззрилась на стол. Карты кончились, а гном, мрачнее ночи, положил рядом с моей монеткой свою, выглядевшую малость поновее. Я деловито сгребла ее в карман. Правду говорят, новичкам везет... что же, на приличный обед корчме все одно не достанет, но хотя бы не так обидно, как раньше.

— Я требую реванша! — возвестил гном, сверкая глазами.

Я пожала плечами и пододвинула к нему груды карт.

...Еще через полчаса я обыграла гнома до последней монеты. Он едва не плакал от обиды — проиграть женщине, да вдобавок еще и новичку! — и порывался поставить на кон собственные штаны. Штаны мне были без надобности, да и потенциальный вид голой гномьей задницы не вселял в меня большого энтузиазма, так что я решительно отказалась.

Гнома, от огорчения рвавшего бороду, отодвинули конкуренты. Ко мне подсел алхимик Вигго фон Геллерт; его не иначе как подослали близнецы, обрадованные моей неожиданной прытью в карточных делах.

К тому моменту у меня накопилось достаточно денег, чтобы прибавить к счастливой монетке еще с десяток золотых.

Со мной сыграло еще, наверное, человек семь. Я обыгрывала всех, сама не веря глазам. Карты легко ложились мне в руки, я быстренько научилась тасовать; соперники вырывали у меня колоду, утверждали, что близнецы научили подругу крапить карты, и очень удивлялись, обнаруживая обратное. Честно говоря, уже после пятой игры у меня образовался вполне достойный выигрыш, которого мне должно было хватить на два с половиной обеда. Я попыталась прервать игру.

Какое там! Народ сверкал глазами и едва ли не лез в драку, выясняя, кто следующий сядет со мной играть. Более того, проиграв, каждый желал немедленно восстановить статус, чего совсем не хотели оставшиеся, справедливо полагавшие, что такими темпами меня на всех не хватит. В воздухе запахло маленьким магическим сражением — это было серьезно, если учесть, что большинство адептов училось на старших курсах боевого и некромантического факультетов. Поняв это, я поставила условие: отыгрываться можно, но только один раз.

Мужская гордость, помноженная на гордость магическую, дала совершенно невероятный результат. Горка золота на столе росла буквально на глазах; теперь мне хватило бы на то, чтобы питаться в нашем трактире не меньше года.

Я ни разу не проиграла. Монеты шли одним прямым потоком, никуда не сворачивая и не оседая в чужих карманах. Мало-помалу игра сосредоточилась на мне одной; народ сгрудился вокруг, но молчал, не рискуя давать советы.

— Так, все, теперь играем мы! — после девятнадцатой партии решительно заявили близнецы. — По очереди. Яльга, с которым будешь?

Я молча ткнула пальцем в правого. Мне было все равно.

Близнецы, насколько я могла судить, мухлевали как умели. Народ молчал, похоже надеясь хотя бы таким образом восстановить статус-кво. Ну нечестно, откровенно нечестно, когда девице, в жизни не бравшей в руки карт, вдруг подваливает такая удача!

Когда правый близнец проиграл — вчистую, ведь он зараз поставил все имевшиеся деньги, — я заподозрила неладное. Мы играли их картами, крапленными едва ли не в два слоя, он нагло таскал карты из отбоя, но все одно проиграл с таким позорным счетом, что даже первый гном немножко приободрился. В самом деле, после *такого* поражения одного из аунд Лиррен сам он выглядел практически героем.

— Яльга, а ты точно раньше в карты не играла? — подозрительно уточнил второй близнец.

Я отрицательно качнула головой, начиная догадываться, отчего мне так не хотелось садиться играть. Если и этот проиграет...

Он проиграл. С тем же оглушительным треском, что и предыдущий.

Народ загалдел. Я машинально перетасовала колоду, практически не обращая внимания на возмущенные вопли близнецов — до того, видно, их обыгрывал исключительно Генри Ривендейл.

Я не могла проиграть. Просто не могла, и все тут; не зря, видно, в таборе говорили, как я похожа на свою прабабку... Я не могу проиграть, даже если сыграю с телепатом краплеными картами, потому что моя удача одолеет любую внешнюю силу. Против этой удачи, пожалуй, не стоило бы вставать и дипломированному магистру, не то что близнецам аунд Лиррен.

И поэтому я не имею права играть дальше. Ведь суть игры в том, чтобы удача переходила от одного к другому, но мое везение скорее уж перетянет к себе чужое, на этом дело и кончится. Это несправедливо; выйдет все равно как если бы Эгмонт сразился с Полин, не знающей, с какого слова начать заклятие Щита.

— Так, все! — Я решительно положила карты на стол и попыталась подняться на ноги. Меня тут же усадили обратно, для верности ухватив за плечи. — Ребята, я больше не играю!..

Но в глазах у адептов горели одинаковые азартные огоньки. Я поняла, что прорваться мне удастся только с боем, и затосковала. Я, конечно, лучшая студентка, но со столькими соперниками сразу справиться не удастся даже мне. Тем более что большинство было со старших курсов.

Аунд Лиррен быстренько смылишь, забрав с собой крапленую колоду. Передо мной сел Хельги, собранный и внимательный, точно на практическом занятии.

«Ладно, сами напросились», — мрачно подумала я.

И мы продолжили игру.

Время бежало так, точно за ним гнался наш завхоз, требующий немедленного возмещения утраченного имущества Академии. За окном мало-помалу смеркалось, кто-то принес свечи — в комнате разом сделалось гораздо уютнее прежнего.

Я играла не останавливаясь. Рук я уже почти не ощущала; никогда прежде мне не приходилось совершать столько однообразных движений много часов подряд. Мрыс его знает, с кем конкретно я играла. Партнеры менялись, их лица тасовались перед моими глазами, точно колода карт. Хельги, кажется, подсел потом еще раз, но его прогнали, в красках расписав, что именно с ним щас сделают.

На столе то и дело образовывалась какая-то «скороеда», как ее метко охарактеризовал тот самый первый гном. Я не глядя ухватила два ближайших бутерброда, из-за остальных попытались было поспорить, но тут ко мне подсел очередной партнер, ни разу не игравший со мной прежде, и про бутерброды все мигом забыли.

Наверное, после того как я обыграла близнецов, народ решил, что они попросту поддались неимущей подруге. Адепты в принципе знали, что от них всего можно ожидать — эльфы, что с них возьмешь? — но такой героизм оказался в новинку. На близнецов косились с большим уважением, принимая их возмущенное ворчание за отличную актерскую игру.

Я особенно не присматривалась к картам, которые держала в руках. Не выстраивала ходов и комбинаций, не пыталась предугадать, что конкретно задумал против меня соперник. Проиграй я тогда, я бы, пожалуй, даже обрадовалась, — но я не проигрывала. Груда золота росла и росла. Вскоре ее пересыпали на стул, потом, когда стула стало мало, — на пол, предварительно подстелив чей-то плащ.

Часы, висевшие внизу, гулко пробили восемь. Я будто очнулась; передо мной лежал небольшой золотой сосуд, запаянный наглухо. Его поставил на кон кто-то из некромантов (я сделала этот вывод по тому, как из недр сосуда доносились сдавленные завывания вперемежку с руганью на восточном языке).

Некромант, игравший со мной, молча вышел из-за стола. Произошла заминка: все отшатнулись от свободного места — как учитель бестиологии от нашего мгымбра.

— Что, кто теперь? — Я обвела усталым взглядом толпу студентов. Глаза слегка разъезжались, и мне стоило определенного труда собрать их в кучку. — С кем теперь

играем? — Адепты молчали, и я с надеждой поинтересовалась: — Что, никто не хочет?

Народ подавленно молчал. Хотели многие, но все деньги, которые у них с собой были, давно уже лежали на чьем-то плаще, украшая собой дальний угол комнаты. Мой выигрыш никто не трогал, подчиняясь правилам чести. Игра — это святое. Здесь можно обманывать, но нельзя воровать.

Я облегченно вздохнула; но в тот момент, когда я уже собралась с силами и попыталась встать, наконец из-за стола в первые ряды прошел Генри Ривендейл. Ряды немножко расступились: герцога уважали. За ним знали большую удачу — еще бы, он был не только вампир, а еще и вампир родовитый, что само по себе не позволяет проигрывать. На него смотрели с большой надеждой, ожидая, что уж он-то точно восстановит справедливость.

Я мысленно застонала. Переубедить Ривендейла, вообразившего, что задета его фамильная гордость... Проще сразу застрелиться, причем из пехотного арбалета. Помнится, его батюшка, старший герцог Ривендейл, как-то раз выиграл у соперника маленькое графство — а ведь начиналась та игра всего лишь с «во-он того лужка по-над речкой»...

— Я играю, — с подлинно герцогским достоинством уведомил меня Генри.

— Я в восторге, — мрачно буркнула я.

Не снисходя до ответа, Ривендейл достал из кармана кошелек — точная копия того, выигранного мною в пазимнике, — и уронил его на стол. По тому, как звякнуло, я моментально поняла, что сумма, находящаяся внутри, немногим недостает до моего выигрыша.

— Ставка принята? — то ли спросил, то ли сообщил наследный герцог.

— Принята, принята, — заверила я. Ой что сейчас начнется...

«Ой что щас будет...» — тоненько подтягивало чувство неприятностей.

К тому моменту, когда герцог, двигавшийся с царственной величием — он явно упивался моментом: еще бы, такой случай показать удачу и мастерство! — сел наконец играть, чувство неприятностей уже не подтягивало, а вопило в голос. Но, боги мои, что же я могла поделать?

Генри держал карты так же уверенно, как рукоять фамильной шпаги. О вампирах говорили правду: играть с ними в азартные игры я не пожелала бы и врагу. Право слово, от герцога веяло такой непоколебимой уверенностью в собственной победе, что я даже сама на несколько минут в нее поверила. Ну в самом деле, я же ведь играю впервые в жизни, а он такой мастер... Я даже рада буду наконец-то проиграть...

Я бросила на стол предпоследнюю карту. Это была семерка пик; козырями в этот раз были крести, и я ничуть не сомневалась, что Ривендейл, у которого осталась одна-единственная карта, легко сможет отбиться. У меня оставалась только червонная шестерка — да если бы она обернулась козырным тузом, победа все одно останется за Ривендейлом. Я была настолько в этом уверена, что даже не посмотрела, какой конкретно картой герцог бьет мою.

Стало тихо. Очень тихо. Я недоуменно воззрилась на вампира — он что, заснул там?

Я опустила взгляд на стол и увидела, как Генри, обычно невозмутимый, совершенно дикими глазами смотрит на мою карту. Он переводил взгляд от нее к своей, и я невольно испугалась за его рассудок. Оно, конечно, так, в старых родах дело обычное, но все равно не слишком-то приятно.

— Ну!!! — заорали из-за его спины близнецы. Они уже пытались подсматривать к нему в карты, и всякий раз герцог легко убирал свой веер.

Вампир, не говоря не слова, бросил свою карту на стол.

Это был туз. Червонный туз, которым, пойдя я шестеркой, герцог легко выиграл бы партию. Но здесь эта карта была бесполезна; и это означало, что я победила еще раз.

Несколько секунд над столом висела мертвая тишина. Потом ее словно прорвало — все заговорили разом, перебивая друг друга. Но шум, поднявшийся в комнате, умолк так же быстро, как и начался, когда Генри Ривендейл одним движением выхватил из ножен свою шпагу.

Ближайшие adeпты отшатнулись назад. Все знали, как здорово Ривендейл владел оружием — еще бы, за столько лет опыта и Полин бы наловчилась не хуже. Я отшатываться не стала — такая уж репутация, — но напряглась, готовая в любой момент выставить магический блок.

Ривендейл взял шпагу за лезвие и положил на стол передо мной. На его пальцах я заметила кровь — он порезался о собственный фамильный клинок, раньше с ним никогда такого не случалось. Лицо у вампира было бледное, глаза горели — мне невольно сделалось и страшно, и жалко. Еще бы, у бедняги рушились устои мироздания. Солнце теплое, снег холодный, род Ривендейлов всегда выигрывает в карты. Даже у вампиров — чего уж говорить о безродной человеческой девчонке?

— Карты, — хрипло выговорил вампир.

Ему поднесли новехонькую колоду. Распечатали — у всех на глазах; быть может, адепты решили, что близнецы успели научить подругу тонкостям мухлеза. К столу немедленно подтянули еще два стула, из студентов выбрали двоих самых честных — одним из них был Вигго, другим — Валентин де Максвилль, наше банковское все. Алхимик принимал отбой, некромант раздавал карты, близнецов на всякий случай оттерли подальше, и теперь они громко ругались на заднем плане, тщетно пытаясь пробиться к столу.

Мы начали игру.

Эта партия была еще короче предыдущей. Я выиграла, оставив Ривендейла с ворохом карт на руках.

Похоже, у вампира разыграл наследственный герцогский гонор. Герцогиня-мать, верно, часто отчитывала старшего герцога за чрезмерную любовь к игре, и сын его унаследовал от отца эту страсть. Он играл хорошо, удача всегда ему сопутствовала. Наверное, Генри, как любой игрок, был готов к возможному поражению, — но это должно быть поражение от сильнейшего. А я... да что такое я? Допускаю, что после василиска... нет, для вампира — взлома Эгмонтова кабинета — Ривендейл проникся ко мне некоторым уважением, да и на занятиях я через раз одерживала над ним верх, но карты оставались целиком и полностью его сферой. Он попросту не имел права спасовать передо мной.

— Еще! — потребовал герцог, стаскивая с пальца старинный перстень.

Я оглянулась на публику, ища поддержки. В конце концов, прежде все они с энтузиазмом восприняли мое предложение, чтобы каждый сыграл со мной не более двух раз. Мне совершенно не хотелось обыгрывать герцога до штанов. Но народ хотел зрелищ; посмотрев же на вампира, я поняла, что если откажусь, то наживу себе смертельного врага.

«А, мрыс с тобой!» Я ощутила вдруг кураж, круживший мне голову не хуже вина. Гордый герцог, свысока смотрящий на рыжую девчонку, — что, должно быть, неприятно ей проиграть? Сам виноват, никто тебя не звал... я не герцогиня-мать, чтобы уговаривать не совершать глупостей. И не Полин, чтобы любить за одни красивые глаза.

Мы сыграли общим счетом пять партий. С каждым разом игра становилась все короче, а на руках у герцога оставалось все больше карт. Близнецы, прорвавшиеся-таки к столу, предположили, что в конце концов случится самая короткая партия в мире, когда Ривендейл разом заберет себе всю колоду, а я схожу единственной имеющейся у меня картой — козырным тузом.

В четвертый раз Генри поставил на кон другой свой перстень, с герцогской печатью. Его откровенно несло, ничем иным я это объяснить не могла. В пятый раз он попытался было поставить штаны, но я отказалась, сообщив, что меня зовут не Полин и стриптиз в исполнении герцога интересует меня в последнюю очередь.

Мы сыграли на желание.

Я не знаю, зачем Генри затеял пятую игру. Он должен был понять, что выиграть у меня невозможно, но всякий раз выкладывал карту с таким видом, будто именно она и поможет ему победить. Я, напротив, ходила все менее и менее охотно.

Игра шла очень странно. По ходу я набрала полные руки карт, и Ривендейл вроде бы даже приободрился; но стоило партии перейти за середину, как я стремительно начала

отыгрываться. К концу у меня осталась одна-разъединовая карта, а герцог все принимал и принимал.

По-моему, финал был вполне предсказуем.

Герцог с убитым видом рассматривал свои карты. Он выложил их веером на стол, и я увидела, что там встречались и короли, и дамы, был даже один туз — но во второй половине козырные карты словно сами шли мне в руки, и никакие «картинки» не могли бы ничего изменить.

Я задумчиво посмотрела на Генри. В его власти было дать мне многое... я отстраненно подумала, что удача все-таки отвернулась от него не до конца. Окажись на моем месте Полин — и на завтра в роду Ривендейлов прибавилась бы еще одна герцогиня.

Похоже, Генри посетила точно та же мысль. По крайней мере, в глазах у него отражался все больший и больший ужас.

— Так, — начала я. — Я имею право забрать выигрыш прямо сейчас?

Герцог убито кивнул. На него было жалко смотреть; я невольно вспомнила, что в пересчете с вампирьих лет на человеческие Генри выходил младше меня. Ему не было жалко денег, но сейчас он изо всех сил пытался сохранить лицо, одновременно стараясь разгадать, чего конкретно я у него затребую.

А затребовать я могла многое. Хотя бы и фамильное бриллиантовое ожерелье герцогини-матери, подаренное ей старшим герцогом в день свадьбы. Про ожерелье это нам рассказывали на истории — штука была известная, стоила примерно столько же, сколько выигранное старшим герцогом графство. Картинка матери, снимающей с шеи ожерелье, надо думать, очень четко предстала пред внутренним Ривендейловым взором. Нет, она ничего не скажет сыну — карточный долг есть карточный долг, это святое, — но, право слово, лучше бы сказала.

Я хлопнула в ладоши, призывая всех ко вниманию.

— Это мой выигрыш? — Я указала на тускло поблескивающую грудку золота в дальнем углу. В ее середину была воткнута фамильная шпага с гербом Ривендейлов на рукояти.

Народ согласно загудел. К согласию примешивалась определенная доля скорби, — кажется, до всех только сейчас дошло, какую конкретно сумму они проиграли.

— И я могу распорядиться им как захочу?

Снова согласное гудение.

— Герцог Ривендейл... — громко сказала я, глядя Генри в глаза. Глаза были темные в прямом и переносном смысле: яркая Ривендейлова фантазия наверняка уже нарисовала ему картинку: меня, намертво вцепившуюся ему в руку, в белом платье и с длинной фатой. На заднем плане видения маячила матушка, лишившаяся фамильной драгоценности, и отец, опозоренный невероятным проигрышем сына. Я вспомнила свою единственную встречу с Ривендейлом-старшим и подумала, что Генри тревожится не напрасно. — Герцог Ривендейл, ты клянешься исполнить мое желание? Каким бы оно ни было?

— Да, — так же громко ответил вампир.

— Я хочу... — Я выдержала паузу — не из любви к садистским эффектам, а просто дожидаясь полной тишины. — Я хочу, чтобы мы прекратили игру и никогда больше ее не возобновляли. Я хочу также, — мне пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть поднявшийся шум, — чтобы ты забрал все, что проиграл ранее, за исключением, — герцог обратился в слух, — этого желания и золота, которое проиграл в самый первый раз. Это был первый пункт. Пункт второй... — Шум поднялся такой, что я пожалела, что не сообразила залезть на стол. — Я согласна вернуть каждому его проигрыш за исключением одной десятой части — в обмен на два желания.

Народ смолк. В глазах у каждого возникла задумчивость, сходная с той, которая не успела еще покинуть взгляда Ривендейла. Впрочем, им-то было не так уж и страшно: выйти за всех оптом я бы все одно не смогла, да и не такой, признаться, я плохой вариант. По крайней мере, с моей удачей можно не волноваться за семейный бюджет.

— Желание первое. Каждый день в течение года один из вас должен накормить меня

приличным обедом. Не в школьной столовой, — поспешно уточнила я, потому что в глазах у гномов мгновенно запрыгали нолики. — Не претендую на эльфийские рестораны, но еда должна быть съедобная. Желание второе, — продолжила я в полной тишине. — Я хочу, чтобы, когда мне будет грустно или скучно и просто настроение плохое, вы меня развеселили. Я скажу как именно, но ничего плохого там не будет. Все согласны?

В карих герцоговых глазах окончательно померкло видение нашей свадьбы. «Оно и к лучшему», — облегченно подумала я. В конце концов, когда я сюда шла, то надеялась всего лишь получить деньги на нормальный обед. Пополнять собой ряды Ривендейлов в мои планы не входило. Да и ссориться с большинством студентов — тоже.

Все оказались согласны. Еще минут десять народ разбирал проигранное; на то, чтобы определить, кто именно поведет меня кормиться, ушло немножко больше времени. В итоге вызвался Ривендейл. Похоже, по сравнению с возможным ущербом даже оплата обеда в лучшем ресторане столицы для всего нашего курса не показалась бы ему особенно обременительной.

Второе желание я решила затребовать пару недель спустя.

Был холодный день просинца, каникулы приближались к концу. По пути от Академии до города и обратно я замерзла как цуцик. Не сказать, однако, чтобы мое настроение было таким уж плохим, — сегодня меня кормил тот самый гном, которого я победила самым первым. Не мудрствуя лукаво, он привел меня в специальный трактир, находившийся на дальнем конце города, и, не обращая внимания на табличку «Только для гномов», приказал идти внутрь. Я послушно шагнула через порог, и на меня тотчас уставилось с сотню возмущенных глаз. Я в принципе неплохо их понимала, потому что на гномку походила примерно так же, как на конунга Валери. Но гном не растерялся, пошушукался с хозяином, и меня встретили как родную. Мне выделили самый удобный столик у окна, дважды протерли его тряпочкой (тряпочка прямо-таки сияла чистотой) и накормили практически до отвала. Третья порция десерта в меня даже не вошла.

— Слушай, что ты ему сказал? — невольно вырвалось у меня, когда мы с довольным гномом покинули сей гостеприимный кров.

Гном ухмыльнулся так, что рыжая борода разъехалась во все стороны.

— Хозяин трактира — мой четвероюродный дядя, — чуть свысока пояснил он. Гномы традиционно гордятся родственными связями. — Я показал ему тебя и сказал, что ты только по ошибке родилась человеком, а на деле — чистокровная гномка.

Я недоверчиво покосилась на собеседника. Гномкой меня еще не называли.

— Он тоже не поверил, — бодро продолжил кормилец. — Ну я и рассказал, как дело было... Ты на меня так не косись, я тебе правду говорю! Ежели ты не гномка, в жизнь бы до такого не додумалась!

— Вампиры — они тоже хозяйственные, — осторожно предположила я.

Гном возмущенно фыркнул.

— «Вампи-иры»... — передразнил он. — Чушь это все! Мы всю экономику придумали, а они у нас готовенькое сперли! Ну чего эти вампиры могут? Если Генри Ривендейл у них лучший, то про худших и думать не хочется!..

Я с сомнением поцокала языком. Быть может, насчет гномьей крови он был и прав — но, учитывая, что Хельги, уже кормивший меня ранее, интересовался, не был ли вампиром, скажем, мой двоюродный дедушка, а братья аунд Лиррен всю дорогу пламенно убеждали меня в том, что я хотя бы на четверть, но эльфийка... Люди, кстати, ничего не говорили. Они просто молча мной гордились.

В общем, хлеб у меня уже есть. Теперь мне хочется зрелищ. Тем более нечего расхолаживать народ — еще через недельку он вообще напрочь забудет, чего такого мне наобещал.

Мы дошли практически до самых ворот. Я остановилась, не доходя до них нескольких шагов. Гном прошел эти шаги по инерции, потом остановился и недоуменно посмотрел на меня.

— Передай всем, что я жду их сегодня в пять вечера. — Для верности я ткнула в гнома пальцем. Тот опасливо покосился на давно не стриженный ноготь, но промолчал. — Будем выполнять вторую часть договора, насчет веселья. Передашь и сам придешь, понял?

Гном исполнительно кивнул.

В пять часов вечера я стояла перед дверью в потайную комнату и мучительно пыталась вспомнить, каким таким хитрым стуком воспользовались в тот раз близнецы. Так ничего и не сообразив, я просто постучала кулаком, громко сообщив, что меня наконец-то дождались.

Подействовало. Дверь гостеприимно распахнулась, я зашла внутрь.

Все оставалось по-прежнему, только стол сдвинули в угол. В центре комнаты мигом образовалась непривычная пустота. Адепты сидели кто на столе, кто на стульях, кто на подоконнике и переговаривались между собой. Стоило мне войти, и в помещении установилась относительная тишина. На меня выжидательно уставилось с полсотни любителей карточных игр.

Я щелкнула пальцами, начаровывая себе стул. Сказать по правде, творить вещи из пустоты я еще не умела — этому учат только на шестом курсе, так что стул был попросту телепортирован из ближайшего кабинета. Не исключено, что магия выдернула его из-под чьей-то задницы, хотя я постаралась подстраховаться.

Я села на стул, развернув его спинкой вперед. Спинка была высокая, резная и очень удобная: я немедленно положила на нее локти. Похоже, мимоходом подумалось мне, стул прилетел от кого-то из учителей.

— Значит, так, — заговорила я, когда тишина стала окончательно полной и даже близнецы аунд Лиррен перестали болтать друг с другом. — Мне сейчас грустно. А когда мне грустно, я хочу слушать свою любимую песенку. — Подумав, я уточнила: — В театрализованном исполнении.

— А что за песенка? — после секундного замешательства спросил правый близнец.

— Песенка простая, — пожалала я плечами. — Вся фишка в исполнении. А слова там такие:

На зеленой солнечной опушке
Прыгают зеленые лягушки.
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Стало тихо.

Я не обманула доверчивых адептов ни на гран. Песенка и впрямь была любимая — я слышала ее лет девяти от роду в исполнении двух подвыпивших эльфов. Лыковки ими было принято немало, поэтому исполнение получилось весьма душевным. Я, по крайней мере, впечатлилась и запомнила его навсегда.

— И... и что дальше? — наконец выговорил Хельги.

Я досадливо передернула плечами.

— Спойте, вот и все. Только не просто так, а как-нибудь интерес-ненько... — Я неопределенно пошевелила пальцами. Признаться, я сама представляла правильное исполнение весьма и весьма смутно.

— Так, все, мы поняли, — решительно сказал левый близнец. — Щас все будет. Яльга, выйди на минутку, мы народ организуем.

— На минутку! — Я многозначительно подняла палец.

— На три минутки, — пунктуально уточнил правый. — Не волнуйся, дело принято в надежные эльфийские руки... Давай-давай, не задерживай народонаселение...

Я вышла в коридор, тщательно выпроваживаемая близнецами. Постояла перед дверью; просто так стоять было скучно, и я отошла к замерзшему окну. На нем уже отметилось штук семнадцать адептов. Я заметила три надписи «Такой-то — козел»; одна «Генри, я тебя люблю!» (эта почему-то без подписи); четыре «И я тоже!!!», подписанные вокруг

предыдущей; сердечко знакомых по Полин очертаний и, наконец, восемь партий в крестик-нолики.

Подышав для верности, я написала пальцем «Яльга»; пальцу сделалось холодно, и я не стала дописывать фамилию, решив, что меня опознают и без нее. Отошла подальше, критически осмотрела творение; свеженаписанное оказалось аккурат под признанием в любви. Я торопливо стерла свое имя, воровато оглядываясь по сторонам. Переместилась чуть в сторону, поближе к нейтральным крестикам, повторила надпись еще раз. Добавила к заглавной букве завитушку. Еще одну.

К тому моменту, когда из комнаты высунулся растрепанный Хельги, я исчерпала годичный запас фантазии по части завитушек и окончательно отморозила палец. К вампиру я едва не бросилась как к родному.

— Что, все? — Пальцу было холодно, рисовать мне уже надоело, поэтому я с надеждой уточнила: — Уже?

Хельги приглашающе мотнул растрепанной головой.

Я зашла, пытаюсь понять, что же такое сделали с несчастным вампиром. Пол им подметали, что ли?

Внутри произошли некоторые изменения. Стол и подоконники были пусты, adeпты ровным квадратиком стояли посреди комнаты. В первом ряду я заметила обоих близнецов, алхимика фон Геллерта и давешнего некроманта. Где-то рядом мелькала и знакомая рыжая борода, принадлежавшая, понятно, гному-кормильцу.

Перед строем прохаживался Генри Ривендейл. Вид у него был какой-то смутный.

— О, Яльга! — хором обрадовались близнецы. Меня тут же проводили до стола и помогли на него усесться.

— Ну смотри, — сказал правый (по-моему, это был Эллинг).

— Мы старались, — скромно потупился предполагаемый Яллинг. Для пущего эффекта он застенчиво поскреб ножкой пол. Пол был каменный и оттого почти не проскребывался.

Я благосклонно кивнула. Близнецы улетучились обратно и стали по двум передним углам квадрата. Перед строем, как я заметила, ходили уже двое — к Генри Ривендейлу присоединился Хельги Ульгрем. Оба были какие-то задумчивые. Остальные адепты косились на них с непонятым выражением — ехидным и предвкушающим.

— Ну грянули! — ни к кому в отдельности не обращаясь, воскликнул правый близнец.

И хор грянул:

На зеленой солнечной опушке
Прыгают зеленые лягушки!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Генри, мрачнее ночи, покосился в мою сторону. Предполагаемый Эллинг сделал ему знак, и вампир, наградив меня еще одним хмурым взглядом, нехотя запрыгал по полу. В прыжках его было что-то знакомое; приглядевшись, я поняла, что он изображает лягушку.

С другой стороны то же самое проделывал Хельги. У него физиономия была малость жизнерадостнее, но на лягушку он все одно тянул с большим трудом.

Общая идея мне понравилась. Но воплощение оставляло желать лучшего. Хор пел вразнобой, кое-кто попадал в ноты, остальные голосили кто во что горазд. Про лягушек все и так сказано выше.

— Так, стоп! — Я постучала ногами по столешнице. Подумав, я взобралась на нее, чтобы меня было видно как можно лучше, и попрыгала, призывая народ к вниманию. — Так. Слушайте сюда. Идея хорошая. Но кто вас, мрыс дерр гаст, учил так петь? И вообще, герцог, что это за лягушка? Художественнее, художественнее... И Хельги это тоже касается...

— Без музыки сложно, — вякнул кто-то из задних рядов.

— А я буду дирижировать! — тут же нашлась я. — Чем тут можно помахать?

Произошла заминка. Народ рассматривал комнату. Ничего подходящего поблизости не имелось.

— Шпага! — сообразил один из близнецов. — Генри, давай сюда шпагу!..

Вампир побледнел. Он явно представил, что скажет старший герцог, буде он услышит о подобном непотребстве.

— Давай-давай, на ниву искусства... — Ловкий эльф уже выдернул шпагу из ножен.

— Ты не против? — озабоченно спросил второй.

Генри махнул рукой. Ему, похоже, было уже все равно.

Я сомкнула пальцы на рукояти. Да... штука была удобная, не зря герцог с ней почти не расстается. Говорили, что он берет ее даже в постель; девицы, делившие с Ривендейлом эту самую постель, возмущенно говорили, что оружие он обнимает гораздо более страстно. Вдобавок при дневном свете девиц он почти не различает (оттого избегает называть их по имени, обходясь словечками вроде «солнышко», «лапочка», «киска» или «зайка»), зато шпагу, наверное, нашел бы и на ощупь.

— Раз-два-три... Начали!

Хор уже привычно завопил:

На зеленой солнечной опушке
Прыгают зеленые лягушки!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!!

Особенно старались близнецы. У них, как у чистокровных эльфов, слух был практически идеальный; кажется, только они двое и попадали в ритм до конца.

Лягушки бодро прыгали по воображаемой полянке. Без шпаги, путавшейся у Генри в ногах, дело пошло на лад, но все одно здесь предстояло работать и работать. Ладно, поработаем, что нам, разве сложно? Напротив, нам это даже нравится... — «Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а, Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а-а!!!»

Я вдохновенно дирижировала шпагой.

Как ни сложно в это поверить, все преподаватели когда-то были адептами. И далеко не все — адептами идеальными, даже не подозревающими о существовании иных потайных комнат. Еще наивнее предполагать, будто за десять (пятнадцать, двадцать, пятьдесят — подчеркнуть нужное) лет, минувших со дня выпускного, магистры напрочь забыли о существовании таковых помещений.

Эгмонт Рихтер не был идеальным адептом. И на память ему жаловаться не приходилось. Он отлично помнил, в какой конкретно комнате собираются любители азартных игр. Лет пятнадцать назад, в бытность свою студентом, он там не раз бывал, наблюдая за игрой. Сам он играл очень редко за неимением свободных денежных средств, зато знал, что в случае крупного выигрыша счастливый победитель непременно поведет всю компанию в трактир. Есть хотелось всегда, деньги бывали значительно реже, а качество столовой еды в те годы ничем не отличалось от нынешнего. Подобный способ сэкономить средства не считался постыдным: все знали, что удача может и отвернуться, а тогда — кто знает, вдруг завтра тебе самому придется дожидаться чужой победы?

Став магистром, Эгмонт, как и прочие преподаватели, даже и в мыслях не держал, чтобы накрыть студентам малину, как это самое называли гномы с Южных Гор. Он прекрасно понимал, что играть все равно будут, а если так, то гораздо удобнее иметь возможность постоянно контролировать ситуацию.

Он и контролировал. По мере сил; а сил было немало.

Сегодня маячок, хитрым образом установленный у тамошней двери, снова подал сигнал. Это было странно, потому что нынче была среда, а игральными днями считались четверг и суббота. Насторожившись, Эгмонт включил эмпато-взгляд.

Обыкновенно из комнаты исходили вполне логичные эмоции. Азарт, интерес, злость,

бешеная радость. Зависть, в конце концов, он привычно просматривал эмпато-слой, в случае чего будучи готов перекрыть адептам магическое поле. Эгмонт отлично знал, что проигравший запросто может колдануть победителя первым, что придет в не шибко умную голову. Добро, если при этом не развалится вся школа.

Но на сей раз там творилось нечто неопишное.

Не сумев разложить эмоциональный поток на отдельные составляющие — что само по себе было странно, ибо эмпатию Эгмонт и знал и любил, — магистр отключил эмпато-взгляд и прислушался. Игральная комната располагалась двумя этажами ниже его кабинета.

Оттуда доносились какие-то странные звуки. Звуки определенно складывались во что-то знакомое. Двумя словами и одним жестом Эгмонт усилил слух.

Снизу немедленно донеслось:

На зеленой солнечной опушке
Прыгают зеленые лягушки!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!!

Пение было хоровое, не слишком-то стройное, зато очень прочувствованное. Оно сопровождалось странными мягкими прыжками, будто заодно внизу отрабатывали какой-то танец.

Пока Эгмонт пытался поверить в то, что услышал, пение прервалось. Знакомый голос — услышав его, магистр окончательно убедился, что внизу творится неладное, — бодро скомандовал:

— Стоп! Стоп, Хельги, я сказала!.. Ну в общем, лучше, чем в прошлый раз. Но вообще, вы в ритм попадать умеете? Половина классно поет, второй точно мгымбр на ухо наступил!

— А где которая? — мяукнул кто-то, чьего голоса Эгмонт не опознал, но на него тут же зашикали.

— Так. Теперь что касается лягушек. С лягушками уже лучше. Хельги у нас вообще молодец... нет, аплодировать пока не надо, еще рановато... Герцог, слушай сюда! Я понимаю, что ты лягушек видел исключительно жареных и на серебряном блюде!.. Но ты меня тоже пойми, ведь жареные лягушки по опушкам не прыгают! Больше натурализма, естественности там! И непосредственности тоже!.. Ну поехали!..

На зеленой солнечной опушке
Прыгают зеленые лягушки!

— Лягушки! Лягушки пошли!..

Послышались те самые мягкие прыжки.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а, Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а-а!!!» — остервенело выводили порядком уже охрипшие голоса.

Эгмонт выключил дополнительный слух, от изумления даже забыв воспользоваться более экономичной формулой. Несколько секунд он просто сидел за столом, пытаясь прийти в себя. В ушах слегка звенело в ритме песенки.

На всякий случай захватив с собой пару накопительных амулетов, он вышел из кабинета и, закрыв дверь на ключ, отправился вниз.

Мы репетировали уже на пятый раз. Получалось все лучше и лучше, народ даже начал попадать в ноты. Генри Ривендейл, поняв, что терять ему нечего, обнаружил чудеса артистизма и отличное знание зоологии. Особенную натуралистичность образу придавал зеленоватый оттенок герцоговой физиономии. Видно, он представлял, что именно скажет ему герцогиня-мать, если узнает, как именно ее любимый сын организовал досуг.

Я размахивала шпагой, с каждым взмахом оценивая ее все выше и выше. Рукоять была точно под меня сделана, пальцы смыкались, как им и положено, плотно; запястье почти не

устало, хотя я дирижировала уже минут сорок подряд.

Мы находились примерно посредине второго «ля», когда дверь внезапно распахнулась. На пороге стоял Эгмонт.

Повисла мертвая тишина. Все замерли где стояли; подозреваю, что Генри замер бы и в прыжке, но вампир, на свое счастье, успел приземлиться на пол. Хор застыл с открытыми ртами, я — с поднятой шпагой.

Эгмонт молча смотрел на нас с порога. Глаза у него были не то чтобы квадратные, но очень к тому близко. Это был первый раз на моей памяти, когда магистр не знал, что ему сказать.

— И... и как это следует понимать? — наконец выдавил он.

— Мы... — вякнул один из близнецов. — Мы тут...

— Мы... — пришел ему на помощь второй. — Мы здесь...

— Занимаемся самодеятельностью, — вышла я наконец из ступора. Все лица синхронно обратились в мою сторону. Подумав, я опустила шпагу и застенчиво спрятала ее за спину. — Понимаете, магистр Рихтер, у нас репетиция...

— Репетиция? — со странной интонацией переспросил Эгмонт.

— Ну да, репетиция. — Я решила, что повторить не помешает. Вид, по крайней мере, у магистра был соответственный — такой, словно его стукнули по голове чем-то тяжелым. — Репетируем, повторяем, усваиваем... Даже, пожалуй, немножко закрепляем, — добавила я, подумав, что последнее слово должно показаться ему знакомым.

— Вот как, — с тем же странным выражением протянул Эгмонт. Он медленно обвел взглядом всю комнату: сгрудившийся хор, давно уже потерявший очертания правильного квадрата и не тянувший теперь даже на плохонький параллелограмм, Хельги с Генри, застывших в очень странных позах в середине, близнецов аунд Лиррен с серебряными колокольчиками в руках (за ними братья бегали в свою комнату). Взгляд остановился на мне, гордо стоявшей посреди стола, и я порадовалась, что уже убрала шпагу за спину. Иначе за рассудок магистра лично я бы не поручилась. — Ладно, не буду вам мешать...

Он вышел и осторожно закрыл за собой дверь. Я немедленно возгордилась — ха, кто еще похвастается, что ввел в такой ступор магистра боевой магии?

— Продолжаем! — жизнерадостно приказала я, заметив, что народ уже начал приходить в себя. — Раз-два-три... Ну начали!..

Хор грянул. Я привычно взмахнула шпагой.

Эгмонт Рихтер, стоявший за дверью, поймал себя на том, что прищелкивает пальцами в такт мелодии. Он потряс головой, избавляясь от наваждения, буркнул под нос «мрыс эт веллер!» и, не оборачиваясь, быстро пошел обратно в свой кабинет.

А за спиной его гремело торжествующее:

Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля-а-а!!!

На ходу магистр щелкнул пальцами, отгораживаясь звуконепроницаемой завесой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

олимпиадная, в которой не в ладу не только ум с сердцем, но и студенческие способности с ковенскими ассигнованиями

Замечено: все хорошее рано или поздно обретает свой закономерный конец. Не знаю, правда, кому конкретно принадлежит это бесспорно истинное наблюдение, но есть мнение,

что автор был адептом или — на крайний случай — преподавателем. Потому что из всего хорошего и краткосрочного каникулы определенно являются самым хорошим и самым краткосрочным.

Две недели закончились куда быстрее, чем мне бы того хотелось. Никаких высоких призывов во мне не просыпалось, на занятия меня не тянуло, да и не сказать, чтобы я успела по ком-то сильно соскучиться. Скорее уж наоборот, некоторые физиономии изрядно меня достали — со времен знаменитой игры в карты... нет, со времен Блистательной Виктории Над Герцогом Ривендейлом! — словом, с того приснопамятного дня я стала до ужаса популярной. Надо сказать, интересно это было только поначалу — под конец я готова была на стенку лезть и жутко обрадовалась, поняв, что волна всеобщей любви потихоньку идет на спад.

Ну а когда начались занятия, народу тем более стало не до меня.

Второй семестр длиннее первого, но этого злобным магистрам определенно показалось мало. Их усилиями пресловутый семестр сделался еще и сложнее, причем ощутили мы это практически сразу. В первый же день я вернулась из библиотеки хорошо в десятом часу, и назавтра, когда заданий сделалось немножко меньше, моя элементарь вытащила откуда-то потрепанную брошюрку и вслух зачитала мне отрывок, начинавшийся со следующих слов: «Режим, тако же рекомый распорядком дня, есмь дело, зело необходимое для каждого адепта, в скобочках — студента, а особливо для адепки женского полу, ибо женщины суть существа нежные и ранимые...» Полин слушала с большим интересом — кажется, она даже немножко законспектировала. Я же, поблагодарив флуктуацию за столь трогательную заботу, предложила ей провести мини-лекцию для особенно зверствующих магистров.

Учитывая, что первыми номерами в списке зверствующих стояли Рихтер и Белая Дама соответственно, умная элементарь быстренько спрятала брошюрку куда подальше.

Через недельку я попривыкла, и жить разом сделалось немножко легче.

Жизнь пошла привычным чередом. Я честно конспектировала лекции, решала задачки по математике (сей предмет был введен в курс общей магии и изрядно осложнил мне отношения с помянутой дисциплиной; но Фенгиаруленгеддир был гномом, а они без вычислений жить попросту не могут) и заучивала новые заклинания. Немножко варила зелья... ой, то есть, конечно, не «зелья» и не «варила», а «проводила алхимические опыты с получением некоторого количества заданного вещества». Магистр Ламмерлэйк в последнее время приходила на занятия в состоянии полной боевой готовности — уровень стервозности, и прежде зашкаливавший за все мыслимые пределы, ныне сделался и вовсе пугающим. Ехидные близнецы аунд Лиррен оценивали ее состояние в ноль целых девяносто шесть сотых Ш. Дэнн или — переводя в отечественные единицы — в ноль целых пять десятых Э. Рихтера.

Надо сказать, лично я в рихтерах скорее уж оценивала бы героизм. Сцена с лягушками, даром что потрясла нашего магистра до глубин не столь уж, оказывается, и искушенной души, практически не сказалась на его поведении. А если и сказалась, то не так сильно, как мгымбр — на бестиологе; по крайней мере, замен у нас не было и заезжих эльфиек тоже. Оно и к лучшему.

Впрочем, бестиологическая эльфийка уже свалила обратно, в свое прекрасное далеко. Многострадальную дисциплину снова взялся вести Марцелл; из жалости (ну женщина я или нет?!) я старалась вести себя тише воды ниже травы, но это не помогало. Бедняга-бестиолог все равно не сводил с меня бдительного взгляда. Стоило мне только шевельнуться или, не приведи боги, кашлянуть, как взгляд из бдительного мигом превращался в испуганный, а в худшие дни Марцелл начинал заикаться и подергивать левым глазом. Чучело мгымбра — новое, взамен утраченного — в его коллекции так и не появилось.

Да, еще у нас прибавилось на один предмет. Назывался он «Лечебная магия», и вела его, как ни странно, магистр Дэнн. Впрочем, некромантка мигом разъяснила это недоразумение, небрежно сказав, что у некроманта и лекаря методы в принципе одни и те же. И цель одна: поднять клиента на ноги.

И цинизма у них тоже приблизительно поровну.

Собственно, все началось именно на занятии по лечебным чарам. За окном плавно подходил к середине месяц просинец; там, снаружи, все было белым, пушистым и до ужаса холодным, что особенно отчетливо ощущалось в моих... скажем так — перфорированных сапогах. Вязаные носочки, купленные мною на выигранные деньги — на сапоги не хватило, так хоть носки купить! — немножко сглаживали проблему, как и согревающие заклинания, наложенные на обувь с утра. Но то ли чары уже успели развеяться, то ли в этом кабинете имелаась своя, куда более сильная, магия, — но по полу крался самый натуральный сквозняк, из окон сильно дуло, ноги мерзли, и я тщетно поджимала их под скамейкой.

По крайней мере, холодно было не только мне. Эльф Келлайн, как и я, приехавший с юга, натягивал рукава едва ли не по самые кончики пальцев. Гном Снорри, как наиболее практичный, пришел на занятия в теплой куртке. И даже Генри Ривендейл, которому уже было нечего терять, невозмутимо отогревал свой аристократический нос. Я немножко полюбовалась этим небывалым зрелищем, а потом опять вернулась к учебнику.

Хм, а Келлайн не так уж и неправ! Я зубами натянула оба рукава на озябшие кисти, вдумчиво подышала на ладони и взялась за перо. Так. Записываем.

«Ландыш. Цв. — тки Л. употр. при заб. — ниях серд. — х, глаз. — х, а тако же при лихорадк. или эпилепс. Чарн. комп. — та — закл. Мелорна А. С, подставить в соотв. мест.» «Ландыш» — подчеркнуть.

«Ландыши», — мрачно подумала я. Беленькие такие цветочки. Листики зеленые. Ага, и еще травка кругом, и полянка весенняя, и солнышко, разумеется, сверху наяряивает...

Между прочим, вдруг пришло мне в голову, среди adeптов самоубийцы встречаются крайне редко. А если учесть, что окна в кабинете Шэнди Дэнн наверняка заклеивали студенты с некромантического факультета, — то нельзя даже и предположить, что они посмели схалтурить. Не-эт, заклеено везде на совесть... а это значит, что холод в кабинете создан исключительно подручными чародейными средствами. И, естественно, служит каким-то педагогическим целям, всенепременно имеющимся у Белой Дамы. Может, она хочет научить нас бороться с морозом?..

А мрыс ее знает...

Сама некромантка, кстати, не испытывала ни малейшего дискомфорта. Свитер на ней, правда, был теплый — это даже скорее был не свитер, а длинная вязаная туника, — зато юбка едва доставала до коленей. Колготки у Белой Дамы были эльфийские, с орнаментом, но каждому известно, что эльфы не умеют производить ровным счетом ничего теплого, за исключением сапог и плащей. А сапоги здесь были явно не эльфийские: высокие ботфорты из белоснежной замши, если верить Полин, давно уже вышли среди Перворожденных из моды. Зато только-только начали входить в моду у людей.

Да и поза непосредственной руководительницы явно не говорила о тихом замерзании. В комочек она не сжималась, носа не отогревала — и молний не метала, что с ее темпераментом, кстати, было бы гораздо вероятнее. Сидела себе на стуле, небрежно откинувшись на резную спинку, и перебирала малахитовые четки, периодически окидывая класс острым, как боевая спица, взглядом.

Ладно, вернемся к своим цветочкам... Я жирно подчеркнула «ландыш» — тут в коридоре прозвенел звонок, там разом сделалось людно, эльфно, гномно, а главное — очень шумно. Впрочем, мимо нашей двери adeпты проходили на цыпочках: крутого характера некромантки боялась вся Академия.

Тем не менее озябшая группа дружно подняла головы, воззрившись на Белую Даму с одинаковым просительным выражением во взглядах. «Горыныч какой-то», — хмуро подумала я.

Магистр Дэнн звучно щелкнула темно-зеленой бусиной. Звук получился зловещий; adeпты мигом уткнулись взглядами обратно в конспекты.

— Дописывайте, — ледяным тоном велела некромантка.

Мы обреченно склонились еще ниже, но тут случилось невероятное.

По коридору дробно простучали каблуки, дверь распахнулась, и на пороге появилась Эльвира Ламмерлэйк, жутко похожая на картинку атакующей химеры в учебнике бестиологии. Я невольно отодвинулась назад вместе со стулом; Генри Ривендейл мигом опустил руки от носа, немедленно таковым шмыгнув; Шэнди же Дэнн, положив на стол четки, поднялась навстречу коллеге.

— КОВЕН? — хмыкнув, осведомилась она.

Эльвира, фыркнув, материализовала в воздухе папку. Папка была фиолетовая, а на верхней крышке я заметила вытисненную золотом геральдическую сову.

— Ознакомься! — с непередаваемым выражением предложила она. — А я пойду своего, хм, лауреата готовить!

Она развернулась на каблуках и телепортировалась прочь. Гном Снорри, сидевший слева от меня, украдкой сделал под партой знак от сглаза.

Некромантка задумчиво погладила свою папку кончиками пальцев. Походило, что все тамошнее содержимое ей давно известно, вот только что с ним делать — это совсем другой вопрос. Подняв голову, она внимательно осмотрела аудиторию, надолго задерживаясь взглядом на каждом адепте. Взгляд мне очень не понравился: уж больно он был конкретный и некромантский. Сильно смахивало на то, что одного из нас вот-вот отправят кормить упырей.

— Ладно, собирайте вещи, — наконец скомандовала она. — Все равно проку с вас, как с ежика шерсти...

Я обрадованно закинула книжку и тетрадь в сумку, но только взялась за чернильницу, как вновь почувствовала на себе взгляд чародейки. Закономерно ожидая неприятностей, я судорожно начала вспоминать конспект по боевой магии, но перед глазами стояла только первая страница, про чародейную экологию.

— Адептка Ясица, — решительно приказала Шэнди Дэнн, — а вас я попрошу остаться!

Народ брызнул из аудитории, даже не вспомнив про пресловутую студенческую солидарность. Я, подумав, что терять мне все едино нечего, быстро запихнула чернильницу в сумку и стянула шнурок. Закинула сумку через плечо и изобразила на лице страстное желание как можно скорее отправиться на грядущую лекцию по бестиологии.

Увы — некромантка напрочь все это проигнорировала. Раскрыв папку, она извлекла оттуда небольшой бланк и протянула мне:

— Заполните, адептка.

Я, помедлив, приняла листок. Был он, кстати, не пергаментный, а бумажный; более того, бумага была не отечественная, тонкая, серая и рвущаяся от простого прикосновения кончиком пера, а эльфийская — плотная, белоснежная, даже чуть искрящаяся на солнце. Цену одного такого листка я представляла весьма смутно, но знала, что, если меня продать тем же эльфам всю целиком, вместе с сапогами, курткой и способностями к боевой магии, на пачку такой вот бумаги денег все равно не наберется.

— Заполняйте же, — нетерпеливо повторила Шэнди Дэнн. — Чернильницу дать?

— Ага, — нахально сказала я, подумав, что у магистров наверняка и чернила окажутся эльфийскими. Потом вспомнила, с кем веду беседу, и вежливо добавила: — Пожалуйста.

Некромантка щелкнула пальцами, подзывая чернильницу и перо. Я окунула второе в первую, стряхнула лишнюю каплю и, под пристальным взглядом магистра, начала заполнять бланк.

Имя. Фамилия. Раса. Год рождения. Учебное заведение. Курс. Строчки «факультет» я там не нашла, зато в правом верхнем углу обнаружилась эмблема, хорошо знакомая мне по прочитанной мимоходом геральдической брошюре. Горящая свеча и черная тень, далеко отброшенная язычком пламени.

Некромантия?..

— Великолепно, — сухо прокомментировала магичка, когда я поставила внизу максимально заковыристый росчерк.

Повинуясь легкому движению ее бровей, бланк мотыльком взлетел в воздух.

Некромантка раскрыла папку, впуская его внутрь.

— А что это вообще было, магистр Дэнн? — осторожно осведомилась я. По-хорошему, спрашивать надо было раньше, но я знала магистра достаточно хорошо, чтобы уразуметь, когда вопросы из лишних становятся небезопасными.

— Заявка, разумеется! — Белая Дама захлопнула папку и неожиданно улыбнулась: — Завтра в десять часов вы должны стоять в вестибюле межинградской резиденции КОВЕНа. Регистрация продолжится до половины одиннадцатого; ну а потом вы продемонстрируете нашим многоуважаемым патронам, чему вас научили в этих стенах.

Я задумалась. Слово «КОВЕН», даром что обозначало мой будущий цех, никогда не ассоциировалось у меня с чем-то приятным. Наверное, это шло еще с тех времен, когда я чаровала иллюзии на площадях, больше всего боясь привлечь нехорошее внимание главного городского мага.

— Прошу прощения, но... я не совсем поняла, что именно там случится.

Шэнди Дэнн изящно приподняла тонкую бровь:

— Городская олимпиада по некромантии, разумеется, — сообщила она таким тоном, словно другого варианта и быть не могло.

Хорошо, что я тогда сидела, а не стояла.

— Но, магистр Дэнн!.. — вырвалось из меня пятью секундами позже, когда я снова обрела способность соображать. — Я же ведь не некромант! Я боевой маг, и мои способности к некромантии...

— Определять не вам! — сурово отрезала Белая Дама. — Я сказала, что туда отправитесь вы, — значит, туда отправитесь именно вы!

Но я не сдавалась. Мне, в конце концов, было всего лишь девятнадцать лет — жизнь только начиналась, и мне отнюдь не хотелось завтра с нею расстаться.

— Но студенты с вашего факультета покажут значительно более высокие результаты!

— Много выйдет чести — посылать студента с моего факультета! — Некромантка встала, давая понять, что разговор закончен.

Я подхватила сумку, горько жалея о том, что не догадалась прогулять сегодняшний лечмаг. Сделала шаг к двери — и тут меня осенило, как именно можно отделаться от свалившейся олимпиады. Как говорят гномы, не спеша дергать дракона за хвост, лучше страви его с другим драконом!

— Магистр Дэнн, — вкрадчиво сказала я, украдкой скрестив в кармане пальцы. — А у меня завтра практикум по боевой магии! Вы знаете, магистр Рихтер так отрицательно относится к пропускам...

Магичка, совсем было про меня забывшая, развернулась ко мне. Нахмурилась; я возликовала, на всякий случай скреживая пальцы и на ногах. Но через пару секунд, когда Шэнди Дэнн одарила меня второй сияющей улыбкой, я поняла, что дело проиграно.

— Не волнуйтесь, адептка! — ласково сообщила она. — С коллегой Рихтером я поговорю лично. Не может быть, чтобы он отказался предоставить своей ученице столь редкую возможность продемонстрировать талант еще и в смежной области магической науки!

«Сговорились!» — обреченно подумала я, выходя в коридор.

Одно хорошо — заданий на завтра нам почти не дали. Я быстро заполнила таблицу по видам виверн, проглядела наискосок параграф по телепатии и, собрав мыслительные способности в кучку, решила три задачи из геометрического курса. Потом отловила Куругорма с Келефином — сегодня и завтра была их очередь кормить меня обедом — и объяснила эльфам, что график сдвигается ровно на два дня. Сегодня надо подготовиться к завтра, а завтра, чувствует мое сердце, я вернусь гораздо позднее обеденного времени.

Сделав все необходимое, я собралась с духом и решительно направила стопы в библиотеку.

Народу там было много, в том числе и с нашего курса. Разговаривая с Белой Дамой, я не солгала насчет завтрашнего практикума — и адепты, наученные горьким опытом и

суровым магистром, честно грызли гранит наук. Свободных столов я не заметила, но на крайний случай можно было пристроиться к Ривендейлу или к нашим гномам. К вампирам и эльфам пристраиваться не рекомендовалось — вторые чересчур любопытны, а у первых постоянно что-нибудь да случается. А когда что-нибудь случается в библиотеке, разумному адепту стоит быть от случившегося подальше.

А не то придется объясняться с магистром Зираком.

Впрочем, пока что отношения с гномом у меня складывались самые идиллические. Не застав его на рабочем месте, я спокойно прошла в глубь хранилища, после первого же поворота столкнувшись с гноменком. Тот, как всегда, сметал с книг пыль соответствующей метелочкой.

— А магистр Зирак где?

Гноменок молча ткнул метелочкой куда-то на восток.

Гнома я нашла как раз где и было надо — возле некромантического сектора, благоразумно упрятанного как можно дальше от входа. Дальше располагалась, пожалуй, только боевая магия; прежде мне ни разу не приходилось задерживаться в этом секторе, так что сейчас я с любопытством осмотрелась кругом.

Антураж здесь был совершенно не некромантский. На стенах висели светильники, источавшие ровное сияние, ни в одном из углов не болталось даже ниточки паутины, а книги, ровными рядами стоявшие на полках, вели себя крайне дисциплинированно. Только в дальнем углу какой-то гнусавый голос шепотом перечислял методы борьбы с упырями. Ему периодически возражал другой — судя по тембру, женский; голоса спорили, сердились, но до классического диспута с вырыванием друг у друга страниц дело не доходило. Еще бы, ведь совсем рядом стоял сам магистр Зирак, недовольно обозревавший книжные корешки.

— Добрый день, — осторожно сказала я, прикидывая, а стоило ли мне вообще приходить.

Если кто-нибудь скажет вам, будто по-настоящему бурный темперамент — это к эльфам, то не стоит верить на слово. Эльфы, конечно, большие мастера устраивать скандалы, зато гномы способны на по-настоящему серьезные разрушения. Зирак в принципе отличался отходчивым нравом, но прилететь все едино могло.

— Кому добрый... — ворчливо откликнулся Зирак, и я облегченно перевела дух. — А кому и ковенский! Ух, чтоб ему комиссию да через штольню, да сорок восемь раз, да некромантской методичкой!

— Кгхм, — сказала я после долгой уважительной паузы. — А что случилось?

Гном сердито засопел, живо напомнив мне давешний бородатый чайник. Чайник изначально был обычный, металлический, с розочкой на боку — принадлежал, разумеется, Полин и стоял себе на подоконнике. Чаше всего в нем булькала вода, причем горячая — он был заколдован так, чтобы самому ее кипятить. Но однажды на излете каникул Полин вздумалось вскипятить в нем зелье, делающее волосы крепкими и блестящими. Мысль, бесспорно, была свежа и любопытна. Две чары, наложившись одна на другую, дали просто потрясающий эффект. «Потрясающий» в прямом смысле — впервые увидев сюрреалистический чайник, снабженный спускающейся ниже подоконника бородой (как оказалось позже, крепкой и блестящей), я села и долго не вставала.

— «Что», «что»! — передразнил Зирак. — Говорю же — КОВЕН! Их, кобольды драные...

Тут у меня в голове что-то щелкнуло, я припомнила госпожу Ламмерлэйк с ее фиолетовой папкой, и две картинки мигом слились в одну.

— Это вы про олимпиаду, ага? Некромантическую?

Гном мигом перестал ругаться и ехидно прищурился:

— А-а-а, магистр Дэнн нашла-таки выход!.. Уй, ну и хитрая же! На тебя, кажется, еще Буковец виды имел, и Марцелл тоже...

— Марцелл? — Я удивленно вскинула брови. — Ему-то от меня чего надо?

— Ну уж всяко не доклада про мгымбров!.. Олимпиады и надо, чего ж еще?.. У него

там, говорят, какой-то недруг в жури, вот он, верно, и решил всех пауков в одну банку...

— Ар-рахнофил, — с чувством сказала я. — Нет уж, с меня и некромантии хватит! Магистр Зирак, мне бы книжечку...

— Книжечку? — с готовностью отреагировал библиотекарь. — Да вот тебе цельный отдел книжечек. Что ни выберешь, все твое!

— Я ж тут заночую... — неуверенно предположила я. — С вас тогда кушетка!

Гном ехидно шевельнул бородой:

— А формулировать четче надо! И чему вас только племянник учит?.. В смысле магистр Фенгиаруленгеддир, — пояснил он, поймав мой недоумевающий взгляд. — Адепт, Яльга, чтоб ты знала, обязан уметь высказываться кратко, четко и доступно! А не как эти ковенские, мрыс их веллер келленгарм!

Я заинтересовалась. Темперамент, конечно, темпераментом, но вывести гнома из себя ничуть не проще, чем ввести обратно.

— Так чего ковенские-то? Ну олимпиада, что ж такого?

Зирак задумчиво провел рукой по бороде.

— Как бы тебе сказать-то, чтоб понятно было... Ну вот есть у вас, скажем, Рихтер. Хорошо он вас учит?

Я пожала плечами:

— Когда как. Но большей частью — жучит.

— Ничего, — утешил гном, — это как раз самое главное... А вот как думаешь, магистр Дэнн своим «свечкам» меньше дает?

Я вспомнила ласковые глаза некромантки и быстро помотала головой.

— Вот то-то и оно... А теперь скажи-ка мне: КОВЕНу это, по-твоему, понравится?

— А почему нет?

— А потому, что КОВЕНу отлично обученные маги нужны в количестве одна-две штуки в год. Семь-восемь для них уже много. А девять-десять — почитай что критическая масса. Ну и смекни теперь, охота ли нашей Даме привлекать столь... э-э... пристальное внимание? Подальше от начальства, знаешь ли, поближе к библиотеке...

— А может, Ковенцы и правы? — подумав, предположила я. — Некроманты же как-никак не бестиологи какие-нибудь!

— Верно, — покладисто кивнул гном. — Не бестиологи. Только вот ведь чего, Яльга. — Темную магию указом Магистра не отменишь, и бороться с нею надобно. Надобно, ибо деваться-то некуда! А кто у нас главные по ней, стало быть, специалисты? Не бестиологи какие-нибудь...

— Ладно, — не стала я спорить. — А я-то здесь при чем?

— Как — при чем? — не понял Зирак. — При том! У тебя по некромантии чего стоит?

— Четыре! — гордо ответила я.

— Во-от! — Гном назидательно воздел палец. — Сходишь утречком на олимпиаду, покажешь «средний хороший» результат... баллов этак шестьдесят из ста... внимания не привлечешь, тиха будешь, мышка под веником, и все кончится хорошо. Понятненько?

— Не-а. — Я помотала головой. — А ежели вообще никому ехать?

Гном запнулся на полуслове и посмотрел на меня как Марцелл — на редкий вид гадюки, с таким любовно-практическим интересом. Оказаться в спирте мне не хотелось, и я немедленно уточнила:

— Что, глупый вопрос?

— А стипендию вам, отличница Ясица, получать хочется? — с непередаваемым ехидством уточнил библиотекарь. — А мантию носить казенную? А мелом на доске зайчиков рисовать?

— Субсидии, — со вздохом закончила я.

— Они самые! — просиял ехидной улыбкой гном. — Так что ступай, финансовая ты наша надежда! Готовься к испытаниям... Вот тебе книжечка, вот тебе формуляр...

— Спасибо, — хмуро сказала я, аккуратно засовывая книжечку в сумку. Сумка трещала

по швам — размером книжечка была немногим меньше «Справочника», а на обложке значилось: «Полный сборник заданий по некромантии за 3068–3944 гг.». Ну если «гг.», тогда, конечно, серьезно...

— Да пожалуйста! — фыркнул гном. — Как отстреляешься, сразу вернешь...

Весь вечер я честно провела в обнимку с книгой. Дело было привычное, так что никто особенно не удивлялся, разве что элементарь, в очередной раз испытывая прилив вассальных чувств, тихонечко ругалась у себя в двери. На кровати рядом со мной обиженно сопел «Справочник» — его я отложила на утро, рассудив, что боевую магию я и так неплохо знаю. Зная же ревнивый характер книги, я периодически откладывала справочную литературу и гладила «Справочник» по корешку.

На ночь я на всякий случай убрала «Некромантию» подальше, а «Справочник», наоборот, поближе, чтобы в случае чего тут же ударить по нему чарой. Шансов против опытной книги у меня было немного, но «Некромантию» надлежало любой ценой вернуть Зираку.

Возможно, именно из-за близости «Справочника» сны мне снились всю ночь самые боевые — я гоняла пульсарами ковенских магистров, а они отбивались от меня фиолетовыми папками.

Наутро я встала на целый час позже, чем Полин. До резиденции КОВЕНА идти было недалеко и недолго, от силы минут двадцать. Я быстренько оделась, заплела волосы и сложила в сумку чернильницу, перо и несколько пергаментных листков. Подумав немножко, положила и библиотечную книгу — если образуется свободное время, всегда можно будет повторить материал еще раз.

Над кроватью Полин висело круглое зеркало, и я, воспользовавшись отсутствием алхимички, не преминула туда заглянуть. На меня хмуро глянула бледная рыжеволосая девица с симметричными кругами вокруг глаз; я показала ей язык, она в ответ покрутила пальцем у виска. Зеркало было зачарованное, но довольно просто — на отражение Полин оно реагировало восхищенным «Ах!», на долю всех же прочих приходились иные, не столь приятные для самолюбия слова и жесты.

Так что мне еще повезло.

— Когда вернешься, хозяйка? — деловито спросила элементарь, высовывая из косяка наружу кончик носа.

Я пожала плечами, и нос оскорбленно фыркнул.

— Вечно с тобой так! Все люди как люди, эльфы как эльфы, гномы, мрыс эт веллер, как гномы — одна ты, как... как Яльга Ясица!

Я пожала плечами еще раз. Вопрос был не то чтобы особенно больной — но элементарь уж точно знала правду, так что врать как-то все едино не имело никакого смысла.

— Что ж поделать? — Я хлопнула ладонью по косяку и подхватила непривычно легкую сумку. — Я же ведь не человек.

— Еще бы! — ехидно возвестила флуктуация. — Ты студентка, а это не лечится!

— О да, — с чувством ответила я, перешагивая через порог.

Утро было холодное, как и полагается зимнему утру. Вокруг все было белое и пушистое; я быстро шла по пустой улице, закрыв нос шарфом и непрерывно бормоча под нос заклинание отогревания, давеча вычитанное в учебнике для второго курса. Заклинание покамест получалось слабо и работало не дольше трех секунд, после чего все надлежало делать заново.

Резиденция показалась на горизонте как раз в тот момент, когда язык у меня начал заплетаться. Я радостно рванула вперед, поскользнулась на утоптанном снегу и, совершив красивый пируэт, рухнула прямо перед воротами. Сгруппироваться я, разумеется, уже не успела, потому приземлилась довольно чувствительно, на колено и выставленные вперед руки.

— Твою некромантию! — прошипела я, стряхивая с варежек снег.

Сзади хихикнули на два голоса, потом кто-то кашлянул и вежливо произнес:

— Вам помочь, сударыня?

— Нет, спасибо, — отказалась я, поднимаясь на ноги.

Мимо меня тут же простучали каблучками две девицы в коротких плащах, следом за ними проследовал молодой человек, видимо и предлагавший помощь. От всех троих пахло магией и амулетами; похоже, рассудила я, это и есть мои грядущие соперники, а точнее, одни из таковых.

Что же, ввести противника в заблуждение, как учил Эгмонт, дело всегда хорошее...

Нет худа без добра, — пропустив adeптов вперед, я увидела, как они по очереди кладут ладонь на ограду, называют имя и фамилию, а после проходят сквозь металлический заборчик как через элементарную мару. Интересы ради я попыталась пройти, не говоря имен, — заборчик ожидаемо воспротивился насилию и даже немного раскалился под варежкой. Я отдернула руку и поспешила поступить по алгоритму.

Пройти через ограду оказалось и впрямь несложно — если закрыть глаза, то и вовсе ничего не почувствуешь. Кроме, пожалуй что, разом изменившегося магического поля — едва я оказалась в пределах территории КОВЕНА, как воздух словно бы сделался гуще и тяжелее, и мне даже показалось, что стало труднее дышать. КОВЕН есть КОВЕН; магии здесь было с избытком.

Я прошла по извилистой дорожке, тщательно очищенной ото льда. Каблук на левом сапоге как-то подозрительно шатался; я сделала в памяти зарубку — «не забыть подновить чары...» — и поднялась на мраморное крыльцо.

У двери, свернувшись в клубок, лежал бронзовый зверь, сильно напоминавший большого кота. Мне немедленно припомнился вступительный экзамен, и настроение скакнуло вверх. Кот же, почесав за ухом задней лапой, неспешно расплелся, легко поднялся на ноги и подошел ко мне.

— Имя, мр-р? — низким голосом осведомился он.

— Яльга Ясица, — честно ответила я. — Академия Магических Искусств, первый курс. Пришла на олимпиаду по некромантии...

— Эй, да не части так! — недовольно мурлыкнул зверь. — Стихия?

Я припомнила забавный тест, проведенный Фенгиаруленгеддиром на первом же уроке.

— Ну-у... воздух, кажется...

— Когда кажется, — кот хлестнул себя хвостом по бокам, — заклинания против мороков читать надо! Мр-р-мя-у-у! Да или нет?

— Да, мрыс дерр гаст, да! — не выдержала я. Очень хотелось добавить что-нибудь насчет наглых кошаков, но я сдержалась. Кто его знает, может, у этой твари и когти есть...

Кот, точно прочтя мои мысли, зевнул во весь рот. Набор клыков у него был весьма достойный. Я немедленно начала прикидывать, каким заклинанием стану бить, если он прыгнет.

— Ладно, иди... — в промежутке между двумя зевками сказал он. — М-мяу-у... Привет своему магистру передавай.

— Которому? — не поняла я.

— Да без разницы, мр-р, я их все равно всех знаю...

Я вошла в просторный вестибюль, оставляя за собой мокрые следы, — грязный снег, налипший на сапоги, незамедлительно таял, размазываясь по белоснежному мраморному полу. Впрочем, пол был уже не такой уж и белоснежный: таких, как я, было много и грязи на мраморе хватало с избытком.

Народ бегал, сидел, читал, группировался кучками и строился в несколько длинных очередей. Не сразу разобравшись во всем этом хаосе, я завертела головой и вскоре поняла, что сначала надо сдать плащ, потом — зарегистрироваться у одного из шести столов сообразно своему возрасту и курсу, ну а потом уже можно бегать, читать и болтать.

Я сдала плащ в гардероб, порадовавшись тому, что в один из свободных вечеров, не зная, куда девать руки, я от нечего делать пришила к воротнику изнутри тесемочную петельку. Мне выдали номерок — металлический, очень изящный, с аккуратно

выгравированным номером на одной стороне и ковенской совой на другой, — я засунула его в карман и отправилась искать стол для первого курса.

Найти его оказалось просто — он стоял с самого края, и очередь туда, на мое счастье, не была особенно велика. Я пристроилась ей в хвост и, постояв минуты три, подошла к столу.

— Имя? — невыразительно спросила ведьма-регистраторша. То ли этим вопросом, то ли общим впечатлением она немедленно напомнила мне давешнего кота. — Фамилия? Образовательное учреждение?

— Яльга Ясица, Академия Магических Искусств! — заученно отбарабанила я.

— «Ясица» как пишется — с одной «с» или двумя?

— С одной...

— Замечательно. Имя и фамилия преподавателя?

— Эгмонт Рихтер! — столь же заученно ответила я.

Стало тихо.

— Э-э... как вы сказали? — откашлялась ведьма. — Кто-кто Рихтер?

Я сглотнула, вспомнив, чья на самом деле я ученица. На сегодняшнем мероприятии боевой маг значился в моих наставниках в последнюю очередь.

— Я хотела сказать — Шэнди Дэнн. «Н» на конце фамилии две штуки.

Ведьма заскрипела пером.

— А чего это вы про коллегу Рихтера вспомнили? — сладким голосом уточнила ее соседка слева — упитанная чародейка с короткими светлыми волосами.

Я с должным смущением поскребла ножкой пол.

— Ну-у это... любимый учитель, да!

— Ах, любви-имый! — умилилась регистраторша. — Ну да, ну да! Как же, помню коллегу Рихтера, прекрасно помню! И вас, адептка; отлично понимаю: по нему, наверное, половина Академии сохнет!

— Сохнет, — с чистой совестью подтвердила я. — Ну а я больше всех...

Потому что стирает чаще всех, мрыс дерр гаст! Тоже мне проекция Полин, только еще и с клыками...

— Вот возьмите, здесь все написано. — «Моя» ведьма не глядя сунула мне в руку кусочек пергамента. — Следующий!

Я отступила в сторону, рассматривая полученное. Так... номер аудитории, краткая схема первого этажа с пульсирующей на ней фиолетовой точкой. Точка, надо полагать, это я и есть. Для проверки сделав несколько шагов в сторону, я убедилась в правильности этой догадки: точка двигалась в одном со мной режиме, разве что масштаб у нас был разный.

С другой стороны пергамента сурово смотрела пресловутая сова. Взгляд у нее был как у опытного сыскаря-дознатчика: круглые глаза так и впивались в душу, сразу хотелось вспомнить, где я была вчера вечером и кто сумеет это подтвердить. От греха подальше я перевернула листок, и почти сразу же в зале раздался голос, усиленный заклинанием:

— Уважаемые адепты!

Я немедленно отступила к стенке, прикрывая лицо листочком. Опыт подсказывал, что, когда руководство начинает изъясняться подобным штилем, лучше всего прикинуться ветошью и не отвечивать. Меня тут же прикрыли менее опытные адепты; отвоевав себе немножко жизненного пространства, я приготовилась слушать речь.

Речь оказалась на удивление кратка и доступна. Очевидно, КОВЕН не любил размазывать кашу по тарелке — приятно было знать, что хотя бы в этом мы совпадаем. Оратор выразил свою радость от встречи с безмерно талантливыми нами («Это да!» — пробормотала я себе под нос), пообещал нам сложные, но интересные задания («Уже интересно, мрыс дерр гаст, особенно с учетом моего профиля!») и посоветовал нам слушаться голоса сердца, что в моем варианте, как правило, было чревато. Наконец, нам пожелали удачи и разрешили удалиться в залы.

Я быстренько сверилась с картой и стала целенаправленно проталкиваться к выходу в

коридор.

Наш зал располагался на первом этаже, немножко южнее рекреации. Был он большой, в плане идеально квадратный и довольно светлый. С потолка свисала огромная хрустальная люстра — я не особенно в этом разбираюсь, но, по-моему, она была эльфийская. Подвесок, по крайней мере, там хватало и позолоты тоже. Равно как и весу, так что я немедленно представила, как половчее обрушить ее на голову потенциальному врагу.

Ибо ни стульев, ни парт, ни чернильниц в зале не имелось. Стол, правда, там был, но только один, и за ним, чинно оправляя традиционные мантии, рассаживалось наше жюри. Очевидно, нас ждало практическое задание... я вспомнила зимнюю сессию, экзамен у Шэнди Дэнн и пала духом. Средний хороший результат?! Йе-э, да они от меня и «среднего плохого» не дождутся!

Лучше бы того же Ривендейла послали, он у нас хотя бы герцог...

От тоскливых мыслей меня отвлек какой-то магистр, воздвигнувшийся над столом для жюри. Судя по роскошной мантии — да, именно мантии, как на картинках в учебнике истории! — наглой физиономии и изукрашенному стулу, это был местный Самый Искусный Маг. Скорее всего, некромант, ибо других здесь сегодня все едино не водится.

— Ну что же, господа адепты, — заявил он, обводя нас взглядом. То ли взгляд был такой, то ли тон, но все моментально смолкли и усиленно изобразили готовность внимать. Только мне все было трын-трава: ни Эгмонту, ни Белой Даме некромант конкуренции составить не мог. — Долгих разговоров я разводить не буду: мы с вами коллеги и легко друг друга поймем. Итак, о ходе проведения олимпиады. Как вы все уже догадались, задание будет практическое. — «Е-мое!» — с выражением подумала я. — Для его выполнения вам потребуются мнемо-амулеты. Каждый адепт получит его через несколько минут. Пользоваться этими устройствами крайне просто, и я убежден, что для вас это не составит существенной проблемы. На все про все у вас сорок минут, и этого времени, как показывает опыт, хватает с лишком. А теперь о задании.

Некромант вышел из-за стола и прошествовал на середину зала. Мантия, сшитая из какой-то тяжелой ткани, величественно колыхалась на ходу, и я поняла, какого мрыса она вообще нужна. Штанами и курткой такого впечатления не создашь. Магистру не хватало только посоха, но посохи — увы! — полагаются исключительно главе КОВЕНа.

Остановившись у проведенной на полу черты, некромант величественно повел по воздуху рукой. Жест был красивый, но я не успела даже мысленно съехидничать на эту тему — ибо вдруг поняла, что вот чего-чего, а воздуха там как раз и нет.

Там была стена. Прозрачная, точно лучший хрусталь, стена, уходившая в потолок; прикинуть на глазок ее толщину у меня не вышло, а вот в длину она достигала не более пяти-шести шагов. При желании, кстати, ее запросто можно было обойти — что нам и продемонстрировал все тот же магистр-некромант.

— Перед вами магическая преграда второго рода, — сообщил он, вырুলывая из-за стены. — Элемент, доступный вашему зрению, представляет собой лишь малую ее часть. В настоящий момент она накрыта иллюзией непрозрачности, которую мы, разумеется, снимем уже через пару минут. Вашей задачей будет описать, систематизировать и представить в виде мнемо-образов все то, что вы сумеете увидеть через нее. Задача ясна?

Адепты откликнулись нестройно, но согласно. Хитрый некромант знал, как поставить вопрос: с задачей-то мне все было я интересовало другое. Что означает — «накрыта иллюзией непрозрачности»? Вон какая прозрачная, аж окно через нее видать...

— Забирайте амулеты, — разрешил некромант.

Мы завертели головами; оказывается, кто-то из магистров выложил кучу «запоминалок» на стол. Я протянула руку, припоминая формулу телекинеза, и амулет легко скользнул мне в ладонь, с такими мы и в самом деле работали. Конструкция крайне простая: деревянный кружок, внутри драконья чешуйка, снаружи вделано два мелких полудрагоценных камня. Чешуйка запоминает информацию, один из камней впитывает таковую, а другой выдает конечный продукт. Судя по тому, как оба камня пошатывались в

гнездах, амулет находился в активной эксплуатации еще во времена до НТ.

— Все готовы? — возвысил голос некромант. — Тогда приступаем!

Магистры одинаковым движением воздели руки к потолку, я заинтересованно уставилась на стену. Но тут мнемо-амулет дернулся в моей ладони; я невольно отвлеклась на него, а когда вернулась взглядом к стене, выглядела она совершенно иначе.

По ту ее сторону клубился сероватый туман. В тумане бродил какие-то фигурки разнообразнейших размеров и очертаний; подобных им я не видела прежде ни разу — и очень хотела бы верить, что больше и не увижу.

Вспомнив уроки Фенгиаруленгеддира, я сообразила, что прямой контакт нам пока что не грозит. Достигнув видимого края стены, существо отнюдь не вывалится в уже обжитый нами ковенский зал — оно просто исчезнет из поля зрения, потому что на деле стена бесконечна. Ее и теперь можно обойти, чтобы с обратной стороны увидеть все то же самое. А вот попасть внутрь, в туман... этому нас тоже учили, правда на стенах первого рода, но я, честно сказать, сомневалась, чтобы первый так уж сильно отличался от второго.

Собственно, стенок я не боялась — в отличие от некромантии, общая магия давалась мне очень легко. Если все задание только в этом и состоит, то я смело могу рассчитывать на «средний хороший результат», а может быть — я усмехнулась собственной наглости — даже и на диплом! Третье или четвертое место... хм, а ведь нам есть к чему стремиться!

— Начинайте, — разрешил нам магистр.

И я начала.

Всего адептов в зале было человек пятнадцать, так что стенки нам хватило с лихвой. Мне достался славный кусочек у восточного ее края; я пощелкала ногтем по амулету, проверяя настройку, поправила камень и честно уставилась за стену.

Через полминуты разглядывания я уяснила для себя один неприятный факт. Существ с той стороны имелось много, и были они все разные. Иные подпрыгивали, топорща коротенькие крылышки, иные выкапывались из серой почвы, иные даже и летали, правда низенько-низенько. Описывать всех замучился бы и гном, а гномкой я, несмотря на все уверения кормильцев, отродясь не была.

— Извините... — Я с трудом подавила в себе желание подергать главного магистра за полу роскошной мантии.

Он с готовностью обернулся ко мне:

— Да?

— Этих... крокозюбриков... их описывать до какой границы?

— В смысле? — не понял он.

— Ну... от стены за сколько шагов брать? Десять, двадцать? Пятьдесят? Крокозюбриков же много там бегают...

Тонкие губы мага сложились в малопонятную усмешку. Несколько секунд он рассматривал меня сверху вниз; ростом чародей вышел неплохо, так что и снисходительно-ехидный взгляд удался ему на пятерку.

— Берите за пятнадцать, адептка, — наконец решил он. — Вам этого хватит?

— Вполне, — с облегчением согласилась я. — Спасибо большое!

— Да не за что...

Он отошел, поглядывая на меня все с той же непонятной ухмылкой. Ухмылка мне не понравилась; впрочем, сам магистр тоже большого впечатления не произвел, так что на причуды его мимики мне было чихать с Солнечного шпиля. Весело человеку — вот и славно. А нам работать надо.

Пятнадцать шагов. Хм... Приблизительно зона кончается вон там. Значит, крокозюбриков в ней остается навалом — и все, что характерно, разные. Замучаешься описывать... Вообще, что это за олимпиада — по некромантии или по бестиологии? Описывай тут, понимаешь, всяку мрысь, мнемо-образы создавай!..

Вот так ругаясь про себя, я споро творила заклинание. Два слова, жест, еще четыре слова; завершающая руна вспыхивает синим. Отлично. Мнемо-экран у нас готов. Ну-ка, кого

первого опишем?

«Крокозюбрик № 1. Летающий. Крылья серо-зеленого цвета, треугольной формы; на левом крыле четыре... нет, три... нет, четыре пятна темно-серого цвета...»

Пронумерованный крокозюбрик дернул крыльями, спешно уносясь в прекрасное далеко. Я, не сдержавшись, ругнулась: еще бы, только-только созданный мнемо-образ так и застыл на стадии невнятной раскоряки. Правда, крылатой и нужного серо-зеленого цвета.

Поискав внутри описанной области крокозюбриков такого же вида, я поняла, что улетевший был личностью неординарной. Второго такого же больше не имелось. От души помянув асоциального летуна по-гноми, я принялась описывать другого, на этот раз прыгательного.

Мрыса с два! Эта прыгучая пакость ускакала, едва я успела набросать первую пару штрихов. Прочие крокозюбры тоже не горели желанием запечатлеться в веках; сжавшись в единую кучу, они скоренько отступали-отпрыгивали-отлетали-закапывались как можно дальше, постепенно подступая к воображаемой границе в пятнадцать шагов.

Этак мне и вовсе некого описывать будет! Я наскоро проглядела созданные мнемо-образы... не-э, за такую халтуру мне и полбалла не дадут. Особенно за образ всей кучки в целом: там вообще было ничего не разобрать, кроме множества сверкающих глаз.

Да уж. А если в кучу сгрудились малые, сдайся, маг, замри и ляг! Хм. «Замри и ляг...» А фраза-то ничего, может, даже и поэтическая! Вот что означает напряжение мозгов — хоть что-нибудь дельное, родится!

Надо будет не забыть Полин прочитать.

И тут мне неожиданно повезло. Метрах в двух от стены в почве возникло некое шевеление; в стороны полетели комки земли, и из образовавшейся лунки наружу выбралось очередное серое создание. Складчатое, как собаки-охранцы восточной породы, с торчащими вверх острыми ушами, чем-то напоминавшими копейные жала. Я взмахнула руками, создавая основу для образа, — и тут меня посетила совершенно жуткая мысль.

А ну как сейчас и это свалит? Кого мне тогда прикажете описывать?!

Мельком я глянула на остальных крокозюбриков. Вся кучка уже благополучно перевалила за границу и теперь зыркала оттуда многочисленными глазами. Новоприбывшее же создание никуда сваливать не собиралось; сусликом стоя посреди равнины, оно нахально рассматривало меня сквозь прозрачную стену.

Кажется, мне действительно повезло. Это был один из тех не шибко многочисленных экземпляров, которые, если рождаются людьми, являются на лекции за пять минут до конца, приходят на свидание ровно через час после ухода девушки, а старую новогоднюю елку выбрасывают только потому, что новую, оказывается, некуда ставить. Но кто его знает, — может, и этому припрет? Вон те тоже сперва так медленно телепались, а теперь поди догони!

Лучше мы его поймаем и спокойненько зарисуем. Меньше нервов, больше баллов... мы же, в конце концов, и впрямь на некромантии, а не на бестиологии! Когда это некроманты отличались любовью к подопытным экземплярам?

Конечно, может и влететь, но... Я озабоченно покосилась на прочих студентов. Народ работал, ничуть не заморачиваясь по поводу стенок и границ, и я немедленно испытала укол зависти. Ладно, им хорошо, они, может, привычные — а я не некромант, я боевой маг! Мне проще работать, когда материал находится под руками...

Некромант завернул на обратный круг; я мельком глянула на его холеную физиономию и решилась. Мрыс с вами. Меня тоже чему-то учили. Может, конечный результат и хуже, чем у вас, но сдаваться без борьбы я не собираюсь!

Вспомнив все, что говорил на лекции гном, я шагнула вперед и раздвинула стену руками. «Точно занавеску», — мелькнуло непрошеное сравнение. Заклинание само легло на язык; секунда — и в кончиках пальцев закололо отдачей. Стена повиновалась так охотно, что я мигом вспомнила родную элементарь.

«Нет, оно, конечно, будет не совсем честно, — покаянно подумала я, перешагивая порог. — Нам сказали рассматривать снаружи, а не лезть внутрь. Но я же не виновата, что

они все так проворно смылись!»

«Сейчас, — успокаивающе бормотала совесть, — сейчас, только этого поймаю и вернусь...»

Глядишь, и баллы с меня не снимут.

За сорок лет работы в некромантуре председатель жюри видел очень и очень многое. Удивляться хоть чему-нибудь он разучился уже на второй месяц практики; до сих пор он был твердо уверен, что раз даже десяток голодных вурдалаков не сумел вывести его из равновесия, то сделать этого не сможет и вовсе никто.

Он ошибался.

Когда рыжая первокурсница (Академия, кажется? Ну да, ну да... Рихтер, Шэнди Дэнн...) спросила у него, как далеко нужно заглядывать за стену, магистр едва сдержал пренебрежительный смешок. Девушка явно набивала себе цену, пыталась произвести необходимое впечатление, ибо магистр отлично знал, что даже и дипломированный профильный специалист не сумеет заглянуть на ту сторону дальше чем на десять шагов. Все. Вот вам и граница. А уж двадцатилетняя девчонка, не проучившаяся еще и года...

Да она хоть за шаг рассмотреть-то сможет?

Магистр прошел до конца зала, отвечая на редкие вопросы адептов. Мельком просмотрел мнемо-образы; ребята в этом году подобрались талантливые, с явным некромантическим уклоном. Хотя... Кто же отправит на олимпиаду по некромантии, ну, скажем, боевого мага? То есть отправить, конечно, можно, но есть ли в этом хотя бы крупица здравого смысла?

Чародей повернул назад, к столу. Сделал несколько шагов, собираясь посмотреть, чего там такого выглядела рыжая нахалка.

Это случилось прямо на его глазах. Девушка шагнула к стене вплотную, подняла руки — а в следующий момент она легко развела их в стороны, как будто раздвигая оконные занавеси. Ткань мироздания пошла складками, открывая проем. В него девушка и шагнула, быстрее, чем магистр успел сказать хотя бы единое слово.

Очнувшись, он дернулся вперед, но было поздно. Стена снова сделалась монолитной: магистр почувствовал это, что называется, на собственной шкуре, качественно приложившись о стену лбом.

Не обращая внимания на свежий синяк, магистр приник к стене лицом. На мгновение в сером тумане мелькнула рыжая коса; а потом, сколько он ни вглядывался, не было видно вообще ничего.

Ничего.

Серая, безучастная пустота.

Внутри было серо.

Пыль, незаметная с той стороны, стояла столбом. Я прищурилась, защищая от нее глаза; на рукаве рубашки мгновенно осел тоненький серый слой.

Ну-ка. Где это чудо сопредельных миров?

Чудо стояло метрах в трех. Наклонив голову набок, оно настороженно рассматривало меня четырьмя блестящими глазами. Хвост — длинный, тонкий, точно у крысы, — нервно вбуравливался в почву.

— Цыпа-цыпа-цыпа! — проникновенно завела я, крошечными шажочками подходя ближе.

Крокозюбрик явно возражал против такого определения. Не сводя с меня настороженного взгляда, он отодвинулся подальше. Я, не раздумывая, последовала за ним.

— Гуля-гуля-гуля! Иди сюда, маленький!..

Щщас. Только шнурки поглажу. Существо бросилось на землю и мгновенно заработало передними лапами. Ямка увеличивалась едва не со скоростью звука; через пару секунд создание скрылось в ней целиком, оставив в пределах видимости только кончик хвоста.

Поняв, что последний экземпляр вот-вот сделает от меня ноги, я что было сил метнулась вперед. Засунула руку в ямку; вовремя — пальцы успели нащупать шелковистую

ухватистую шкирку.

Вцепившись в нее ногтями изо всех сил, я рванула зверя наверх. Тот возмущенно заорал, но я была неумолима. Поняв это, он как-то хитро извернулся и цопнул меня за палец.

От неожиданности я выпустила шкирку, чем создание немедленно воспользовалось. Приземлившись на все четыре лапы, оно кинулось к ямке, явно надеясь обрести там свое спасение. Может, конечно, этот экземпляр и тормоз, но вовсе не такой безнадежный, как мне показалось вначале. Во всяком случае, любви к перемене миров за ним не наблюдается, это факт.

Но прокушенный палец вопиял. Да и возвращаться с пустыми руками мне не хотелось; так что я снова решительно засунула руку в яму. Рука ушла вглубь по локоть. Мне в лицо полетели комья земли; походило, что существо улепetyвает вглубь со всех своих четырех лап и одного хвоста. Ну нет, от меня еще ни одна тварюка не уходила, даже магистр бестиологии и тот посейчас заикается! Я щелкнула пальцами, применяя простейший телекинез.

Из ямы протестующе завопили, но это не помогло. Еще секунда — и в руку мне ткнулась уже знакомая шкирка. Я от души сцапала за нее зверя, встряхнув так, что того едва не ударило по стенке ямы. Кусаемся, значит? Убегаем, значит? Не хотим, стало быть, послужить на пользу науки?

Ну сам напросился!

Я вытащила зверя наружу — он болтался и поскуливал, больше даже не пытаясь укусить. Обрадованная короткой передышкой, я рассмотрела раненый палец. Мрыс эт веллер келленгарм! Прокушен он был на совесть; теперь меня точно ждал неприятный разговор с Рихтером на тему «боевой маг и производственная травма». Ой и влетит же мне за недочеты в стратегии!

Может, дешевле вовсе не возвращаться?

Существо дергалось и противненько подвывало. Я встряхнула его еще раз, для острастки, и, не ослабляя хватки, двинулась обратно к стене.

В зале сделалось тихо. Очень тихо. Маги замерли на своих местах, не сумев поверить в случившееся; магистр-некромант, безнадежно махнув рукой, машинально тер наливающийся синяк. Адепты, бросив свои задания, взволнованно переговаривались друг с другом.

Все. Конец. Студентка, без следа исчезнувшая с олимпиады... Да газеты о таком скандале и мечтать не могли! Кто-то из чародеев надсадно закашлялся.

— Коллега... — с трудом выговорил другой. — Это что ж такое получается? Это ж... стена-то ведь непроницаемая!

«Недосмотрели! — яростно подумал некромант. — Проглядели!.. Да хуже этого и быть ничего не может!»

Он ошибался.

Он понял, как глубоко заблуждался, уже через пять секунд, когда в центре зала высветился зеленый шестиугольник. Портал распахнулся мгновенно и беззвучно, выдавая недюжинное мастерство создателя. Посреди комнаты материализовался не к ночи будь помянут коллега Рихтер.

Не дожидаясь, пока погаснут контуры портала, боевой маг вышел наружу. Медленно обвел взглядом зал; от этого взгляда некроманта невольно пробрало. Председатель жюри был старше Рихтера едва ли не вдвое, да и опыта ему хватало — редкий упырь согласится вернуться в гроб на добровольческих началах. Но этот взгляд... ледяное, отлично сдерживаемое бешенство...

В ту секунду некромант понял, почему именно Рихтер считается едва ли не лучшим боевым магом Лыкоморья.

Еще он понял, что студентка не соврала. Сложно сказать, какое отношение к ней имела Шэнди Дэнн, но вот Рихтер точно был ее, студентки, Учителем. С этим спорить не приходилось, а некромант и не собирался.

Собственно, явись сюда вместо означенного Рихтера та же магистр Дэнн, ситуация

легче бы не стала. Но лучше уж триста тридцать три разъяренных некромантки, даже таких, как магистр Дэнн, чем Рихтер — один-разъединственный, отменно вежливый и спокойный, как кобра перед броском.

— И как это прикажете понимать, коллега?

Оно, конечно, так, боевой маг был сама вежливость, но председатель жюри не обольщался. Он прекрасно знал, каким ледяным может показаться крутой кипяток, и оттого не рассчитывал отделаться парой фраз. Он, признаться, вообще уже ни на что не рассчитывал.

— Где моя студентка? За которую я, если вы не в курсе, несу личную ответственность?

— Студентка? — нервно хмыкнул кто-то из чародеев. — Да вы, вообще, кого привели, Рихтер?! Она же межмирные стены как бумагу рвет!

Лучше бы он этого не говорил. Взгляд мага, и без того не шибко-то хороший, утратил последние крохи тепла. Гуманизмом там теперь и не пахло. К тому же, кажется, Рихтер наконец нашел конкретного кого-то, кто был во всем виноват.

Ну или хоть в чем-то.

— Что? — еще тише и еще отчетливее спросил он. — Простите, я вас не понял. Вы хотите сказать, что вы предлагаете студентам проницаемые межмирные стены? Не проверив их предварительно заклинаниями?

В зале ощутимо потемнело. За окном, кажется, даже гроыхнуло. Невесть откуда взявшийся ветер взметнул край тяжелой, торжественной мантии некроманта.

— Где моя студентка, коллеги? Я жду ответа!

Ответом ему было дружное коллективное молчание.

— Мы тоже хотели бы знать, где ваша студентка, коллега Рихтер! И главное — как ей удалось попасть в это самое «где»? — Одна из некроманток, породистая, ухоженная и как минимум разменявшая свою вторую сотню лет, резким движением указала на теперь уж и вовсе не проницаемую ничьему взгляду стену.

Стена, словно ожидавшая именно этого жеста, пошла мелкой рябью. Маги дружно повернулись в ту сторону; рябь сменилась крупными складками, и в стене открылся некоторый проем, впусивший в зал целое облако мелкой противной пыли. Неуловимым движением Рихтер переместился к проему, но помимо пыли в зале уже образовалась искомая студентка. Была она живая, что тут же привычно проверили некроманты, здоровая (по крайней мере, на первый взгляд), и не одна, а вкпе с какой-то тварью, зажатой вполне профессиональным захватом.

Ткань мироздания за ее спиной сомкнулась как ни в чем не бывало.

Стало совсем тихо.

Палец ныл, но уже почти не кровоточил. Я посасывала его, другой рукой удерживая существо, так что проем пришлось отворять коленом.

Дома было лучше. Я с наслаждением вдохнула полной грудью, радуясь исчезновению пыли, противно скрипевшей на зубах. Ну теперь и за работу можно взяться...

В зале царил звенящая тишина. Я насторожилась. Со всех сторон на меня молча смотрели маги и адепты.

От такого внимания я малость смутилась и по старой привычке стала вспоминать, что конкретно сделала не так. Отсутствовала я, кажется, совсем недолго: пять, от силы десять минут. Тогда чего они так все на меня таращатся? Или... я спешно вспомнила, как далеко успела отойти от стены. Так, стоп, а может, там было больше пятнадцати шагов?! Мрыс, сказали же — не дальше...

Ой. А вдруг мне баллы за это снимут?

— Студентка Ясица... — хрипло сказал знакомый голос. Услышав его, я вздрогнула и быстренько вытащила палец изо рта. — Вы... вас где, вообще, носило, мрыс эт веллер келленгарм?!

«Плохо дело», — озабоченно подумала я. Чтобы Эгмонт, вежливость которого только увеличивалась соразмерно степени злости, при студентах ругался на греакоре... Нет, такого

на моей памяти еще не случалось.

Впрочем, на моей памяти много чего не случалось. В частности, я не помнила ни единого раза, когда бы невозмутимый Рихтер смотрел на кого-нибудь вот *так*, с совершенно непередаваемым выражением лица. Честное слово, мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: он испуган, он по-настоящему испуган... и, кажется, не за себя.

За меня?.. Но какого мрыса...

— Да, где вы были, адептка? — поддержал Рихтера председатель жюри.

Я перевела взгляд на него; некромант был весь белый, а на лбу у него переливался фиолетовым внушительный синяк. Ого, удивилась я. Это кто ему так засветил? Эгмонт, что ли?

С него станется...

Прочая общественность беззвучно вопияла.

— Ну... — Я переступила с ноги на ногу. Существо, вытащенное с той стороны, вжималось мне в бедро, испуганно таращась по сторонам. — Я... это... — И тут я сообразила: — Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, верно? Вот я и решила, для наглядности. Этот самый интересный был! — поспешила прибавить я, потому что некроманты по-прежнему смотрели на меня молча. — Он еще и из земли выкапывался. У нас же ведь олимпиада по некромантии, так? А это тот еще зомбик! Описать?

Логично рассудив, что молчание — знак согласия, я решила, как советуют гномы, ковать железо, не отходя от кассы. С некоторым трудом отодрав «зомбика» от штанины, я установила его перед собой и материализовала в руке небольшую указку.

— Вашему вниманию предлагается наиболее интересный из имевшихся в наличии экземпляр. Все остальные будут предложены в виде мнемо-образов. — Я не стала уточнять, что «все остальные» представлены одним коллективным мнемо-образом и одной поэтической строчкой. — Ну что, приступим?

— Приступайте, — каким-то дерганым движением кивнул магистр-некромант.

Получив высочайшее соизволение, я воспрянула духом. Эгмонт, правда, продолжал смотреть на меня весьма нехорошим взглядом, но это-то как раз было правильно и привычно.

Тварюшка жалась к моей ноге. Под лапками у нее я заметила образовавшуюся лужицу: жидкость с шипением проедала деревянный пол. Я моргнула от неожиданности; да нет, показалось с перепугу. Ни лужицы, ни дыры... все, Яльга, крыша едет, дом стоит...

Я окинула добытое существо критическим взглядом. Да. Мелковато оно для масштабных демонстраций.

— Увеличить? — заботливо осведомилась я у магистров.

— Увеличить, — эхом согласился какой-то из них.

— Рост! — скомандовала я «зомбику».

Тот вздрогнул и исполнительно увеличился аккурат вдвое. Теперь он доставал мне до подбородка, причем у меня мелькнула нехорошая мысль, что и это не предел его возможностей.

Судя по всему, мысль посетила не меня одну. Адепты сбились в кучку, накрылись защитной сферой. Магистры схватились за амулеты.

— Итак, дамы и господа. Перед вами экземпляр... — Я напрягла скудные познания в эльфийском, но решила все-таки не рисковать. — Экземпляр крокозябра обыкновенного полиморфного. Как вы уже успели удостовериться, он умеет менять форму и размеры тела сообразно своим потребностям...

Магистры внимали.

Молча.

— ...Увеличивать или уменьшать длину конечностей... — Рыжая адептка махнула указкой, и найденыш точно так же взмахнул удлинившейся лапой через зал. Кончик лапы пролетел прямо перед носом председателя жюри. Некромант непроизвольно отшатнулся. — То же самое относится к хвосту и ушам. Продемонстрировать?

— Не надо, — быстро отказался некромант.

Адептка немного расстроилась.

— Ну как хотите... Тогда дальше. У данного экземпляра имеются: хавальце, хрюкальце, мьявальце и хапальце. Хавальце, как легко догадаться, располагается на голове. Открывается под углом до ста восьмидесяти градусов. Покажи! — Это относилось уже к твари.

Монстр с готовностью распахнул пасть. Да. Иначе как хавальцем это и впрямь назвать было сложно. Верхняя половина черепа откинулась назад, как на шарнирах, открывая взгляду тройной ряд зубов самых разнообразных функций и назначений.

— Зубы в хавальце имеются трех родов, — соловьем разливалась студентка. — Во-первых, это выдвигающиеся клыки игольчатой формы. Выдвинь! — Она стукнула по клыку, и тот исполнительно выдвинулся вперед. — Обратите внимание, внутри зуба проходит узкий канал с ядом. — На конце клыка повисла крошечная желтая капля. — Убери каку!.. Яд предположительно нервнопаралитического действия. Все, зуб можешь задвинуть... Во-вторых, это резцы: раз, два, три... четырнадцать штук, прямоугольной формы. Острые. — Палец девицы произвольно дернулся ко рту. — В-третьих, коренные, выполняющие жевательные функции. Они сходны с коренными зубами мгымбров и прочих травоядных ящеров.

При слове «мгымбр» Рихтер отчего-то усмехнулся.

— Закрой хавальце!.. Так. Перейдем к хрюкальцу. — Адептка потерявила уныло свисавший с морды хоботок. — С его помощью зверь издает звуки различной степени пронзительности. Покажи!

Хоботок немедленно задрался вверх. Оттуда вырвалось несколько протяжных звуков, чем-то напоминавших игру на волынке.

Последствия мини-концерта не замедлили сказаться. Роскошная хрустальная люстра из полутора сотен подвесок, вздрогнула, покачнулась и вдруг рассыпалась на множество крошечных осколков. Осколки ливнем хлынули вниз; Рихтер и некромант успели прикрыться заклинаниями, умные адепты давно уже сидели под защитной сферой. Остальным повезло меньше: еще минут пять они старательно вытряхивали из мантий и волос миниатюрные хрустальные кристаллики. Как выяснилось, кристаллики были одинакового размера, идеально правильной формы и изумительной огранки: такую работу едва ли осилил бы опытный гном-ювелир.

На студентку, естественно, не упало ни единого осколка.

— Стало быть, это было хрюкальце? — после долгой паузы откашлялся некромант.

Студентка робко кивнула. Было видно, что она и сама не ожидала от своей добычи таких умений.

— Еще мьявальце есть, — машинально брякнула она. — Тоже звуки издавать умеет... показать?

— Нет!! — хором отказались некроманты.

Вероятнее всего, они дружно пришли к выводу, что стены и фундамент, обратившись в точно такую же крошку, не порадуют КОВЕН. А заклинания, защищающие здание, могут и не помочь. На люстру вон тоже чего-то там наложили...

Ну и где теперь та люстра?

— Ладно... Теперь хапальце. Расположено на кончике хвоста. — Помянутый хвост вскинулся вверх и вперед, демонстрируя себя зрителям. Раскрылся наподобие цветочного бутона; там обнаружилась некоторая полость, обрамленная пятью короткими, но мощными щупальцами. Учитывая способность к изменению длины предыдущих частей тела, насчет зоны досягаемости этих щупалец никто особенно не обольщался. — Обратите внимание, полость заканчивается слепо, не имея прямого контакта с пищеварительной системой. Покажи! — Хвост легко вывернулся наизнанку, как перчатка, стягиваемая с кисти. Заканчивался он и впрямь слепо, здесь студентка не соврала ни на дюйм. — Глаз на хапальце не имеется, зато, скорее всего, присутствуют сенсорные клетки. По крайней мере, хвост

действует очень уверенно, так что подходить к зверю сзади не рекомендуется. Учитывая гибкость, пластичность и скорость реакции помянутого органа — не рекомендуется вдвойне.

Хвост споро вывернулся наружу. Завязался тройным узлом, развязался обратно, метнулся к носу ошалевшего от такой наглости некроманта и угрожающе сжал-разжал щупальца.

— Цыть! — строго прикрикнула на тварь адептка. Хвост мгновенно ужался до размеров собачьей каральки и умильно замельтешил в воздухе. — Я предполагаю, что хапальце служит для захвата и предварительного переваривания пищи. Скорее всего, на его внутренней стороне исследователи отыщут соответствующие железы, выделяющие пищеварительные секреты...

— Студентка Ясица, — мягко вмешался Рихтер, — отпустите животное. Оно хочет в среду обитания. Давайте ограничимся мнемо-образами.

— Да, давайте! — обрадованно согласился некромант.

Девушка Ясица (это имя или фамилия?) немножко растерялась.

— Но... а как же исследования?

Некроманты хором удостоверили ее в отсутствии подобной необходимости и в том, что ее вклад в науку уже оценен по достоинству.

Рыжая адептка тяжело вздохнула, привычно ухватила тварюшку за шиворот, зачем-то потопталась на месте дислокации указанной тварюшки, поковыряв пол каблуком. После чего с явным облегчением подошла к межмировой стене, легким движением руки отдернула ткань мироздания и забросила животину куда велели.

После всех предыдущих сюрпризов маленькой странности поведенческих реакций помянутой студентки жюри даже не заметило. А зря...

Слава богам, мне и впрямь показалось. Пол под ногами был нормальный, прочный, дырки там не имелось; а то кто его знает, какими жидкостями могут оперировать такие вот существа? Кислотой, скажем? Хотя... кислоты — они только органику прожигают, камню от них вреда нет...

Расставаться с тварюшкой лично мне было жалко. К ней я уже успела привыкнуть и где-то даже немножко привязаться; некое же чувство, возможно именуемое интуицией, подсказывало мне, что, едва существо окажется по ту сторону стены, оно дернет от меня со всех лап. И больше мы никогда уже не увидимся.

Впрочем, вряд ли существо станет об этом жалеть.

— Так что у вас с мнемо-образами, студентка? — напомнил о себе старший некромант. Я посмотрела на него; теперь, после всего случившегося, маг выглядел уже далеко не так величественно, как прежде. Синяк переливался всеми оттенками аметистового. Мне даже сделалось немножко жалко невезучего колдуна.

— Есть, целых четыре штуки... — Покопавшись в карманах, я вытащила на свет божий свой потрепанный талисман, выданный мне гномом-завхозом. Талисман этот, видно, использовался еще магистром-основателем Академии, но некромант схватил его с таким пылом, будто ему предложили наинovelшую конструкцию.

— Господа адепты, — получив талисман, некромант повернулся к моим конкурентам, — сдавайте амулеты. Я объявляю перерыв на двадцать минут, по истечении которого вам будут объявлены результаты.

Адепты зашущукались. Кажется, никто из них не знал, как снимается поспешно наложенная защитная сфера. Наконец кто-то прочел заклинание по шпаргалке — и сфера распалась.

Я свой амулет уже сдала, других все равно не имелось. Покосившись на стену, я незаметно переместилась к двери. Оглянувшись — на меня вроде никто не смотрел.

Вот и хорошо, вот и славно! Я мигом выскочила наружу и огляделась в поисках укрытия. Мне надо было провести где-то двадцать минут, избегнув при этом встречи с любимым наставником. Что-то подсказывало мне, что ничего хорошего он не скажет.

— Куда это вы собрались, студентка Ясица? — холодно поинтересовались за моей

спиной.

Я обреченно обернулась. Рихтер стоял прямо напротив меня; выражение его лица не предвещало мне ничего хорошего. Глаза по крайности поблескивали весьма многообещающе.

Ну это хотя бы предсказуемо и понятно. До сегодняшнего дня я не могла и предположить, что наш боевой магистр способен по-настоящему испугаться, а теперь терялась в догадках, что именно вызвало у него столь неожиданную реакцию.

— Пройдемте, студентка, нам есть о чем поговорить. — Рихтер цепко ухватил меня под руку, лишив всякой возможности отступления. Я оглянулась — выходящие из зала адепты явно не горели желанием связываться ни со мной, ни тем более с Эгмонтом.

«Абзац котенку», — обреченно подумала я. Хорошо, хоть некромантов здесь хватает, — значит, приз смогу получить при любом раскладе.

Если мне, конечно, его дадут.

Я шла молча, сжав зубы, точно гном на допросе. Мысли прыгали туда-сюда, как... как кролики какие-то, размножаясь примерно с той же скоростью. Чего я такого сделала? Что мне за это будет? Дадут ли мне диплом? А если дадут, то можно ли взять деньгами?

Поток мыслей был прерван самым банальным образом — просто мы пришли туда, куда и запланировал ранее мой магистр. Это была преподавательская комната; во всяком случае, на эту мысль меня натолкнула подходящая роскошь интерьеров и некая особа женского полу, находившаяся там же.

— Добрый день, Вирра Джорджовна, — поздоровался с особой вежливый Эгмонт. Я вякнула что-то маловразумительное, но подходящее моменту.

Особа (Вирра Джорджовна, надо запомнить) удостоила Эгмонта царственным кивком. На меня она посмотрела как на пустое место. Я ответила ей противоположным приемом, внимательно осмотрев с головы до ног и с ног до головы. М-да. Вирру Джорджовну, кем бы она ни была, стоило показать Полин в качестве наглядного примера: вот так одеваться нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Я теперь даже жалела, что уже отдала свой мнемо-амулет некроманту.

Ростам Вирра Джорджовна была на голову меньше, чем я. Вес — килограммов на двадцать — двадцать пять побольше, чем надо бы. Впечатление «шарика на ножках» усиливалось серым вязаным пончо, украшенным длинными кистями. Под пончо на преподавательнице имелся какой-то свитер, но на фоне остального он просто мерк. Ибо ниже имелаась коротенькая, но пышная юбка: черная, в крупные белые горохи. По краю она была оторочена широкой лентой черного же кружева. Юбка открывала взглядам аккуратные, но от этого не менее толстенькие ножки, обтянутые узорчатыми, черными и — зуб даю! — очень дорогими чулками. Картинку завершали жемчужно-серые башмачки, завязанные на щиколотках кокетливыми бантами атласной ленты. Как всякая невысокая женщина, Вирра Джорджовна обожала высоченные каблуки. Эти конкретные шпильки были, видно, сделаны на заказ: каждый каблук обвивала серебряная змейка, подмигивавшая зрителю изумрудным глазком. «Где-то я про такое уже читала», — с подозрением подумала я. Не иначе как Вирра Джорджовна тоже.

Плюс еще на пальцах, на запястьях, на шее и в ушах преподавательницы всеми цветами радуги сверкали драгоценные камни. Судя по всему, она придерживалась принципа «хорошего много не бывает!» и брала если не ценой, то количеством.

— Вирра Джорджовна, — с безукоризненной вежливостью сказал Эгмонт, — там внизу сейчас как раз началось оценивание работ. Присуждение мест, подписывание грамот... Я счел своим долгом сообщить вам об этом. Полагаю, вы сочтете необходимым участвовать?

— Благодарю вас, — капризно сказала магичка. Она вытянула ножки вперед, точно еще раз любуясь башмачками; потом, не вставая, выпустила из крупного перстня зеленую искру. Заклинание экстренной телепортации всколыхнуло пол так, что мне пришлось уцепиться за косяк.

Да. За несколько секунд прямого контакта я успела оценить новую знакомую как мага и

как врага. Первое было не особенно-то и высоко; соперником она была слабым, всяко не Эгмонт. Зато как враг... глазки у нее были такие, что мне немедленно захотелось принять ее за эталон и всех грядущих врагов оценивать в «вирроджорджовнах».

— Садитесь, студентка, — сказал Рихтер, отвлекая меня от продумывания подробностей эталона.

Я послушно плюхнулась на диван. Тот немедленно продемонстрировал свой дурной характер: диван был не иначе как специальный, для неугодных посетителей, потому что колени у меня задралась выше головы. Я попыталась выбраться наружу, но не преуспела.

Эгмонт сел на стул у стола, по-хозяйски сдвинув в сторону четыре пухлые пергаментные папки. Помимо папок на столе имелись: песочные часы в серебряной оправе, тяжелый письменный прибор из темно-зеленого камня с разводами и рамка с миниатюрой. На миниатюре было изображено какое-то существо мужского пола. Едва я посмотрела на картинку, существо исчезло, оставив после себя пустую раму.

Большое окно прикрывала иллюзия морского побережья. На противоположной стене висела огромная картина в золоченой раме; как мне показалось, там был запечатлен для истории какой-то из ежегодных ковенских съездов.

— А что это была за дама? — спросила я, прерывая молчание.

— Одна из ведущих некромантов КОВЕНА. Специалист по работе с адептами... — Рихтер усмехнулся и заканчивать мысль не стал. Я, как существо разумное, настаивать не рискнула.

Мы молчали, наверное, около семи минут. Я постепенно выбиралась из недр коварного дивана, наконец усевшись на самом его краешке. Такая позиция была относительно устойчива; опершись на мягкий подлокотник, я с некоторым трудом подавила в себе желание сбросить сапоги и залезть на диван с ногами.

Эгмонт устало потер ладонью висок. Посмотрел на меня:

— Что у вас с пальцем, студентка?

Я машинально спрятала руку за спину. Потом, подумав, вытащила обратно.

— Ничего... Так, цапнул этот чудик, вот и все...

Снова долгая пауза.

— Вы хоть догадывались, что эти существа — хищники? Что там могло быть опасно? Что вы могли просто не найти дороги назад?

Я честно помотала головой.

— И чему я вас вообще учил? — задумчиво спросил Эгмонт, рассматривая изображение Великого Магистра на картине.

— Может, они и хищники, — резонно возразила я, — вот только я...

— Договаривайте.

— Вот только я не добыча!

— На каждого сильного найдется сильнейший. На каждую не-добычу отыщется свой хищник. Зачем вы полезли туда, студентка Ясица? Или вам жить надоело?! Это некромантия, понимаете? Некромантия! Здесь не играют в войнушку, здесь убивают всерьез...

Я мрачно рассматривала роскошный ковер. Когда это я, спрашивается, играла в войнушку? Да и некромантия... В гробу я тех некромантов видала! Зачем полезла? «Зачем», «зачем»... Затем! Бегают они там слишком быстро...

Как-то мне их зарисовать ведь надо!..

Рихтер неожиданно рассмеялся.

— Нет, студентка Ясица, вы мне не дадите погибнуть своей смертью! Я умру в расцвете лет, от инфаркта... В следующий раз, когда вам опять приспичит куда-нибудь залезть, предупредите меня об этом, хорошо? Чтобы я сразу знал, что это у вас самоубийство, а не убийство...

— Да в чем, вообще, дело, магистр Рихтер? — Я честно попыталась понять, что происходит. — Что все так бегают? Ну прошла. Ну принесла. Оно же ведь меня не съело!

«Ага, только понадушило малость...».

— В чем дело, студентка? — Эгмонт знакомо прищурился. — Да собственно, ни в чем. Только эта стена, чтоб вы знали, в принципе непроницаема для любого магического воздействия. То есть *была* непроницаема. Как вы вообще смогли через нее пройти — уму непостижимо...

Я ошарашенно молчала, машинально прокручивая на запястье браслет. Но... как же так? Это просто стенка, магический полог... Фенгиаруленгеддир учил, как можно миновать такое препятствие!..

Может, Рихтер ошибся?

Да нет, вряд ли... Вот, значит, отчего все так на меня смотрели!

— Юное дарование, — ехидно подытожил магистр.

Я растерянно посмотрела на него; Эгмонт ответил мне взглядом, от которого я мигом уставилась на собственные коленки.

Собственно, чувств сейчас во мне было два. Первым было искреннее недоумение и столь же искренний испуг: сейчас до меня мало-помалу начинало доходить, что именно я сделала, а слова касательно хищников и добычи разом сделались гораздо более обоснованными. Вдобавок мне вспомнилось, *как* смотрел на меня Рихтер, когда я вернулась с созданием. Да... пожалуй, ему было чего бояться...

Имелось, однако же, и второе. Едва до меня дошла вся серьезность ситуации, как поняла я и еще кое-что: может быть, ситуация получилась и проблемная, но рядовой чародей такого в жизни устроить не сможет. Нет, я никогда не считала себя рядовой чародейкой, но получить лишнее подтверждение собственной гениальности никогда не повредит. Рихтер поднял голову.

— Вы особенно не радуйтесь, студентка, — заверил меня он. То ли магистр не ставил себе такой цели, то ли он попросту устал, но на ехидную ласковость его уже не хватило, и голос прозвучал скорее уж сочувственно. — Магистр Дэнн наверняка по-новому посмотрит на ваши некромантические способности. Вряд ли теперь вы сумеете убедить ее, что ничего не смыслите в Темной магии...

— А что — теперь? — ошетинилась я. Перспектива усиленного внимания некромантки показалась мне не слишком-то радостной. — Ну сходила, ну принесла... Это же бестиология, в крайнем случае — общая магия!

— Разумеется, — согласился маг. — Вот только диплом вам дадут по некромантии. И название предмета напишут большими буквами. А диплом городской олимпиады, проходящей под патронатом КОВЕНа, — это не просто кусок пергамента. Это серьезный документ.

Я заволновалась, вспомнив, о сколь важном состязании идет речь. Коварный документ — нет, Документ! — как живой встал перед моим внутренним взором. Был он велик, ужасен, снабжен синим оттиском на пол-листа и кучей затейливых подписей. Венчала все это великолепие огромная надпись черными буквами: «Некромантия. Приглядитесь, магистр Дэнн!»

— Думаете, мне правда его дадут?

Эгмонт пожал плечами:

— Скорее всего. Можете рассчитывать как минимум на третье место.

Я заволновалась еще больше. Под пальцы подвернулся браслет; Рихтер, откинувшись на спинку стула, флегматично наблюдал, как я терзаю металлические висюльки.

— Что это у вас такое? — наконец заинтересовался он. — Амулет?

Я вздрогнула, машинально спрятала руки за спину, но тут же устыдилась и вернула их на место.

— Амулет?.. Да нет, магистр Рихтер, просто побрякушка. От бабки досталась.

— Интересная у вас была бабушка, — хмыкнул магистр. — Хотел бы я с ней познакомиться.

— Почему же — была? — рассеянно переспросила я. — Она и есть, кажется...

Но знакомиться с нею я не рекомендую. Даже боевому магу Эгмонту.

Слава богам, у Рихтера достало такта не спрашивать, как же так я брожу по жизни в гордом одиночестве, если у меня есть как минимум одна предположительно живая родственница. У меня же наконец прорезались мозги, я вспомнила про конфиденциальность и заткнулась. Не берите меня в разведку, я все тайны выболтаю!

На этом месте мои размышления прервали. Самым недвусмысленным образом: где-то в холле звонко — и довольно громко — прозвенела минутная мелодия. Пауза, наполненная нарастающим топотом адептов Высокой Науки, — мелодия повторилась, на этот раз чуть длиннее и гораздо, гораздо громче.

Эгмонт поднялся на ноги. Я, мигом поняв, что теперь будет, только глубже вжалась в ставший родным диван. Мало того что подведение итогов, так еще и наверняка разбор полетов ожидается, — если уж Рихтер испугался, что про некромантов говорить?!

Да и в лоб главному магистру засветили — явно не без моего участия, хотя бы и косвенного.

— Идемте, студентка Ясица. Награждение уже начинается.

«Наш зритель ждет нас!» — мрачно подумала я, вылезая из мягких объятий дивана.

Награждали, как ни странно, в том же зале, где и испытывал. То ли другого у них попросту не имелось, то ли традиция была у здешних такая — в общем, места были знакомые, хоженные, и я немножко приободрилась. Когда Эгмонт во всем своем высокоме... то есть, я хотела сказать, великолепии отбыл к преподавателям, я вздохнула немножко свободнее — при всем уважении присутствие моего магистра в радиусе трех метров всегда меня немножко напрягало. А что поделаешь, если первая мысль, которая приходит при нем мне в голову, как правило, начинается однообразно: «Так, а чего такого я сегодня сделала?!»

Адепты стояли кучкой, почти как те крокозюбры. Сходство усиливали и поведенческие реакции: едва заметив меня, студенты мигом сбились в кучку, вытолкнули вперед какого-то унылого брюнета с двухпудовым амулетом (надо думать, лучшего боевого мага), но на всякий случай откочевали подальше. Поначалу не поняв, что к чему, я двинула было к коллегам, но те так знакомо зыркнули на меня, что я мигом пожалела о неосмотрительно отданном некроманту мнемо-амулете. Две кучки рядом смотрелись бы очень стильно.

Преподаватели, естественно, образовали свою кучку. Она выглядела на порядок более помпезно: шикарные мантии, величественные лица, даже синяк на лбу у главного некроманта, к слову сказать тщательно прикрытый волосами, впечатления как-то не испортил. Какое там, впечатления не испортило даже то, как опасно этот самый некромант косился в сторону Рихтера, — тот с подчеркнуто равнодушным видом вертел в пальцах кристаллик, оставшийся после люстры. Будь Эгмонт гномом, я бы предположила, что по кристаллику предполагается наваять как минимум четыре диссертации, причем три из них загнать коллегам. Вирра Джорджовна, с дипломами в руках, излучала в атмосферу столь доброжелательные флюиды, что у меня мигом запищал амулет от порчи.

— Уважаемые коллеги! — прокашлявшись, ласково завела она.

Амулет запищал уж вовсе громко. Адепты, всей кучкой, развернулись в мою сторону. Я, всеми силами удерживая на лице доброжелательную улыбку, полезла в карман, пытаясь отключить амулет на ощупь. Мрыс! Карман у меня был большой, так что амулет попросту запутался в ткани, и я понапрасну пыталась вытащить его оттуда двумя пальцами. Двумя — это потому, что хоть карман и большой, но дырка в него очень маленькая, вся моя кисть, может, туда, и пролезет, но для обратного пути придется простригать в штанах дырочку.

Общая магия — штука, очень полезная в быту. Если бы не постоянная необходимость закручивать пальцы в совершенно невероятные загогулины, мрыс бы я сумела выключить пищавший амулет. Впрочем, мне и так потребовалось на это около полутора минут — а сейчас, стоя под пронзительным взглядом Вирры Джорджовны, я как никогда четко поняла, сколь медленно умеет течь время. Зато главный некромант смотрел на меня на порядок теплее, чем прежде. Похоже, не я одна прониклась к Вирре Джорджовне большими и светлыми чувствами.

— Уважаемые коллеги! — еще более проникновенно продолжала магичка, когда

амулет наконец-то был утихомирен. — Настоящий некромант, как вам известно, должен быть краток. — «Да уж, с упырями не поболтаешь», — мрачно подумалось мне. — Так что я не стану особенно распространяться, а лучше сразу перейду к делу. Итак, третье место нашей олимпиады присуждается...

Имени лауреата я, каюсь, не разобрала. Лет двадцать назад в Лыкоморье случилась повальная мода на эльфийские имена — а там детей называют так, что без поллитры не разберешь. Хуже всего, я думаю, пришлось обладателям этих самых имен: хочешь не хочешь, собственное назвище надо вызубрить наизусть. В том числе и полный вариант, по традиции состоящий как минимум из двадцати трех слов, соединенных предлогами, союзами и частицами.

Из адептской кучки осторожно выбралась маленькая светленькая девушка с торчащими в стороны короткими косичками, востреньким носиком и совершенно неожиданными на таком личике черными глазами. Зыркнула в мою сторону; я чисто инстинктивно выставила вперед Щит, запоздало сообразив, что по нему и впрямь чего-то соскользнуло. Но разбираться было уже поздно: девица получила диплом, пожалала Вирре Джорджовне унизанную перстнями ручку и отбыла обратно, под защиту родной кучки.

На меня она смотрела с изрядным уважением.

Я, однако же, не спешила ответить взаимностью. На душе было немножко грустно и совсем не немножко обидно. Никогда не питая больших надежд на собственный некромантический талант, я рассчитывала как раз на третье место — справедливо полагая, что вот на него-то я и наработала. Для второго и — тем более — первого места мне определенно не хватало способностей. Тем не менее я надеялась увести с гадской олимпиады хоть какой-то диплом — тем паче что картинка Великого Документа так явственно стояла у меня перед глазами. Да и книжку получить было бы нехило — помимо диплома конкурентке-некромантке выдали средней тяжести фолиант со свеженькой ковенской печатью. Занявшему же второе место адепту (им оказался тот брюнет с амулетом, — видно, спец сразу в двух магических отраслях) вручили еще и талисман, правда, я не разобрала, какой именно. КОВЕН — организация небедная и мне оставалось только завистливо гадать, чего такое вручат Главному Победителю.

— Ну а теперь самое, я так понимаю, интересное! — Не знаю чего уж интересного здесь нашла Вирра Джорджовна, но народ мигом прекратил рассматривать дипломы и замолк. Мне жутко хотелось посмотреть книжки и амулет, но я неплохо понимала, что никто мне их не даст. А то кто знает эту злобную меня — схарчу и не подавлюсь, я такая! — Первое место олимпиады по некромантии проходящей под патронатом КОВЕНа, занимает... Яльга Ясица Академия Магических Искусств!

— Чего? — шепотом брякнула я, с запозданием сообразив, что не так должно отвечать на вступительное слово.

Народ заплодировал — не особенно бурно, но все-таки. Я сглотнула; Вирра Джорджовна нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Адепты-некроманты смотрели на меня как на зверя тигруса в музее; работать экспонатом оказалось на редкость мерзко, так что я по-простому шагнула вперед.

Некромантка пожалала мне руку — многочисленные кольца и перстни больно впились в мою ладонь. Часть из них вдобавок оказалась магической — я сжалась, ожидая, как сейчас что-нибудь рванет.

Пронесло. Вирра Джорджовна отпустила меня на волю, вручили диплом — тот самый Документ выглядел в точности как я его себе и представляла, разве что печатей оказалось в два раза больше и отсутствовала рекомендация для магистра Дэнн. Надпись «Некромантия» была выполнена золотым тиснением со множеством вензельков.

— Нашей победительнице мы вручаем особенный приз, — продолжала вещать некромантка, покровительственно опустившая руку на мое плечо, благо высота ее каблуков позволяла это сделать. Адептке, показавшей такие способности к сотворению иллюзий, никак нельзя обойтись без хорошего, вместительного мнемо-амулета! Коллега, прошу вас...

Безымянный коллега, он же магистр некромант, взял со стола какой-то небольшой предмет, снабженный металлической цепочкой. Приподнял, демонстрируя его аудитории; аудитория безмолвствовала, тем не менее наверняка оценив мой приз. Амулет — та еще блямба, диаметром пять сантиметров и толщиной сантиметр и был вырезан из черного дерева и оправлен в серебро. В центре диска сверкал зеркальными гранями небольшой черный самоцвет, остальное же пространство занимали рунические надписи.

В голове вертелось какое-то смутное воспоминание... я вспомнила, что видела похожие амулеты в гномьей лавке. Ну да, конечно, с зеленым самоцветом — «мешок» для энергии, с красным — ментальная защита, а с черным — накопитель мнемо-образов. И стоило это...

Я закашлялась, вспомнив ценник. Столько денег я в руках не держала, даже с учетом выигранного у Ривендейла золота. Да. Крупно же я напугала магов, если они стараются откупиться от меня такой суммой...

Вирра Джорджовна, изящно тряхнув браслетом, приняла из рук некроманта амулет. Какой-то из перстней тихонечко затрещал, и магичка быстро переложила амулет в другую руку. Освободившейся же конечностью она подцепила со стола последний фолиант.

— Вот приз, достойный победительницы, — прохладно сообщила Вирра Джорджовна, не забыв, впрочем, зыркнуть на аудиторию.

Та, поняв намек, устроила маленькую овацию. Я глянула на магистров; они по-прежнему стояли кучкой, но некромант пару раз поднес ладонь к ладони — вроде как тоже поаплодировал.

«И на том спасибо», — мрачно подумала я, принимая из рук Вирры Джорджовны свой законно выигранный приз. Амулет оказался еще ничего — по крайней мере не задымился.

Кажется, Богиня Удачи сегодня смотрела только на меня — никто не потребовал от победительницы ответной речи, так что я просто кивнула, улыбнулась — надеюсь, натурально — и, сунув амулет в карман, направилась на прежнее место.

За спиной произошло некоторое шевеление.

— Студентка Ясица! — недовольно окликнула меня Вирра Джорджовна. — Вы забыли взять свою книгу!

Мрыс эт веллер! Я обернулась, с трудом сдержавшись, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Недовольная некромантка с книгой наперевес шагнула в мою сторону — и тут что-то громко треснуло, она запнулась, в следующий момент едва не полетев кувырком.

Магистр-некромант, спешно выскочив из кучки, поддержал магичку за локоть. Она одарила его взглядом, весьма далеким от благодарности; впрочем, судя по хмурому лицу некроманта, поспешность была вызвана только служебным долгом.

Прочие маги, за исключением любимого наставника — тот, как всегда, пребывал «в нирване», как сказал бы образованный Келлайн, — взволнованно зашевелились. Адептам, кажется, тоже было интересно, но они, памятуя о характере некромантки, благоразумно молчали в тряпочку.

— Что с вами, коллега? — спросил один из преподавателей.

Вирра Джорджовна зыркнула на него как на врага народа.

— Я сломала каблук! — недовольно возвестила она, по-прежнему опираясь на руку главного некроманта. Нагнувшись, она подняла с пола и предъявила собранию то, что осталось от прежде великолепной шпильки: длинный обломок, украшенный изумрудным глазком и даже, пожалуй, сохранивший часть помянутого великолепия.

Я тихонечко вздохнула. Змейку было жалко.

— Какой идиот вырыл здесь яму?! — потрясая зажатым двумя пальцами обломком, прошипела магичка.

Мы глянули на пол — и я похолодела.

От ног Вирры Джорджовны медленно расплзалась глубокая дыра, словно выеденная в паркете какой-то невероятно жгучей жидкостью. Да и в паркете ли? — судя по тому, сколь многообещающе чернела дыра, дело не ограничилось деревянным полом. Кажется, отверстие шло и дальше, сквозь прочный камень фундамента.

И находилась эта дыра почти в том же самом месте, где полчаса назад стояли мы с тварюшкой, демонстрируя ученой публике все некромантические интересности. А если уж совсем точно — то именно там, где испуганное до невозможности животное жалось к моей ноге, не сумев еще толком сориентироваться в обстановке.

Значит, не почудилось мне тогда насчет жидкости и шипения...

К счастью, Вирры Джорджовны во время демонстрации в зале не было. Это я вспомнила почти сразу же, а вспомнив, испытала такое невероятное облегчение, что оно наверняка отразилось на моей чересчур уж выразительной физиономии. Если магички здесь не было, ничего заметить она не могла. И если никто другой не просветит ее на этот счет... а хотелось бы верить, что не просветит...

Тогда можно будет спокойно жить дальше. Уж в чем, в чем, а в мстительности некромантки я не сомневалась, равно как и в том, что за сломанный каблук, как за гуманность, она способна загрызть любого. Хотя бы и самого Великого Магистра, если тот не успеет среагировать и огреть ее посохом.

Но Вирра Джорджовна смотрела именно на меня — причем с таким нехорошим подозрительным вниманием, что амулет от порчи снова беспокойно заворочался в кармане. Я поспешно сжала его, отключая функцию немедленного предупреждающего писка.

— Вы! — наконец прошипела некромантка, обличительно потрясая каблуком. — Это ваша работа, адептка! Это вы проделали здесь такую дырищу! И, клянусь богами, вы за нее ответите!

Я чуть отступила, ошарашенная таким напором. Природная наглость боролась с вежливостью и чувством самосохранения — пока что схватка шла на равных, и я судорожно соображала, что именно мне надлежит сказать. Но не успела я и рта раскрыть, как в разговор вмешался еще один участник.

— Прошу прощения, — очень холодно сказал он, отодвигая в сторону некроманта. Тот, кажется, был только рад убраться подальше от конфликта; Рихтер же, коротко глянув в мою сторону, с той же ледяной вежливостью воззрился на Вирру Джорджовну: — В чем именно вы обвиняете мою адептку, коллега?

Магистр встал очень неудачно, почти целиком загородив от меня некромантку. Обегать его, дабы получше рассмотреть выражение вражеской физиономии, было бы глупо, так что мне пришлось ограничиться одними интонациями.

Впрочем, интонаций хватало с лихвой.

— В чем именно?! — Кажется, чародейка ажно задохнулась от возмущения. — Да в том, *коллега*, что из-за ее колдовства, кстати совершенно дилетантского, пострадало мое личное имущество! Очень дорогое имущество, надо сказать!

Лица Эгмонта я тоже сейчас не видела, но почти со стопроцентной уверенностью могла сказать, что сейчас он приподнял бровь. Левую.

— Не вижу никакой связи между чарами моей адептки и вашим сломанным... имуществом.

Про степень моей подготовки не было сказано ни слова — но, кажется, до Вирры Джорджовны все-таки дошло, что, наезжая на пресловутую подготовку, она тем самым оскорбляет профессионализм Эгмонта. Оскорблять же его профессионализм было весьма небезопасно для жизни.

И, кажется, Вирра Джорджовна это поняла.

— Связи! — фыркнула она, но все-таки уже на тон ниже. — Да вы на пол посмотрите, Рихтер! Там же трещина до самого фундамента, и в ковре дыра!

Мой взгляд невольно метнулся к рекомой трещине — и тут я остолбенела повторно.

Потому что никакой трещины уже не было! Точнее, может, и была, но через ковер ничего подобного не просматривалось, а ковер был целехонький, точно только что из лавки. Не поверив своим глазам, я потрясла головой; когда комната перестала шататься, я осторожно глянула на пол еще раз.

Трещины не было.

Прямо напротив меня на ковер совершенно квадратными глазами смотрел магистр-некромант.

— Будьте добры... — Рихтер отвел Вирру Джорджовну в сторону и одним движением кисти откинул угол ковра.

Нашему взгляду предстали идеально чистые и ровные доски паркета — могу, конечно, ошибаться, но, по-моему, дубового. Никакой трещины там не было и в помине — а между тем я отлично помнила ту дырищу, о которую и в самом деле несложно было сломать каблук.

Мрыс, да что же это, блуждающая трещина?!

Эгмонт спокойно прошелся по паркету. Поковырял его каблуком; делал он это с таким решительным видом, что чуть менее морально стойкий паркет сдался бы без боя. Пару раз подпрыгнул, но пол держался стойко.

— Коллеги?

Магистр-некромант, переглянувшись с преподавательской кучкой, подошел к Рихтеру. Еще минута — и к ним присоединился третий некромант, имени которого (как, впрочем, и имен всех других) я еще не знала. Несколько слов, кивок — и трое магов, протянув руки вперед, над местом предполагаемой трещины, тихо запели заклинание.

Мне еще не приходилось видеть, чтобы человеческие маги пели, пользуясь чарами. Эльфы — да, про них такие слухи давно ходили... но тут пол качнулся, точно палуба корабля, меня невольно шатнуло, а когда я восстановила утраченное равновесие, все уже кончилось.

— Нет там никакой дыры, — уверенно сказал третий некромант. — Да и быть не могло. Вирра Джорджовна, что же вы, забыли, из какого камня сложен наш фундамент? Он поглощает магию как сухой песок — воду! Его дипломированные маги поцарапать не могли, а тут адептка...

— Да эта адептка... — возмущенно начала Вирра Джорджовна, но Эгмонт легко ее перебил:

— ...Учится на первом курсе и не успела освоить ничего хоть сколько-нибудь опасного. В конце концов, стоит ли так останавливаться на одной версии? В каблуке вполне могла иметься трещинка...

Все, поняла я, увидев, как сузились глаза некромантки. Абзац тому гному, который продал ей эти туфли. Если на шпильке и впрямь найдется брак — есть вариант, что следующая будет выточена как раз из гномьей кости. И украшена фамильными клановыми изумрудами.

— Но в ковре-то дыра точно была!

— В ковре? — Рихтер наклонился, исследуя рекомое. — И в самом деле, здесь дырка. Как раз по размеру вашего каблука. Может, об нее вы и споткнулись?

Некромантка поджала губы, но тут нам на выручку пришел магистр-некромант:

— Пренеприятный случай, — отважно объявил он, незаметно (но я-то видела!) складывая свободной рукой в кармане общеизвестный знак против сглаза.

Вирра Джорджовна изумленно глянула на него, напомнив мне разъяренную кобру, которую пытаются усмирить факирской дудочки. Только что не покрутила кончиком хвоста у виска.

— Полагаю, на этом церемонию закрытия олимпиады можно считать законченной! — оптимистично возвестил некромант, игнорируя и кобру, и шипение, и хвост. — Благодарю вас всех за участие в сегодняшнем проекте. Этот день, я думаю, всем нам запомнится надолго — именно потому, что это мы сами, а в первую очередь вы, наши молодые коллеги, сделали его таким ярким и запоминающимся! До свидания!

Учитывая, что во время всей тирады смотрел он исключительно на меня, я нахально кивнула, как если бы разговор шел только между нами.

Вирра Джорджовна, фыркнув, развернулась на каблуке и вышла из зала. Перед этим она одарила меня таким взглядом, что я невольно испугалась за амулет: чего доброго, еще

перегреется и сдохнет. Но он даже не пискнул, что само по себе являло весьма нехороший признак. Так, а может, он уже сдох?

Студенческая кучка облегченно распалась на много отдельных особей. Магистры тоже зашевелились, но на порядок медленнее; не зная, что мне делать — уходить или дожидаться Эгмонта, — я все-таки осталась на месте. Рихтер сегодня был явно не очень адекватен, так что лучше перемудрить, чем потом писать второй том трактата «О свойствах мгымбров». Или — если уж сама напросилась — «Вдумчивое и глубокое сравнение различных видов потусторонней живности».

Кстати о трактатах. Законно выигранная мною книга так и осталась валяться на полу; вспомнив про нее, я присела на корточки и подняла свой приз на колени. Раскрыла, наудачу — с середины, сразу же пролистнув красочную цветную вкладку. Опыт подсказывал, что в некромантических книжках иллюстрации страшнее всего.

Все остальное же в принципе читать можно и нужно. Мало ли с кем придется столкнуться будущему боевому магу? Рассудив так, я начала читать раздел — только подтянула поближе сумку, чтобы никто не споткнулся о змеившийся по полу ремень.

— Сколь похвально видеть в адепте такую тягу к знаниям! — с выражением произнес надо мной кто-то из магистров.

Я вскинула голову; на меня, оглаживая длинную седую бороду, смотрел самый пожилой из некромантов, сильно напоминающий Главного Положительного Волшебника с лубков.

— А особенно в адептке! — продолжал Главный Положительный, отечески созерцая меня сверху вниз. Я подтянула книгу, сползающую с коленей, и терпеливо улыбнулась некроманту. — Впервые вижу, чтобы юная прекрасная дева с таким пылом искала магических умений!

— И не только их, уважаемый коллега. — К Главному Положительному присоединился Главный Отрицательный Эгмонт. Мрыс, не знай я, кто из этих двоих некромант, честное слово, выбрала бы Рихтера! — Сия юная прекрасная дева старательно ищет и с успехом находит множество неприятностей, каковыми честно делится с научными руководителями. Я тоже впервые такое вот наблюдаю...

Я встала, сообразив, что дочитывать раздел придется уже в Академии, и попыталась затолкнуть книгу в сумку. Но фолиант был слишком велик; дело кончилось тем, что он попросту выскользнул у меня из рук. Я попыталась поймать его в полете, но не успела. Книга шлепнулась о землю, подняв целый клуб бумажной пыли.

— Тяжек груз знаний, — машинально вякнула я, почувствовав на себе взгляды сразу двух волшебников.

Пожилый некромант вдруг негромко рассмеялся:

— Впервые, говоришь? — переспросил он у Эгмонта. — Так-таки, значит, и не встречалось тебе прежде ничего подобного?

И, к моему величайшему изумлению, Рихтер не нашелся что ответить.

Я думала, что обратно мы станем возвращаться телепортом, но ошиблась в очередной раз. Зато угадала абсолютно верно, дождавшись магистра, — ибо он, судя по всему, твердо решил предотвратить все прочие неприятности, которые я только вознамерюсь сегодня сгенерировать.

Диплом в сумку, разумеется, не влез, и я несла его отдельно, нежно прижимая к груди. Холодный зимний ветер вырывал все у меня из рук, так что, когда вдали показались стены Академии, почетная грамота, сделанная, к слову, из дорогого и плотного картона (не пергамента, заметьте!), больше всего напоминала не доматый до конца черновик.

Ничего, придем — разглажу. Или Полин попрошу, она у меня хозяйственная.

Мы вошли во двор, минуя знаменитый ореховый куст (оттуда доносились неясные звуки, из которых следовало, что сегодня старшекурсников снова был практикум по фэйриведению). Не иначе как созерцание родной Академии благоприятно повлияло на мои мыслительные способности. До меня вдруг дошла одна идея, столь приятная, что я даже

немножко согрелась.

— Магистр Рихтер... ох, мрыс эт веллер, — очередной порыв ветра заново выгнул мой злополучный диплом, — грамота — это, конечно, хорошо, но как насчет... э-э... денежного эквивалента?

— Вы про стипендию? — уточнил Эгмонт.

Я кивнула.

Он пожал плечами:

— Будет вам стипендия, разумеется... Точной суммы не припомню, но прилично. За первые места обыкновенно хорошо платят.

Я фыркнула — еще бы попробовали не платить! — и вдруг остановилась, пораженная гениальной мыслью № 2. Обыкновенно, значит, платят... ну да, все верно, с чего это я взяла, что некромантия — это единственный олимпиадный предмет?! А раз так, то перспективы открываются до жути заманчивые...

— Не спи — замерзнешь! — ворчливо одернула меня старшая элементарь. Только тогда до меня дошло, что я замерла на пороге входной двери, а внутрь уже успело занести маленькую снежную кучку. — Давай, дева, или туда, или сюда!

Я дала сюда, то есть вошла внутрь и захлопнула тяжелую дверь. Гнома-завхоза рядом не было, так что уничтожать кучку было незачем. Сама растает.

На счастье, Эгмонт не успел еще отойти далеко — я быстро догнала его, на ходу расстегивая плащ.

— Скажите, магистр... а олимпиады по боевой магии КОВЕНОм не проводятся?

Рихтер глянул на меня с некоторым подозрением.

— Еще как проводятся, — наконец ответил он.

— И для первокурсников тоже?

— И для первокурсников.

— А мне можно участвовать? — с надеждой осведомилась я, вспомнив свои успехи в профильной дисциплине.

Собственно, я не сомневалась в ответе: разумеется, можно — лучшая я или нет? Разве Академии не нужны дополнительные ассигнования вкупе с явной и несомненной славой? Если уж я на некромантии, к которой отродясь не выказывала больших способностей, одержала такую блистательную победу, то на боевой-то магии...

— Нет, — жестко ответил Рихтер. — По крайней мере, не в этом году.

— Но... — я недоумевающе воззрилась на магистра, — но почему?! Разве я не...

И тут Эгмонт широко улыбнулся — в точности как тогда на экзамене в конце прошлого семестра. Я немедленно заподозрила подвох: Рихтер вам не Хельги, он просто так не улыбается.

И подвох не замедлил сказаться:

— Дорогая, — с нескрываемым удовольствием произнес магистр; я сначала выпала в осадок, потом сообразила, что он, кажется, кого-то цитирует, — ну нельзя же быть такой эгоисткой — подумай, другим тоже хочется поразвлечься!..

Он улыбнулся еще раз и испарился. Разумеется, в прямом смысле слова.

«Не к добру это все...» — смутно подумалось мне.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой новейшая история становится самым популярным предметом. Ну после общей магии, разумеется. Эльфы изыскивают тайные ходы, раубриттеры претендуют на звание королей, магистры уезжают в боевые командировки, оставив вместо себя невразумительных аспиранток, а конец света становится вполне реальной альтернативой

Кто придумал, будто лютня не ударный инструмент?

*Неизвестный эльфийский менестрель (по непроверенным данным
— Моролът ан Финденгейро)*

Естественно, домашнего задания я делать не стала — да и никто бы не стал, имея при себе такую замечательную отговорку. Остаток дня я провела самым приятным образом — рассказывая Полин об олимпиаде и представляя в лицах комиссию, тварюшку и главного магистра-некроманта. Мнемо-амулет был со вкусом испытан, найден весьма приличным и определен на вечное местожительство в мой карман. Любопытная алхимичка решила было пролистать книгу, но захлопнула ее почти сразу же, позеленев странице на второй. Моих нервов хватило чуть-чуть подольше, но, увидев красочную иллюстрацию к теме «Практика открывания могил», я быстренько закрыла том. Ну уж нет, не настолько я люблю некромантию, чтобы держать такое в своей комнате. Место этой книге только у Зирака, там она, может, кому-нибудь и пригодится.

Ночью я спала как сурок, и снились мне всевозможные летающие, прыгающие и закапывающиеся твари, то и дело сбивающиеся в кучку и начинающие синхронно моргать большими печальными глазами.

Наутро я встала немного раньше обычного, чтобы успеть до занятий забежать в библиотеку. Во-первых, надо было вернуть справочную литературу, во-вторых, отдать Зираку мой вчерашний приз. Идея была отличная, но вот воплощение подкачало: спать хотелось немилосердно, и несколько минут я лежала с закрытыми глазами и уговаривала себя встать. Вставать не хотелось, так что я, отчетливо осознавая, что нагло вру, пообещала организму лечь спать сразу же, как вернусь с лекций. Мрыс с ними, с домашними заданиями. Алхимию сделаю послезавтра на перемене, некромантию спишу у того же де Максвилля. А боевой магии послезавтра нет, и это очень хорошо и правильно...

Наконец я отлепилась от постели и быстро натянула на себя выставшую за ночь одежду.

Было холодно, тихо и темно. За окном плескался непроглядный зимний мрак, в котором смутно светился контур Солнечного шпиля. Полин, ранняя пташка, с ногами сидела на постели и сосредоточенно красила ресницы, зачем-то приоткрывая при этом рот.

— Привет, — неразборчиво сказала она, не прерывая своего дела. — Ой, а что это у тебя на губе?

— Где? — Я спросила и сразу поняла ответ, ибо в уголке рта тут же заболело и зачесалось. Некоторый опыт подсказывал, что чесать и облизывать это не стоило.

Подойдя к зеркалу, я мрачно посмотрела на себя. Отражение было бледное, помятое, невыспавшееся и украшенное славной блямбой в пресловутом углу рта. Горло чуть побаливало, так что я, очевидно, все-таки простудилась, несмотря на выданный гномом-завхозом теплый плащ.

— Хочешь, микsturку дам? — с неожиданной заботой предложила Полин. — Я себе готовила, но там еще полбанки осталось...

Я подозрительно покосилась на алхимичку:

— Да?

— Ага...

— А что мне надо за это сделать?

— Ох и меркантильная же ты, Яльга! — посетовала на меня она, соскакивая с постели и рывком открывая дверцу тумбочки. — А вот просто так я тебе микsturки дать не могу?

— Можешь, — признала я. Полагать иначе было опасно.

Покопавшись в тумбочке, Полин вытащила наружу маленькую склянку, закручивающуюся стеклянной крышечкой, и задумчиво повертела ее в руках. Этикетки на баночке не было, и я насторожилась, прикидывая, а так ли уж нуждаюсь я в лекарствах. Алхимичка может ведь и перепутать зелья — а в медпункте меня не любят, особенно после

истории с мгымбром...

— Вот! — наконец решила Полин, протягивая мне баночку. — Смазывай дважды в день — и все как рукой снимет!

— Спасибо, учтем... — Я немедленно раскрутила крышку и сунула внутрь нос. Пахло зелье пристойно, цветом тоже не поражало, так что я решила все-таки рискнуть. На микстурку оно, правда, не тянуло — скорее уж, сие была мазь, — но терминология Полин была далека от общеупотребительной.

— Яльга, а Яльга, — позвала меня алхимичка несколько секунд спустя, когда я, скорчив гримасу, смазывала зельем пакостную блямбу. — Вот скажи, ты меня любишь?..

— Угум, — невнятно согласилась я. Вариантов все едино не было.

— А ты... ты меня сильно любишь?

— Это смотря что требуется...

— А, там посмотрим! — беззаботно махнула рукой алхимичка.

Я пожала плечами, закручивая крышку. Женская логика в исполнении Полин была еще страшнее, чем женская логика вообще.

Губа болела, чесалась и вообще вела себя крайне антиобщественно. Но с этим, увы, было уже ничего не поделать, так что я хмыкнула, сложила в сумку книги, перекинула ремень через плечо и бодрым шагом вышла из комнаты.

До начала лекций оставалось еще около получаса, и из большинства комнат летели отчетливые сонные флюиды. Я невольно начинала зевать и в профилактических целях ускоряла шаг — так что к библиотеке подошла едва ли не бегом.

Рабочий день Зирака, как и любого уважающего себя гнома, начинался очень рано. Дверь в библиотеку была приоткрыта, и на пол оттуда падала тонкая полоска света. Я переступила с ноги на ногу, потом постучалась и осторожно просунула голову внутрь.

— О-о, гроза ковенцев! — бодро отметил гном, поднимая глаза от книги. — Брать или сдавать?

— Сдавать и дарить. — Поняв, что никого ни от чего не отвлекла, я просочилась внутрь вся целиком. — Вот, это мне вчера на олимпиаде дали...

Гном принял книгу и прищурился на заглавие.

— Неплохо, неплохо... — кивнул он, раскрывая ее посередине. — Оп-па, и даже без заклатья! Ну прям сокровище для библиотеки... Ригли, а ну-ка быстро штамп!

Откуда-то выскочил гномонок — взъерошенный, вихрастый, но бодрый и весьма довольный жизнью. Метелочки у него не было, из чего я сделала вывод, что вчера он получил повышение. В руках у него был квадратный серебряный поднос, на котором возвышалась библиотечная печать, выполненная в виде дракона из какого-то полупрозрачного зеленоватого камня. Кое-где камень растрескался от старости — трещины были желто-коричневые, будто огненные. Рядом лежала губка, пропитанная синей краской.

Зирак благоговейно взял печать, дохнул на рабочую поверхность и прижал ее к губке. Книга сама раскрылась на первой странице, и гном ловким движением приложил печать к новехонькой белой бумаге.

Откуда-то из немыслимой дали глухо донесся удар гномьего бронзового колокола.

— Ну вот и все. — Гном поставил печать на место, и гномонок Ригли шустро унесся обратно в библиотечный лабиринт.

Я поглядела на свеженький синий оттиск. Про библиотечную печать ходило немало слухов — больше, наверное, только про личную печать Великого Магистра Эллендара. Каждому дураку было известно, что ни подделать, ни испортить, ни смыть штамп на библиотечной книге попросту невозможно. Даже если выдрать из книги страницу — не знаю, правда, какой идиот мог проверить это на опыте, — синий оттиск немедленно проявлялся где-нибудь в другом месте. Говорили, кстати, что за «другое место» вполне может сойти лоб адепта, столь нехорошо обошедшегося с книгой. Еще было точно известно, что каждый человек, будь он эльф, гном или кто-то еще, видит знак совершенно по-своему, и потому подделать его ну попросту невозможно. Лично мне там всегда виделся

геральдический зверь вроде льва, обвивающий себя собственным длинным хвостом. Хельги, которому я однажды любопытства ради сунула книгу под нос, заявил, что наблюдает там деву-русалку, причем весьма симпатичную. Был вариант, что каждый видит там то, что его больше интересует; испугавшись, что Полин там явится гордый профиль благородного Ривендейла, я оставила сей сомнительный эксперимент.

Зирак громко захлопнул книгу, резким звуком вернув меня к действительности.

— Ну рассказывай! — велел он, с любопытством глядя на меня снизу вверх.

— О чем?

— Как это — о чем? — возмутился гном. — О том! Про олимпиаду давай!

— Ну-у... — неуверенно сказала я.

Вообще-то рассказывать хоть что-то мне сейчас не хотелось: весь запал, который был, я потратила вчера на Полин. Сейчас хотелось спать, есть и чтобы блямба перестала зудеть, — но спорить с гномом, ожидающим историю, куда опаснее, чем дразнить голодную виверну. Гномы в чем-то схожи с фьордингами: и тех и других не назовешь болтливými, но тем сильнее они любят истории, причем чем история длиннее, тем лучше.

— Ну... пришла я туда. Там ковенцы, много... до мрыса адептов из других школ... Магистр Зирак, а что, магии можно учиться не только в Академии?

— Разумеется, нет! — пожал плечами гном. — А то ты не знаешь!

Я честно помотала головой, и библиотекарь уставился на меня с неподдельным любопытством.

— И откуда такая дикая взялась?.. Ладно уж, просветим тебя, раз выпал случай... В одном Межинграде магических школ с десяток. Разные профили, то да се... Наша Академия, вестимо, лучше всех, потому и денюжка от КОВЕНа идет немалая. Ну и шире... ширше... ширее! — ширее всех по профилю. Боевую магию, кстати, только у нас преподают.

— А некромантию, выходит, не только у нас?

— Вестимо так! — кивнул гном. — Вон есть Высшая Школа Некромантии, так там это вообще разьединственный профильный предмет. Ну и что? Второй Шэнди Дэнн у них все едино нету...

— Это да... — искренне согласилась я, вспомнив некромантку. — Ну в общем, приехала, зарегистрировалась... речь послушала, без этого никак. Потом пришли, зал такой, а посреди торчит стенка. Ой, то есть не стенка, а магическое препятствие второго рода.

— Ох и умный же народ в КОВЕНе сидит... — задумчиво констатировал Зирак, когда я сделала очередную паузу. — Вот что было бы, подсунь они тебе стенку третьего рода? Там бы ведь, поди, от всей резиденции ничего не осталось...

— Э-э... — я чуть замялась, — мы стенки третьего рода еще не проходили.

— Ну и мрыс с ними, просто запомни на будущее.

Я сделала зарубку в памяти и продолжала:

— Там нужно было тварюшек описать, которые за стенкой бегают. Понимаете, магистр Зирак, их там много было — ну всех не опишешь, верно же? Ну в общем, хватаю я тамошнего главного за мантию, спрашиваю: покудова мне зверюшек рисовать? А он так ухмыляется пакостно, смотрит сверху вниз, — я, как могла, изобразила надменный взгляд некроманта, — и в растяжечку говорит: «Берите за пятнадцать, адептка!»

Гном недоверчиво глянул на меня, а потом расхохотался, хлопнув ладонью по столешнице.

— Сколько-сколько? — отсмеявшись, выдавил он. — Пятнадцать? Ну, Яльга, будь ты гномка, сказал бы, что жжешь!

— А-а... а в чем дело?

— А дело, радость моя рыжая, — гном усмехнулся так, что борода у него разъехалась веником, — в том, что самый дипломированный колдун за энту стенку дальше десяти шагов не заглянет. Вот хоть ты тресни, никак! Ты за сколько там видела?

— Ну... — Я задумалась, припоминая вчерашнее. — Там плохо видно было, пыль мела...

— Ну а все-таки?

— Шагов за семьдесят — сто... — Тут до меня дошло, и я пораженно уставилась на гнома. — Но как же так, магистр Зирак? Я...

Гном наставительно поднял палец.

— А вот это интере-эсный вопрос... Как думаешь, тамошний некромант его себе задал?

— Не знаю... Может, он решил, что я пальцы гну? Ну в смысле просто рисуюсь, а?

— Может, — не стал спорить Зирак. — Но вот опосля того, как ты с той стороны тварюшку свою притащила... Я бы на его месте уж точно думать не стал.

Помолчав, гном весомо добавил:

— Вообще.

Я потеряла подбородок, случайно ткнула ногтем в блямбу и ойкнула.

— Интересное ты существо, Яльга... — задумчиво произнес Зирак. — Эльфийка? Нет, не эльфийка. И не полуэльфийка, я полуэльфов видал... Да не бледней ты, мне-то начхать, что ты такое. Книжки вовремя сдаешь, и лады. Чай, я и с гарпией договарюсь... Вот только, будь я не магистр Зирак, а, скажем, Магистр Эллендар... вот тогда бы, сдастся, ни мрыса я бы книжками не ограничился...

Несколько секунд до меня доходило, потом дошло, и я побледнела по-настоящему.

— Вы... вы хотите сказать, что мной интересуется КОВЕН?

— Ежели я чего хочу, я это и говорю, могла бы уже и знать! Да нет, Яльга, ты везучая. Прям слов нет, до чего везучая... Рихтер, он у нас тоже, мягко скажем, необычный, но его-то КОВЕН уже проверял раз на десять. Как до тамошних дошло, что ты его ученица... — Гном хмыкнул, помолчал и скептически добавил: — Правда, странная ученица. Где это видано, чтобы боевых магов — да на некромантию, да на олимпиаду?

— А как же средний хороший результат?! — возмутилась я, сутки назад предъявившая магистрам тот же самый аргумент.

— Мой промах, — признал библиотекарь. — Мог бы и смекнуть, что ты средне ничего делать не умеешь. Да, Яльга, Рихтер-то тебе сказал, что про олимпиаду по профилю ты и мечтать не смей?

— Сказал, — хмуро кивнула я.

— А как объяснил?

— «Дорогая, — с сообразным ехидством процитировала я, — ну нельзя же быть такой эгоисткой — подумай, другим тоже хочется поразвлечься!» Слов нет, до чего понятно, мрыс дерр гаст!

— Хороший у тебя магистр, — ни к селу ни к городу заявил гном. — Без шуток, хороший.

Я фыркнула:

— Ага, главное — простой и понятный!

— Простой и понятный у тебя Ульгрем, — не принял насмешки магистр. — Почти как конструкция табуретки. А этот — умный. В отличие от тебя. — Я набрала было воздуха в грудь, чтобы разразиться возмущенным воплем, но не успела вставить и единого слова, как Зирак продолжил: — Объясняю. Ежели ты, да с твоими способностями, да опосля некромантии, заявишься на боевую магию — вот тут-то тебе, голуба, и настанет большой абзац. Ибо студентка с необычными способностями по прохождению сквозь стены второго порядка — это одно. А вот та же самая студентка, бьющая комара пульсаром на лету, — это уже наводит на мысли. Это уже хочется изучать. Словом, сие уже совсем из другой оперы.

Гном замолчал, недовольно глядя на замершую меня, и сказал как припечатал:

— Печальной.

Я переступила с ноги на ногу. Монолог Зирака ворочался у меня в голове как хтоническое чудовище в пещере, задевая острыми углами о своды черепной коробки. Чтобы окончательно улечься, ему потребовалось минуты две; по истечении же этого срока я тихонько присвистнула и сказала:

— Да.

Зирак ободряюще похлопал меня по плечу.

— Ничего, выкрутимся! — бодро пообещал он. — Ты, главное, покамест сиди, как мышь под веником, и шуршать не вздумай, ясно? Раньше тоже крутые маги были, да и теперь есть. Вон Рихтер ваш, Шэнди, к примеру, Дэнн...

— Как их-то КОВЕН пропустил?

Гном пожал плечами:

— А мрыс его разберет...

Где-то далеко-далеко прозвенел звонок, долго отдаваясь под каменными сводами. Я нахмурилась, вспоминая, что именно стоит у нас первой парой, — а вспомнив, изменилась в лице. Боевая магия, пускай и теоретическая; опаздывать на нее мог только законченный мазохист.

— Магистр-Зирак-можно-я-пойду? — на одном дыхании выпалила я, сразу же перемещаясь в сторону выхода.

Гном молча щелкнул пальцами, и услужливая элементарь распахнула передо мной дверь.

Я вихрем пронеслась по коридору, местами просто скользя на гладких мраморных полах. На поворотах меня слегка заносило, и приходилось хвататься за стены. Вот уже лестница, вот ступеньки... я мухой взлетела наверх, подбежала к нужному кабинету и, быстро постучавшись, засунула голову внутрь:

— Магистр Рихтер, я... — и осеклась на полуслове.

Никакого магистра Рихтера в кабинете не было. На его месте стояла подозрительно знакомая мне девица, имени которой я, увы, с ходу припомнить не могла. Среднего роста, светловолосая, коротко стриженная, с загорелым лицом, изумительно смотрящимся на фоне стильной лыкоморской зимы. Очевидно, мгновенно подумалось мне, сия блондинка, как и положено блондинкам, неплохо знакома с косметическими заклинаниями.

Но что, мрыс дерр гаст, она у нас делает?!

Девица обернулась ко мне, обеими руками сжимая столешницу.

— Адептка... — она кашлянула, — как ваше имя?

— Ясица, — ничего не понимая, сказала я. — Яльга Ясица.

— Ах, Яльга Ясица! — Девица улыбнулась, но сделала это как-то не до конца, точно кожа на лице у нее была деревянная. — Да-да, я помню, мне приходилось о вас слышать... Ну что же, адептка Ясица, можете занять свое место.

Я не преминула воспользоваться советом и села, повесив сумку на крючок. Народ сидел тихо, но недоумения на лицах не было: похоже, не без зависти подумала я, им уже успели все объяснить.

— Кгхм, — сказала девица. — Ну что же, повторим для адептки Ясицы. Меня зовут Матильда ле Бреттэн, я аспирантка кафедры боевой магии. И я буду вести у вас уроки бээм в течение ближайшего месяца.

— Уроки чего? — тихонько переспросила я.

— Боевой магии, — шепотом перевел Келефин. — Это так сокращается.

— А Рихтер где?

Наверное, последний вопрос я задала довольно громко, потому что Матильда сжала стол еще крепче и ответила:

— Коллега Рихтер уехал в командировку по срочному распоряжению КОВЕНа. Вероятнее всего, он вернется к концу зимы. Еще вопросы есть?

Я помотала головой, чтобы не пугать юное дарование. Что-то подсказывало мне, что стол она сжимает не от пламенной страсти к мебели, а просто из страха перед многочисленными и таинственными нами. Подумав, я рассудила, что лет через шесть вполне могу оказаться на ее месте, так что следует вести себя осторожно — почти как на уроках Буковца.

Жалко, конечно. С Рихтером было бы куда интереснее... да, кстати, а что это за командировка?

— В таком случае давайте начнем новую тему. — Блондинка ле Бреттэн сглотнула и махнула рукой в сторону доски. На ней тут же высветилось нечеткими белыми буквами: «Защита от баньши. Теории и методы».

— Раскройте ваши тетради и запишите тему.

Я раскрыла и записала, отметив, что сделала бы это безо всякой инструкции. Аспирантка подумала и села, перестав маячить у доски.

— Кто расскажет мне, что такое баньши?

— Ну... — с места сказал Куругорм (как все эльфы, он с трудом мог осмыслить, для чего поднимают руку), — это фэйри Неблагого Двора, пришли к нам с запада. Атакуют криком и плачем. Вообще-то находятся в родстве с баньши, фэйри Благого Двора, покровительницами того или иного рода. Те никого не атакуют, они просто оплакивают гибель членов семьи. Выглядят по-разному, но обычно это бледная женщина с растрепанными рыжими волосами. — Взгляд эльфа скользнул в мою сторону. — Да, с волосами... и еще в зеленом платье.

— Замечательно, адепт аунд Дарру! — робко просияла аспирантка. — Вы заслуживаете отличной отметки. Где тут у нас журнал?..

Обалдевший Куругорм молча смотрел, как девица обмакивает перо в чернила.

— Вы мне что, пятерку ставите? — не выдержал он, когда Матильда поднесла перо к бумаге. — Что, правда?

Она недоуменно подняла на эльфа глаза:

— Ну разумеется... Вы же ведь ответили на вопрос!

— Да-да, — помотал головой смекнувший свою выгоду эльф. Глаза его радостно блеснули. — Ну конечно же!

Матильда пожала плечами и вывела в журнале аккуратную — отсюда видать — оценку.

— А теперь берите в руки перья и записывайте, что я стану вам говорить, — заявила она, откладывая перо и берясь за конспект. — Итак, баньши. Подчеркните волнистой линией и поставьте значок абзаца. Баньши, как род нежити, известен в Лыкоморье последние триста лет. За это время статистический отдел Ордена КОВЕНА насчитал шестьсот восемьдесят семь случаев нападения баньши на человека, из которых триста семьдесят шесть были летальными. Наибольших пиков активность баньши достигала в три тысячи шестьсот восемьдесят девятом и три тысячи семьсот девяносто четвертом годах...

Я молча скрипела пером, с каждым мигом все больше не понимая, какое отношение это все имеет к боевой магии. Но меня, разумеется, никто не спрашивал. Можно было, конечно, не конспектировать всю эту мрысь, но я сидела на первой парте, взгляд Матильды то и дело скользил по мне, а совесть стучала в душу зазубренным когтем и напоминала о моем недалеком будущем. Вот ты бы, Яльга, обрадовалась, если бы тебе пришлось мрыс знает сколько работать над конспектами, а твои студенты не сочли нужным все это записать?.. Так что пишите, студентка, пишите, солнце еще не вылезло из-за горизонта.

Мрыс, но куда все-таки уехал Рихтер? Интересно же...

— Ты что, не знаешь? — изумился Хельги, когда я, разминая уставшую от письма руку, задала ему на перемене этот вопрос. — Правда не знаешь?

— Да. То есть нет... То есть не знаю, мрыс дерр гаст!

Вампир многозначительно прищурился:

— Ну да, конечно. Женщины редко интересуются политикой...

Я хмуро прищурилась в ответ:

— Ты случайно зубы Ривендейловой щеткой не чистил?

— В смысле? — не понял Хельги.

— В смысле шовинизмом заразился! При чем здесь политика, мрыс эт веллер келленгарм?

Адепт таинственно огляделся и наклонился к моему уху.

— Рихтер уехал на войну, — доверительно поведал он. — В Западные Земли. Только

это тайна, про нее нам не говорили.

— Хватит врать! — не поверила я. — Какие там войны? В тамошних графствах два рыцаря не поместятся, чего уж о войске думать!

— Чистая правда, Яльга, — подтвердил подошедший Келлайн. — В какой-то из тамошних марок есть такой маркграф Эккехард. Говорят, он раньше был раубриттером...² ну типа богатого ограбит — бедному отдаст. А он тоже бедный, так что можно другого бедного не искать — такая вот экономика. И вообще, от большого немножко — это не грабеж, а дележка.

Я фыркнула:

— Весело живут в Западных Землях!

— Да уж куда веселее!.. — хмыкнул эльф. — Кстати, ты в курсе, что Рихтер тоже оттуда?

— Ну тогда понятно, откуда у него такой специфический юмор...

— Ну в общем, да. Так ты слушай дальше! У этого Эккехарда дело было поставлено хорошо. И замок укрепленный, и дружина верная... ну короче, все как надо, все по-хорошему. И тут он — то ли его по голове дубинкой треснули, то ли сам с похмелья приложился, — в общем, захотелось ему Западные Земли объединить.

— И объединил? — настороженно уточнила я.

Келлайн пожал плечами:

— Объединяет... Уже восемь графств завоевал и одно герцогство. Вчера, говорят, принял титул герцога фон Эйджле. Только у Западных Земель с нами общая граница, а КОВЕНу эта глобализация как-то не по душе. Ну и сообразно где-то там движется наше войско, для пущего устрашения укомплектованное двумя магистрами...

— Бедный Эккехард, — фыркнул Хельги.

— А кто второй магистр?

— Фехтовальщик, — коротко объяснил Келлайн.

Жизнь потекла дальше, как это ей и полагается. Я бегала на лекции, посещала практикумы и мазала свежевывлезшую мерзость декоктами Полин. Последнее приводило соседку в тщательно скрываемый восторг: основной проблемой начинающих алхимиков было полное отсутствие тех, кто согласился бы испытывать на себе все приготовленные зелья. А без этого как же двигать науку вперед?

Словом, все шло почти как обычно. Именно что — почти.

Госпожа ле Бреттэн, вероятно, знала боевую магию — иначе кто бы принял ее в аспирантуру? Госпожа ле Бреттэн, вероятно, видела в жизни хотя бы одну баньши и, скорее всего, встреча с нашей магичкой оказалась для баньши роковой. Госпожа ле Бреттэн, в конце концов, была всего лишь начинающим преподавателем, и не следовало требовать от нее большего, нежели она могла дать. Тем паче не следовало сравнивать ее с Рихтером — хотя бы из тех соображений, что и я лет через шесть, если повезет, начну преподавать первокурсникам основы любимого предмета. Каково будет мне, если это меня начнут сравнивать излишне придирчивые адепты?

Боги свидетели, я изо всех сил старалась быть беспристрастной. Но моим силам, даже помноженным на благие помыслы, был свой предел; уже на втором занятии я начала грызть ногти, мечтая лишь о том, чтобы гном-завхоз побыстрее дал звонок.

Ибо больше всего на свете, надо полагать, Матильда боялась того, что ей станут задавать вопросы. То ли от страха, то ли от чрезмерного усилия она взяла невероятный темп; он был бы, наверное, полезен, если бы речь шла о практике, но пока что дело ограничивалось исключительно теорией. Мы брались за перья со звоном, со звоном же их и откладывали. Имена, даты, определения, статистика... я честно пыталась запомнить хоть что-то из всего

² Раубриттер — рыцарь-разбойник, промышляющий на большой дороге. От обычного разбойника его отличает исключительно благородное происхождение (впрочем, мало влияющее на поступки раубриттера).

этого, но память отчаянно сопротивлялась такому насилию. Я не видела во всем этом ни малейшего смысла — а для меня не было худшего наказания, чем изо дня в день заниматься однообразной работой, в которой я ровным счетом ничего не понимаю и которая не может иметь никакого осмысленного итога. Глупее было бы, наверное, только таскать воду ведерком из одной проруби во вторую. Как правило, к середине урока я начинала раскачиваться на стуле, чтобы хоть как-то разнообразить бесконечную лекцию.

Но было и еще кое-что — это «кое-что» мгновенно уловили наши сообразительные эльфы, в первую очередь Келлайн. Чтобы получить пятерку у Рихтера, ты должен был выполнить сложное задание. Чтобы получить пятерку у Матильды, достаточно было поднять руку и ответить на самый простой вопрос. Что такое магическое поле? Как оно создается? Каков принцип действия защитного заклинания класса «А»? Нет-нет, адепт Ульгрем, про класс «Б» не надо — это гораздо сложнее, это мы станем проходить много позже...

Ровные строчки пятерок все росли и росли. Народ спешил заработать хорошие оценки про запас, пока Эгмонт не вернулся с Запада. Оценок не было напротив только двух фамилий. Моей и герцога Ривендейла.

Получать оценки на халяву мне не позволяла профессиональная честь. Быть может, сказано громко, но, клянусь бабкиным браслетом, от мысли встать, сказать два слова, сесть и получить «отлично» меня воротило с души. Такая вот уродилась, теперь уж ничего не поделаешь. А вот какими принципами руководствовался благородный Ривендейл, — про это знал только он один. На каждое новое занятие вампир приходил все мрачнее и мрачнее, но конспектировал все до последней буквы. Теперь мы сидели практически рядом. Я тоже предпочла уступить первую парту Келефину с Куругормом: отчасти из желания не попадаться лишний раз на глаза госпоже ле Бреттэн, отчасти для того, чтобы злиться в свое удовольствие. Как заметил ехидный Хельги, в группе наметилась оппозиция; оккупировав две задние парты, она мрачно смотрела на аспирантку, тоскливо косилась за окно и попеременно вздыхая, конспектировала бесконечные лекции. Впрочем, среди оппозиционных лидеров отсутствовало единство. За неделю Матильдиного владычества мы не перемолвились с Генри и десятью словами. Как же, благородный герцог Ривендейл!

Впрочем, от этого мне было ни холодно ни жарко.

В конце недели, после лекции по некромантии, ко мне подошли братья аунд Лиррен. Яглянула на их таинственные физиономии и немедленно заподозрила каверзу. После Матильдиных диктантов пакость любого масштаба показалась бы мне глотком воздуха, так что я обрадовалась, хотя и не подала виду.

— Яльга, дело есть, — шепнул предполагаемый Эллинг, подхватывая меня под руку и вежливо отводя к окну.

Предполагаемый Яллинг шел рядом, засунув руки в карманы, с независимым видом насвистывал сложную эльфийскую мелодию и зорко следил, нет ли на горизонте какого опасного магистра.

Я оценила такую предусмотрительность. Даром что Рихтер, самый из всех опасный, в настоящий момент мог пугать разве что герцога-раубриттера, кроме него в Академии имелись и Эльвира Ламмерлэйк, и Белая Дама, и директор Буковец, специалист по части нотаций. Кроме того, имелся еще и Марцелл, а у него после Савайна выработалось твердое убеждение, что студентам больше трех лучше не собираться. А уж адептке Ясице и вовсе предпочтительнее гулять в одиночестве.

Так что я подышала на стекло, нарисовала пальцем простенькую завитушку и уточнила, чувствуя себя героиней шпионского романа:

— Что за дело?

Яллинг фыркнул и подрисовал ногтем к завитушке четыре конечности, крылья и веселый хвост каралькой.

— По крыше погулять хочешь? — быстро спросил он, добавляя на картинку уши, нос и пару круглых глаз.

Я задумалась.

С одной стороны, крыша Академии — это вам не рихтеровская лаборатория, никаких особенных легенд с ней никто не связывал. Ну крыша и крыша; чего там может быть интересного, кроме черепицы, пары кривых труб совершенно неясного назначения и — это вряд ли, но все может быть — отправной точки ковенского телепорта? С другой же стороны, выход на крышу студентам был строго запрещен, и мне еще не доводилось слышать, чтобы кого-нибудь наказывали за нарушение запрета. Методы формальной логики подсказывают: значит, никто из адептов на крышу и не выходил. Интересно сходить туда, где до тебя были только братья аунд Лиррен! Кроме того, с крыши наверняка откроется прекрасный вид... Я представила, как иду по темной черепице, а она погромыхивает у меня под ногами (насчет погромыхивания писали в книжках, у меня соответственного опыта пока еще не было), в лицо мне дует свежий ветер, а внизу расстилается стольный Межинград, и решительно произнесла:

— Конечно, хочу! Где, когда и с кем?

— Короче... — Эллинг прислонился к стене с обманчиво расслабленным видом. На деле именно в этой позе эльф достигал максимального угла обзора, при этом не бросаясь в глаза многочисленным зрителям. — Дело обстоит так. Мы с Ялле нашли ход на чердак. Рабочий. Не тот, который для магистров, а тот, который для гнома-завхоза, на всякий пожарный. Крышу там подлатать, если сильно протекать начнет, ну и прочее в том же духе. Только, понимаешь... это ведь не дверь, а так, залаз, потому элементарно там нету. И договариваться не с кем...

— Подожди, а домового там что, нет?

Эльф досадливо поморщился.

— Есть чердачник, с ним-то договоримся! Но он залаз не откроет, он только к магистрам не побежит. Там на люке заклинание, и чердачник его снять не может. Своими силами придется ломать... Мы там прикинули — оно в принципе взламываемое. Но вдвоем никак не управиться, третий нужен. Пойдешь?

Рихтера в школе не было, зато оставалась Белая Дама... Я мотнула головой, прогоняя видение экзекуции в кабинете некромантии — помимо магистра Дэнн в видении фигурировали несколько зомби, пара упырей и какая-то тень с горящими глазами, прячущаяся в самом темном углу, — облизнула губы и сказала:

— Пойду!

Яллинг просиял и хлопнул меня по плечу.

— Я в тебе никогда не сомневался! — гордо поведал он. — Значит, так, теперь детали! Собираемся этой ночью, на углу между кабинетом бестиологии и этим, как его... декоративным гротом! Ну знаешь, это тот, в котором три пальмы...

— На втором этаже?

— Нет, на третьем. Ну там еще коридор буквой «Г», если дальше пройти, будет библиотека.

Я сосредоточенно кивнула. Значит, имелся в виду другой бестиологический кабинет не тот, из которого мы с Хельги сперли чучело мгымбра. И этот кабинет, и грот с пальмами находились на достаточном расстоянии от библиотеки, так что, если действовать аккуратно, можно было даже избежать чрезмерного внимания Зирака. Риск, правда, все-таки оставался — ну так а когда его не было? Жить, знаете ли, тоже опасно — от этого умирают.

— Амулеты брать? — деловито спросила я, переводя взгляд с одного близнеца на другого. — И ночью — это во сколько? В одиннадцать, в полночь?

— Э-э, да это разве ночь! — рассмеялся Эллинг. — В полночь самая работа, особенно... — Он пугливо обернулся и закончил шепотом: — Для некромантов. Ты же ведь не хочешь, чтобы нас...

— Не хочу, — быстро отперлась я, ибо магистр Дэнн в гневе был воистину страшна. То есть я этого не видела, но имелись все основания предполагать именно так.

— Следовательно, — подвел итог Яллинг, — собираемся полтретьего. Ровно полтретьего на углу. Амулеты брать не надо — наоборот, посмотри, чтобы на тебе было

поменьше эмалирующего. А то нас засекут еще на подлете. И ради всего святого, Яльга, измени своей привычке и не вздумай подходить со стороны библиотеки!

— Что-то ты сегодня слишком возбужденная, — критически заметила Полин, когда за окном начало темнеть.

Я пожалала плечами. Алхимичка уже сделала все задание, подготовилась к завтрашнему практикуму, дочитала три главы в одолженном подружкой романе и теперь желала общения.

— Я не возбужденная. Я обыкновенная. И вообще, я спать хочу, утром не выспалась.

— Все спать хотят! Все не выспались! — В подтверждение своих слов Полин зевнула, изящно прикрыв ротик ладонью, и воззрилась на меня возмутительно бодрыми глазами. — Расскажи лучше, чего там у вас новенького? Как там Генри?

— Не поняла, — обреченно сказала я, хотя все было проще пареной репы. — А я откуда знаю, что там с Ривендейлом?

— Нет, это я не поняла! — Полин подпрыгнула на кровати и уставила в меня грозный взгляд. — Как это ты не можешь знать, что у вас с Ривендейлом?!

Я философски пожалала плечами, и алхимичка немедленно выдала длинную речь. Страстно, пламенно и ярко она доказывала, что лучше герцога Ривендейла в Академии человека — ой, то есть вампира! — нет, что позор, позор неразумной мне, которой выпало счастье учиться с блистательным герцогом не только на одном факультете, в одной группе, и которая не делает из этого никаких далекоидущих выводов, и что, будь на моем месте она, Полин, дело пошло бы иначе. Между строк, однако, читалось — оно и к лучшему, что выводов я не делаю. Больше шансов у девушек разумных.

Подобные монологи мне доводилось слышать как минимум раз в месяц: благородный Ривендейл, с его орлиным профилем, огненным взглядом и фамильной шпагой, был объектом мечтаний всех студенток Академии от первого до пятого курса включительно. Сделаться наследной герцогиней Ривендейл мечтала практически каждая. Что же до меня — я твердо знала, что в герцогини меня не возьмут, да и Генри мне... ну сказать «не нравился» означало бы соврать. Нравиться-то он мне нравился, но отвлеченно, эстетически. Смотришь на него и радуешься. Ну и что с того?

Элементаль деловито сопела в двери. Ей уже были выданы соответствующие инструкции касаясь моего ночного пробуждения. Проспать я не боялась: на флуктуацию всегда можно было положиться.

Полин по-прежнему вещала в автономном режиме. Я кивнула, сказала «да-да!» и задумалась, соображая, все ли подготовила к ночной вылазке. Так-с. Из магических предметов на мне только бабкин браслет — да и тот, ежели по-честному, к магии отношения не имеет. Мнемо-амулет в ящичке стола, под надежными чарами. Рихтеровский накопитель там же. Что еще?

Тут до меня дошло, что в комнате стало подозрительно тихо, и я посмотрела на Полин. Алхимичка, закипая, сидела на своей постели и сверлила меня ласковым змеиным взглядом.

— Да-да, — быстро сказала я, поняв, что что-то пропустила. — Я абсолютно согласна!

Соседка нехорошо прищурилась.

— С чем ты согласна? — язвительно поинтересовалась она. — Ты меня что, не слушала?

Я поспешно изобразила на лице положенное раскаяние.

Элементаль разбудила меня ровно в два часа.

— Хозяйка, на дело пора! — трагическим шепотом сообщила она мне в ухо.

— Да-да, — по привычке откликнулась я. — Сейчас встаю!

После чего спокойно развернулась к стене и вырубилась обратно.

Но элементаль оказалась настойчива.

— Хозяйка, без тебя ведь сходят! — зловеще предупредила она, материализуясь между мной и стенкой. — Эти эльфы, они ж ведь такие!

— Такие-сякие... — покладисто согласилась я, не разлепляя глаз. И тут до меня дошло; рывком сев на кровати, я сбросила одеяло и потянулась за штанами. — Е-мое, опоздаю ведь!

— Не опоздаешь, — успокоила элементарь. — Времени еще навалом...

Ощупью натянув штаны и рубашку, я наконец смогла разлепить глаза. В комнате было очень темно, только в окне бледно светилось голубым острие Солнечного шпиля. Полин сопела в обе дырки, даже не подозревая о том, какие злобные замыслы я лелею.

Я плеснула в ладони холодной воды и протерла глаза. Наскоро причесала волосы, закрепила их на затылке гномьей заколкой, подаренной Полин на Новый год. Еще раз ощупала себя в поисках амулетов, но все было чисто. Можно выходить.

— Удачи, хозяйка! — шепнула элементарь, без скрипа распахивая передо мной дверь.

У моих сапог, в общем-то довольно старых, был один несомненный плюс: я шагала в них совершенно бесшумно, даже тише, чем в расхваленных эльфийских. В коридорах было довольно темно; держась в тени у стенки, я быстро пробежала к лестнице. На площадке между вторым и третьим этажами стоял огромный фикус в каменном вазоне — сейчас он цвел странными розовыми цветами, чуть светившимися в темноте. Мне вдруг послышались чьи-то шаги, подозрительно похожие на гномские, и я спешно юркнула за вазон. Места там было мало, и я постаралась свернуться как можно компактнее. Умный фикус выбрасывал цветущие побеги в коридор, так что в моем углу было довольно темно, — но все же я даже в свернувшемся состоянии была немножко больше вазона. Внимательный зритель быстро бы меня обнаружил, и я вознесла к небесам пламенную молитву.

Вазон закрывал мне почти все поле зрения, да я и не рисковала высовывать голову из-за его прикрытия. Но через некоторое время я ясно услышала неспешные приближающиеся шаги, а вскоре на каменную площадку упал круг света. Любопытство взяло во мне верх над осторожностью: постаравшись не шевельнуть на фикусе ни листочка, я приподняла голову и отчетливо увидела, как к лестнице подходит магистр Фенгиаруленгеддир. В руке у гнома покачивался фонарь, в котором горела не свеча, но малый световой пульсар.

Тут шаги вдруг стихли, и я в панике вжалась спиной в холодный угол. Гном стоял в нескольких шагах от вазона, поглаживая свободной рукой ближний к нему цветок. Фонарь чуть покачивался, круг света плавал по площадке туда-сюда, каждую секунду рискуя осветить меня во всей красе. Магистр получал эстетическое наслаждение, фикус, надо думать, гордился цветком, а я молча обливалась потом. Вдобавок ко всему меня неожиданно пробило на слегка истерическое хихиканье: я представила, как солидный гном разворачивается и замечает меня — лучшую адептку факультета боевой магии, тщетно пытающуюся замаскироваться под гамадриаду. Слава богам, хотя пульсар в фонаре был малый!

Секунды плелись нога за ногу, как адепты к директору на разнос. Наконец гном удовлетворенно хмыкнул, отпустил цветок и зашагал вниз по ступеням. Я дождалась, пока шаги его не стихнут, и кое-как выбралась из-за вазона. Спина изрядно ныла: ей определенно не нравилось закручиваться в такие непонятные позы.

Времени уже было много, наверное, около тридцати пяти минут третьего. Так что я прибавила ходу и вскоре уже стояла возле грота. Три гордые пальмы кивали махровыми головами, у их корней тихонько журчал невидимый фонтанчик. Близнецов не было; я присела на бортик грота, опустила палец в фонтан и принялась ждать, потихоньку зверея. Как это я, интересно, смогла поверить, что эльфы — эльфы! — придут вовремя?!

Прошло, наверное, минуты три, когда я заподозрила ужасное. А вдруг братья, не дождавшись меня, отправились брать чердак своими силами? Я задохнулась от несправедливости подобного исхода, но тут со стороны лестницы послышались легкие шаги, и передо мной предстали оба эльфа. Физиономии у них были виноватые.

— Извини, мы немного запоздали! — просигнализировал мне правый.

— Ты Яллинг или Эллинг? — прямо спросила я, смерив его хмурым взглядом.

— Эллинг... — шепнул он. Кажется, сейчас эльф не врал; я присмотрелась повнимательнее и постаралась запомнить, чем именно этот близнец отличается от второго.

— Ладно, будешь за Эллинга. Пошли?

Эльфы кивнули вразнобой, и я встала с бортика.

Мы прошли по коридору, завернули за угол, и братья, переглянувшись, остановились возле неприметной, темной двери. На ней не было никакой таблички; судя по всему, дверь вела в хозяйственный чуланчик, где гном-завхоз хранил тряпки, ведра, швабры и прочий инвентарь.

— Здесь? — удивленно спросила я, ибо магией от двери не пахло.

— Здесь! — решительно ответил Эллинг, а Яллинг добавил:

— Если ее просто открыть, будет такая каморка. А вот если открыть непросто, тогда будет ход на чердак. Мы уже открывали, смотрели.

— А почему тогда не слазили?..

Эльф возвел очи горе:

— Да потому, что вдвоем туда и не пролезешь! Тут чары сложные один маг должен удерживать вход, другой — выход, а третий — следить, чтобы лаз не схлопнулся. Зачем мы тебя, по-твоему, позвали?

— Понятно, — бодро сказала я. — Значит, моя задача...

— Твоя задача — держать нашу дырку, чтобы она дыркой и оставалась! — Тут эльф вздрогнул и уставился на меня с нехорошим подозрением в глазах. — Пстой-ка, а вас этому учили?

— Учили, учили, — непринужденно соврала я. Никто нас этому не учил. Но не будешь же разочаровывать коллегу на пороге приключения! В конце концов, телепорты нас делать учили, преграды преодолевать учили — и хорошо учили, вон магистр-некромант на олимпиаде как высоко оценил! — а едва ли этот проход построен принципиально иначе. Разберемся!

Надеюсь, что разберемся...

— Ладно... — протянул эльф; кажется, он пытался вспомнить, учил ли он это сам на первом курсе. Судя по недоверчивой физиономии, ничего похожего не вспоминалось, и тогда я сказала:

— Слушай, может, ты лекцию прогулял?

Яллинг просиял:

— Слушай, наверное!.. Вот дурак был, нашел что прогуливать — лучше бы лишнюю пару по истории пропустил... Тогда начинаем?

— Начинаем! — согласился Эллинг, я же ограничилась простым кивком.

Эльфы поддернули рукава и одинаковым жестом вскинули руки. Яллинг что-то забормотал на родном языке; вокруг пальцев его начинало разгораться оранжевое сияние, и сейчас он больше всего напоминал какого-нибудь пророка, вышедшего на прямую связь с небесами. Я хихикнула, эльф грозно зыркнул в мою сторону, и тут сияние вспыхнуло ярче молнии, озарив весь коридор до последнего поворота. Сдается мне, и до библиотеки дошло: а Зирак не Зирак, если не вылезет посмотреть!

Очевидно, мы поняли это одновременно. Близнецы забормотали в десять раз быстрее, сияние трансформировалось и приняло форму этакой отмычки, Яллинг начал копать ею в замке, то и дело оглядываясь на коридор. Но пока было тихо.

Наконец в замке что-то щелкнуло, и «отмычка» исчезла. В тот же миг я снова въяве увидела *нити* — точно такие же, как на том практикуме у Рихтера, когда мы отрабатывали зеркальный метод. Разве что узор был другим, куда более сложным и вдобавок подвижным: узлы уже начинали соскальзывать — и орнамент грозил исчезнуть. Поняв, что это означает, я подхватила его на пальцы и торопливо заговорила, стараясь удержать все на месте. Кажется, получилось: в стене вдруг распахнулся круглый проем, и Эллинг, не теряя времени, прыгнул туда, в телепорт, еще не обретший точки выхода. Я успела только ахнуть, но в следующую секунду чернота небытия уступила место ночной темноте, и я увидела, что эльф в напряженной позе стоит на крыше, удерживая тот конец пространственного туннеля.

— Ялле, сюда! — позвал он сквозь зубы.

Яллинг не заставил себя долго ждать. Он легко перемахнул через бортик телепорта и перехватил у меня заклинание туннеля.

— Яльга, твоя очередь! Только быстро!

Я занесла ногу над бортиком, и тут что-то дернуло меня обернуться назад. Там, сзади, журчал фонтанчик, шелестели пальмы и — если я не ослышалась — очень торопился какой-то гном, все-таки засекший нарушителей.

— Яльга! — взвыли близнецы, и я прыгнула на крышу.

Яллинг тут же отпустил заклинание, Эллинг тоже разжал пальцы, и телепорт моментально схлопнулся вовнутрь. Теперь перед нами была глухая каменная стена. Эллинг любовно похлопал по ней ладонью и развернулся ко мне.

— Извини, что не по-рыцарски вышло, — развел руками он. — Просто последним должен идти тот, кто проход удерживает. Я бы и сам рад, так ведь не получится! Он же тебя не видел?

Я мотнула головой. Обид на братьев я точно не держала, к тому же гном, кажется, и правда меня не заметил.

— Вот и славно! — просиял Эллинг и пошел вперед, с эльфийской легкостью переступая по засыпанной снегом черепице.

Я поежилась, вспомнила о плаще, тут же забыла о нем и огляделась, желая увидеть и запомнить как можно больше.

Мы находились на крыше учебного корпуса; за спиной у меня торчала какая-то пристройка, сильно смахивающая на гипертрофированную трубу, обложенную кирпичом. По правую руку, на севере, возвышалась Некромантическая башня, по левую, на юге, — башня Астрономическая. Солнечный шпиль, в порядке исключения, не светился, по нему только изредка пробегали цветные всполохи.

А прямо, шагах в десяти, там, где крыша заканчивалась, окаймленная невысоким бордюром, — там, за каменной стеной, раскинулся стольный город Межинград, пускай и скрытый мглой, но все едино прекрасный. Братья аунд Лиррен замерли у самого бордюра, созерцая эту поистине величественную картину. Я подошла к ним и встала рядом, очарованно глядя на спящий город.

Вот так, с высоты крыши, было прекрасно видно, за что платят деньги царским зодчим. Город вдруг предстал передо мной цельным образом, единой картинкой, не дробясь на многочисленные впечатления от улиц, проспектов, лавок и многочисленных монументов. И впечатление было... впечатляющее, иначе не скажешь. Наверное, эльфы строят гораздо изящнее. Наверное, у гномов все на порядок рациональнее и удобнее. Но... но я видела замерзшую реку, делавшую в этом месте широкий поворот, видела нарядный царский дворец с его пряничными башенками и узорчатыми крышами, видела старинную крепостную стену, огибавшую город, и видела Старый мост, соединявший два берега ныне высохшего русла. И все это было красиво. Все это было потрясающе красиво.

Почему магистры не пускают нас сюда? Ведь отсюда же открывается превосходный вид...

Я простояла так довольно долго, а потом отвернулась, чтобы получше рассмотреть Солнечный шпиль. Но в тот же момент кто-то из эльфов сдавленно охнул; я обернулась и увидела, как картинка стремительно изменяется. Город приближался к нам, как будто я рассматривала его через подзорную трубу, одновременно подкручивая линзы на увеличение. Это происходило так быстро, что мне даже показалось, что я падаю с крыши, и я взмахнула руками, удерживая равновесие. Кажется, я заехала кому-то из близнецов, но от них не раздалось ни звука.

Изменилось не только расстояние. Ночная темнота сменилась каким-то розово-багровым полумраком; я поискала на небе солнце, но не нашла даже яркого пятна, светящегося из-за облаков. Казалось, что само небо излучает этот странный и ровный свет, едва-едва озарявший улицы спящего города.

— Это что, затмение? — хриловато пробормотал Эллинг.

Я молча пожала плечами.

— Смотрите! — Яллинг махнул рукой на расстилающийся внизу Межинград.

Теперь он находился совсем близко: так, будто мы смотрели во двор с третьего или четвертого этажа Астрономической башни. Внизу лежала улочка, мощенная булыжным камнем; снега на ней не было, зато между камней пробивалась трава. Было очень тихо, багровый мрак сгущался — и в какой-то момент из-за угла дома выскользнула огромная серая тень.

Это был волк — если, конечно, на свете бывают такие волки. От носа до хвоста в нем было, наверное, метров пять, а подними он голову — кончики ушей достали бы до подоконников второго этажа. Волк шел, опустив морду к самой земле, будто вынюхивал след; я посмотрела на спину, казавшуюся характерно горбатой, на неподвижный хвост и вздыбленную на загривке шерсть и поняла, что уже не могу отвести взгляда.

Не было слышно ни звука: ни человеческого голоса, ни конского топота, ни грохота колес по булыжной мостовой. Молчали вдали колокола, и птицы тоже молчали. В этой невероятной тишине я отчетливо слышала мягкие волчьи шаги, и в голове у меня неотвязно вертелся короткий отрывок:

Сидела старуха
в Железном Лесу
и породила
Фенрира род;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца...

Боги знают сколько времени мы простояли там, на краю крыши. То ли волк шел так медленно, а то ли просто мы потеряли счет минутам, — но оцепенение владело мной до тех пор, пока волк не начал медленно, точно в дурном сне, поднимать голову. Я знаю, собаки и волки не умеют этого делать. Но все же это был не волк, а Волк, и ему виднее, что он умел, а что — нет. Ну а на то, чтобы добраться до нашей крыши, ему хватило бы и одного прыжка. Не сговариваясь, мы кинулись обратно к стене. Не помню, как именно мы строили обратный телепорт, наверное очень быстро. В жизни мне не приходилось так бояться: рядом с Фенриром бледнели и Кон Аннон, и виверна, и даже магистр Рихтер в очень плохом настроении. Я опомнилась, только когда за нашими спинами сомкнулась стена и от Волка с его клыками и черными чарами нас отделяло бесконечное пространство пятого измерения. Да и то, признаться, было жутко.

Я прислонилась спиной к двери и попыталась расслабиться. Выходило весьма посредственно: стыдно сказать, меня била дрожь, и перед глазами по-прежнему стояла серая тень, скользящая мимо безмолвных домов. Чего в нем было такого ужасного? Не знаю. Уж наверняка не размер.

Эльфы, как я могла слышать, стояли рядом, опираясь на ту же самую несчастную дверь. Дышали они очень быстро и тяжело, и я поняла, что и им не приходилось прежде колдовать так сильно и так быстро.

— Эллинг, Яльга... — хриловато позвал один. — Это что вообще было?!

Но ответить мы не успели.

— Это? — добродушно переспросил кто-то до боли родным голосом магистра Фенгиаруленгеддира. — Это, адепт Лиррен, было прямое нарушение правил. Черным по белому писано: на крышу ход закрыт!

— Магистр?! — слитным хором выдохнули мы.

Никогда в жизни мне не случалось так радоваться тому, что рядом находится преподаватель. Обычно происходило наоборот: в присутствии наставников я напрягалась, закономерно предчувствуя, что за что-нибудь мне да влетит. Но сейчас я с трудом сумела подавить в себе желание вцепиться в гнома обеими руками. Магистр был магистр: он знал и

умел куда больше, нежели три студента-младшекурсника, из которых одна — девица.

— К-какая крыша? — по привычке начал отпираться один из близнецов. Голос у эльфа звучал довольно неестественно. — Ник-какой крыши мы не знаем, мы т-тут... э-э... общую м-м-магию отрабатываем...

Отговорка, конечно, не стоила и ломаной монеты, но меня сейчас не хватило бы и на меньшее. Все мои силы уходили на то, чтобы худо-бедно стоять на ногах, не дрожать крупной дрожью и не вцепиться в гнома с воплем: «А-а, КОВЕН обещал нам защиту!»

И Фенгиаруленгеддир, кажется, это понял.

— Ну и куда вас прикажете девать? — осведомился он. — К директору? Так директор еще спит, ему и без вас все нервы вымотают... К Рихтеру? Так тащить далековато придется... К коллеге Дэнн? Так вы ж ведь не с ее факультета...

— Магистр, куда угодно, — безразлично разрешил второй близнец. — Хоть к конунгу Валери.

Гном фыркнул.

— Рожамы вы не вышли, к конунгу-то! — поведаль он, решительно отлепляя меня от стены. Я вспомнила, что учусь на боевом факультете, и встала вертикально, дабы не посрамить профессиональной чести. — Значица, так, братцы-кролики! А тако же сестрицы-лисицы. Завтра после лекций заворачивайте ко мне, скажу, где отрабатывать будете. А теперь марш по комнатам! Благородные эльфы проводят даму?

— Ага... — не слитным хором откликнулись Перворожденные.

Близнецы пришли в себя, когда мы проходили мимо площадки с фикусом.

— Слушайте, но что *это* все-таки было? — Эллинг остановился возле вазона и принялся машинально поглаживать чуть светящийся в темноте цветок. Глаза эльфа сверкали от испуга и любопытства.

Яллинг пожал плечами.

— Видение, не иначе, — уверенно сказал он. — Яльга, ты *его* тоже видела?

— Его — в смысле Волка? — Я вздрогнула, снова вспомнив громадного зверя. — Леший нас понес на эту крышу...

— Ну не скажи... — протянул Эллинг. Цветок недовольно трепыхался, стараясь вывернуться у него из пальцев. — Тебе имя Фенрир Волк что-нибудь говорит?

Я кривовато усмехнулась и прочитала:

Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный...
...солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся —
довольно ли вам этого?

Несколько секунд мы молчали.

— Элле, отпусти цветок! — не выдержал Яллинг. Его брат разжал пальцы, и растение выскользнуло у него из рук, недовольно трепеща листьями. — Но так это же не наши писали, а фьординги...

Эллинг жестко усмехнулся, и лицо его на несколько мгновений сделалось другим — серьезным и взрослым.

— А что думаешь, конец света будет у всех разный? Полыхнет у фьордингов, загорится у нас... — Он ожесточенно потер лоб ладонью, а когда опустил руку, на смену непривычной серьезности вернулась бесшабашная веселость. — А что, хорошо же ведь слазили! Такого приключения у нас ни разу не было...

— Это да! — охотно подтвердил Яллинг. — Ведь скажи же, Яльга... — Тут он

запнулся и изменился в лице.

— Что сказать? — не поняла я.

— Получается, — медленно произнес эльф, — получается, мы единственные, кто знает о конце света? Только мы, и больше никто? Ни магистры, ни Светлый Властитель, ни Эллендар Четвертый, ни конунг Валери?

Я хмыкнула и тоже взялась за цветок.

— За оборотницу не ручаюсь, у меня таких данных нет. Ну а почему бы нет?

— Так, значит, надо сказать! — Яллинг совсем было вознамерился рвануть по коридору вслед магистру, но Эллинг успел ухватить его за плечо.

— Ты с ума сошел? — быстро заговорил он, мешая лыкоморские слова с эльфийскими. — Это же предназначение, рок... никто ничего не в силах сделать! Уж лучше ничего не знать, чем знать и терзаться! Ялле, это наш долг! Не вздумай никому рассказать!

— Ой, да кто бы говорил! — немедленно взвился эльф. — Сам первым проболтаешься этой своей... Иллине!

Эллинг явственно смутился.

— Давайте поклянемся, — серьезно предложила я. — Дадим непреложную клятву не говорить никому ни слова.

Эльфы переглянулись.

— Давайте! — азартно предложил Яллинг. Мы практически одновременно протянули руки вперед. Моя ладонь оказалась самой нижней, следующим был Эллинг — его пальцы были теплыми, и он немного сжал мне руку. Яллинг нараспев заговорил магическую часть клятвы, и мы начали повторять, быстро подстроившись под заданный им ритм.

— Клянусь... — хором сказали мы; возникла пауза, и Эллинг торопливо сказал:

— Клянемся никому не говорить о том, что мы видели сегодня на крыше!

Мгновение ничего не происходило, потом над нашими сцепленными ладонями сверкнула синяя молния. Вспышка света на секунду ярко выхватила из сумрака лица обоих эльфов; Эллинг был бледен и героичен, на физиономии же у Яллинга читался невероятный азарт.

На следующее утро я проснулась невыспавшаяся и злая. Весь остаток ночи мне снились просто отвратительные сны; я просыпалась, наверное, раза три, так что к утру подушка сделалась равномерно горячей с обеих сторон. Веселая и бодрая Полин, радостно примерявшая новую юбку, вызвала во мне глухую зависть.

Натягивая сапоги, я неожиданно сообразила, что первой парой сегодня стоит практикum по боевой магии, — настроение скакнуло было вверх, но тут я вдруг вспомнила, кто ведет у нас профильный предмет. Я, конечно, могла надеяться, что госпожа ле Бреттэн хотя бы практикum проведет как надо, — но что-то мне подсказывало, что надежды будут тщетны. Особенно если учесть, каково было вступительное занятие. Заклинание, которое мы будем отрабатывать, нам не показали, зато Матильда, подробно рассказав нам о необходимости творческого подхода, неожиданно задала домашнее задание. Требовалось нарисовать плакат на тему «Баньши как вид нежити: характерные признаки, способы борьбы». Оценками моих одноклассников было уже не соблазнить, но хитрая Матильда пообещала устроить конкурс — а вот на это купились и азартные эльфы, и честлюбивые гномы. Вампиры купились за компанию.

Нам с Ривендейлом было мягко предложено «постараться и пробудить в себе креативное, творческое начало». Я покивала, вампир ограничился хмурым взглядом, подействовавшим на Матильду в той же мере, что и на прочих особей женского полу. Аспирантка чуть порозовела и перестала настаивать на своем.

Когда я уже шла по коридору, мне вдруг представился Генри Ривендейл, ползающий на коленях над громадным листом ватмана. Волосы у герцога были небрежно повязаны этакой богемной косынкой, на щеках виднелись размазанные полосы краски, а в зубах он сжимал кисточку, с которой на пол капали густые красные капли. Брутальный был образ, чего уж там. Я даже пожалела, что не захватила с собой мнемо-амулет — было бы писку вечером,

когда я бы продемонстрировала эту картинку Полин! — но на размышления уже не было времени. За размышлениями я успела подойти к кабинету практикумов, дверь которого была распахнута настежь.

Из косяка неслось громкое бурчание элементаров. Прислушавшись, я разобрала что-то насчет мерзавца-хозяина, который взял да и свалил, будто его об этом сильно просили, а ежели и просили, так это еще не повод, а ежели и повод, то зачем непременно сейчас? На меня флуктуация не обратила ни малейшего внимания, но я, подумав, все-таки прикрыла дверь. Ворчание сделалось несколько тише: я знала, как надлежит вести себя с флуктуациями.

Доска была девственно чиста, на полу была проведена жирная белая линия — всего лишь одна и не на правильном месте, значит, она была не «дуэльной». Матильда, естественно, еще не пришла, adeпты тоже запаздывали. Кроме меня в кабинете присутствовал один пресловутый Ривендейл — стоя у окна, он дышал на стекло и тщательно вырисовывал пальцем защитную руна. Руна выходила отличная, прямо как в учебнике. Закончив одну руна, он соскребал ее ногтем со стекла и рисовал рядом новую — точную копию предыдущей. На стекле уже имелось пять или семь темных пятен. Кажется, он занимался этим исключительно от безделья.

Плаката при нем, разумеется, не имелось.

Потихоньку начал подтягиваться народ. Многие пришли с плакатами, свернутыми в тугие рулоны и перевязанными нитками. Эльфы светились от предвкушения триумфа; я попыталась было раскрутить Куругорма, чтобы он показал мне результат своих трудов, но он об этом не желал и слышать. Все должно было быть обставлено красиво, и нечего портить удовольствие подглядыванием на перемене.

Прозвенел звонок, Матильды еще не было. Народ продолжил болтать между собой; я встала к стене и скрестила руки на груди, с интересом наблюдая за группой. У окна в той же самой позе маячил Генри Ривендейл. В какой-то момент я поймала на себе его взгляд и, почему-то смутившись, стала смотреть в другую сторону.

Наконец пришла Матильда и воцарилась относительная тишина.

— Здравствуйте! — нервно сообщила она, чем-то неуловимо напомнив мне несчастного бестиолога. — Сегодня у нас состоится практикум. И начнем мы его с того, что проведем конкурс плакатов. — С каждым словом она все больше успокаивалась, на глазах делаясь все уверенней и смелее. — Вы, конечно, все adeпты креативные и потому подошли к заданию творчески. Очень творчески! Ну что, с кого мы начнем?

Эльфы скромно покашливали, сжимая бесценные творения под мышкой, и тогда из рядов солидно выступил гном Снорри. Его рулон, толстый и короткий, был аккуратно перевязан с двух сторон узкими полосками пестрой ткани.

— Ну я буду первый! — заявил он, распуская одну из тесемок.

Матильда, кивнув, поспешила ему помочь.

Конкурс плакатов развернулся минут на сорок. Все работы — было их восемь штук — обстоятельно и со вкусом обсуждены, похвалены, удостоены трех пятерок, немедленно выставленных авторам в журнал, и развешаны по стенкам кабинета. Теперь, куда бы я ни кинула взгляд, отовсюду на меня глядели знойные рыжие красавицы, облаченные в зеленые одежды. Красавицы явственно отражали понятия художников о типе «женщина роковая, то бишь стерва, но привлекательная». Гномская баньши была вооружена чем-то отдаленно напоминавшим сковороду, эльфийские все как одна были зеленоглазые, но больше всего взглядов доставалось творению Хельги, показавшего себя истинным мастером. Девушка на его плакате поражала как объемом стратегических областей, так и количеством одежды на оных. Хельги был явным поклонником стиля «кольчужное бикини». На его шедевр с уважением косился даже Куругорм.

Ну а потом, когда оценки были выставлены, а плакаты — развешаны по стенам, Матильда преспокойно вынесла из лаборантской свой плакат и укрепила его на доске. Народ нехорошо притих и задумался. Кажется, adeпты искали ответ на тот же вопрос, какой

волновал и меня: где здесь смысл и есть ли он вообще?

— Итак, — Матильда развернулась к нам лицом, крепко обхватив себя руками за плечи, — перед вами алгоритм действий, которые в совокупности представляют собой защитное заклинание. Внимание на плакат! Ступень первая: как определить вероятность наличия баньши в данном районе. Ступень вторая: как определить вероятность встречи с баньши в данном районе. Ступень третья: как определить вероятность того, что баньши пожелает вас атаковать. Ступень четвертая: каковы признаки начавшейся атаки. Ступень пятая: ваши действия, пошагово. Приступим! Студент аунд Финдэ, прочитайте нам, пожалуйста, действия первой ступени.

Келлайн, кивнув, выступил вперед.

— Ступень первая, шаг первый, — с выражением прочел он. — Вспомните, что вам известно про данную местность из древней и древнейшей истории...

Чтение плаката по ролям заняло еще минут двадцать. В чем Матильду нельзя было упрекнуть — так это в отсутствии добросовестности. В каждой ступени было примерно по пять — десять шагов; каждый нуждался в подробном объяснении и иногда — в текстовой иллюстрации из учебника. Я спала с открытыми глазами; под конец мне привиделась инструкция, которую госпожа ле Бреттэн, вероятно, могла бы написать к чернильнице.

*«Ступень первая, шаг подготовительный. Убедитесь, что оно вам надо.
Ступень первая, шаг первый. Убедитесь, что чернильница здесь есть.
Ступень первая, шаг второй. Убедитесь, что в ней есть отверстие.
Ступень первая, шаг третий. Проверьте, не прикрыто ли отверстие
крышкой — это может создать вам дополнительные трудности...»*

От кошмарных видений меня пробудил взволнованный голос нашей аспирантки:

— А теперь я попрошу всех отойти на достаточное расстояние от черты. Я продемонстрирую сейчас все эти действия на манекене. Прошу вас не забывать об осторожности и воспользоваться заклинанием защитного купола.

Мы собрались в кучку, и кто-то прошептал заклинание. В первый раз я сидела под защитным куполом на практическом занятии по боевой магии. Поверхность купола слегка *плыла*, как мыльная пленка; изредка по ней проскальзывали радужные полосы. Со всех сторон окруженная братьями по профессии, я хмуро наблюдала, как Матильда с соблюдением всех правил осторожности демонстрирует нам заклинание — действительно по шагам. Не знаю, есть ли на свете такие заторможенные баньши. Если и есть, то долго они не живут.

Прозвенел звонок, и Келефин убрал купол. Подняв с пола сумку, я вышла из кабинета, чувствуя, как вослед мне глядят восемь рыжих девиц с восьми конкурсных плакатов. На плакате госпожи ле Бреттэн девицы не было. Там был Алгоритм, и ничему более не оставалось места.

«Ну и мерзавец же этот маркграф Эккехард!» — с чувством подумала я.

Злая на жизнь, на маркграфа, на Рихтера, на Матильду и на баньши, я добралась до кабинета общей магии, с трудом подавив в себе самоубийственное желание открыть дверь пинком. Магистр Фенгиаруленгеддир был гном добрый и ко мне, как и большинство его соплеменников, относился хорошо. Но это отнюдь не означало, будто я имела право срывать раздражение на его двери. Тем более что в двери имелась элементаль, каковую мало интересовали чьи-либо проблемы вообще и проблемы студентки Ясицы в частности.

В кабинете было светло, тепло и пахло деревом — стены сплошь покрывали светлые деревянные панели. За все годы существования Академии ни один адепт не оставил на этих панелях даже самого маленького автографа — ибо даже самым нахальным из нас был присущ инстинкт самосохранения. Не стоило обманываться добродушным видом гнома. Знающие люди говорили, что в гневе он страшен, и тем страшнее, что от него-то никаких неприятностей никто как раз и не ждет.

Ко второй, и последней, на сегодня паре снаружи уже рассвело, и я бросила быстрый

взгляд на занесенный снегом двор. Сделать это можно было только через самое маленькое и расположенное ближе прочих к двери окно: все остальные стекла в кабинете были покрыты морозными узорами, специально начарованными гномом в начале зимы. От совершенства линий и завитков млели даже эльфы — Фенгиаруленгеддир был настоящий мастер. Правда, смотреть сквозь эти окна было невозможно, но магистры и адепты постарше просто пользовались магическим зрением.

Обитую магию я вообще-то любила. Гоняли меня по ней немилосердно, но это было скорее хорошо, нежели плохо. Маг, не знающий общих заклинаний, — это вообще не маг; кроме того, в схватке совсем не обязательно бить противника именно боевой чарой. Иногда бывает достаточно уронить ему на голову тяжелый чугунок, воспользовавшись простейшим телекинезом.

Здесь я по-прежнему сидела на первой парте. Бросив сумку на скамью, я выложила на стол тетрадь, чернильницу и перо; тут как раз прозвенел звонок, и гном вышел к народу из лаборантской. Щелкнув пальцами, он высветил на доске тему — «Телепортация: теоретическо-математический аспект». Чуть ниже значилось «Теорема первая».

— Хотя бы здесь все идет как надо! — пробормотала я, подчеркивая тему в тетради двойной волнистой чертой.

— Яльга, а ты останься! — напомнил мне гном после урока, когда я помахивала в воздухе тетрадь, чтобы побыстрее высушить чернила.

— Хорошо, магистр... — Честно сказать, после Матильды и восьми рыжих теток я уже успела забыть и про вчерашний поход, и даже про Фенрира Волка. Оно и к лучшему, даже сейчас стоило мне подумать об этом, как по спине немедленно поползли крупные холодные мурашки.

Осторожно потрогав строчку пальцем, я убедилась, что чернила просохли, и убрала тетрадь в сумку. Тетрадь в сумку, сумку на плечо, стул под парту... по окончании сего несложного алгоритма я встала у двери, дожидаясь, пока Фенгиаруленгеддир договорится с элементарью, охранявшей проход в лаборантскую. Машинально я поглаживала входную дверь по косяку, и изнутри несло тихое басовитое мурлыканье.

— Ты чего стоишь? — наконец спохватился гном. — Отправляйся к госпоже Ламмерлэйк, скажешь, что от меня пришла. Она тебе работу найдет... ты же в теплице еще не бывала?

— Нет, — честно сказала я, наострив уши.

Теплица — это территория не то чтобы вообще недоступная, просто туда вход строго ограничен. В основном туда ходили алхимики всех возрастов плюс адепты со старших курсов, плотно изучавшие магическую ботанику. По идее, курсы на пятом туда должны были допустить и меня, но до пятого курса еще надо было дожить, а вот Полин в теплице уже побывала. Правда, возвратилась она оттуда вся искусанная солнечной крапивой. Все едино уступать соседке я не собиралась ни в чем — кроме количества косметики, разумеется.

— Ну вот и побываешь, — флегматично заключил гном. — Потом мне доклад напишешь — о магических свойствах той травки, которую будешь окучивать. Встретишь этих эльфийских шалопаев — скажешь, что им задание такое же. Все понятно?

Я кивнула и, хлопнув дверь на прощанье ладонью, отправилась на подвальные этажи.

Лаборатории алхимиков традиционно располагаются в подвалах — боги его знают почему. Наверное, это для полноты колорита, чтобы было как в сказке: крючконогая ведьма, сгорбившись над котлом, с пришепетываниями бросает туда связки трав, на шаткой полочке возлежит толстый черный кот, а под потолком связками висят летучие мыши. Как живые, так и сырокопченые.

Но стараниями гнома-завхоза во всем подвале нельзя было обнаружить не то что летучей мыши, но даже и крысы обыкновенной, даром что последняя считается очень коварным и умным зверем. Наш завхоз был куда коварнее самой старой, опытной и злокозненной из крыс.

Так что в подземельях Академии было сухо, тепло — куда теплее, кстати, нежели на

верхних этажах — и довольно уютно. Конечно, имелись и лабиринты, и древние тайны, и, может быть, даже парочка скелетов, прикованных к учебнику золотыми цепями, но все это лежало в дальних областях, открытых только для матерых алхимиков. Может быть, братья аунд Лиррен пролезли и туда, но мне пока почему-то не хотелось. Так что я шла по местам общедоступным, там, где располагались алхимические кабинеты и лаборатории для практикумов.

Широкие коридоры, прямые как стрела, пересекались узкими таинственными коридорчиками; на перекрестках стояли кадки со всевозможнейшими растениями, начиная от просто тропических и заканчивая чародейскими. По слухам, за каждым адептом алфака было закреплено свое растение; обязанностью алхимика было его поливать, состригать лишние веточки, беречь от насекомых — словом, обеспечивать надлежащий уход. Идея была хорошая, но надо порадоваться тому, что госпожа Ламмерлэйк преподавала алхимию, а не бестиологию.

Стоило мне подумать об алхимичке, как перед моим носом распахнулась дверь и магистр вышла из кабинета, громко цокая подкованными шпильками. Следом за ней выскочила какая-то девица; в руках она сжимала небольшой горшочек, в каковом произрастал маленький зеленый сморщенный кактус.

— Магистр Ламмерлэйк! — молила девица, делая свободной конечностью такие движения, будто пыталась поймать декана за рукав, но вовремя вспоминала, что к чему. — Но... но когда же я буду готовиться к пересдаче?

— Ваше дело, Анна! — строго отрезала Эльвира. Глаза ее сверкнули так строго, что адептка мигом исчезла за дверью.

Но меня глазами было не испугать.

— Госпожа Ламмерлэйк! — вежливо позвала я, изображая на лице безмерную любовь к алхимии. Притворяться почти не пришлось: алхимию я и правда очень любила. — Меня к вам послал магистр Фенгиаруленгеддир...

Я не успела объяснить, зачем он это сделал. Алхимичка чуть нахмурилась, припоминая, а в следующий момент кивнула с обрадованным видом:

— А-а, помню! Но, кажется, речь шла о трех адептах?

— О трех! — жизнерадостно подтвердили из-за моей спины.

Я обернулась; как и следовало ожидать, там стояли братья аунд Лиррен, веселые, как если бы они отправлялись не на отработку в теплицу, а на очередную пакость.

— Адепт раз, адепт два, адепт три. — Эллинг по очереди ткнул в нас всех пальцем, начав с себя, и лучезарно улыбнулся госпоже Ламмерлэйк.

Та коротко улыбнулась в ответ: эльфийское обаяние творило чудеса.

Развернувшись на каблуках, алхимичка коротко приказала через плечо:

— В таком случае следуйте за мной!

Петляя по коридорам и коридорчикам, мы пересекли огромные подземелья минут за пять. То ли магистр воспользовалась заклинаниями, то ли это просто был самый короткий путь, — в конце концов, она преподавала здесь не первый год и наверняка знала самые потаенные места и самые короткие дороги. Вообще-то здесь немудрено было и заблудиться; некоторые легенды даже утверждали, что призрак Афилогет и есть бывший студент, бесславно пропавший в переплетениях подвальных коридоров. Пару раз мы проходили через такие места, о которых, наверное, не знал и сам завхоз: там было мокро, с потолка капала вода, а из углов доносилось таинственное шуршание.

Наконец впереди показалась высокая каменная лестница. Края ступеней были закруглены — их сточило время и бесчисленные поколения адептов, что ни день бегавших по этой лестнице вверх-вниз. Поднявшись на первый этаж, мы оказались перед дверью, на которой висела аккуратная белая табличка «Алхимические теплицы». Эльвира легко прикоснулась к ней пальцами, и из косяка тут же высунулась элементарь. Увидев непосредственное начальство, она бодро взяла под козырек.

Войдя внутрь, я сразу почувствовала, какой характерный здесь воздух: в теплице было

тепло, влажно, чуточку душновато и пахло южным лесом. Прямо перед нами расстился широкий коридор; по центру его протягивалась белая платформа, на которой стояли горшки всех цветов, калибров и габаритов. Из горшков гордо топорщились листья, флегматично свисали побеги, нахально торчали стебли и смущенно высывались цветки. По обеим сторонам платформы имелись две адепки-алхимички: вооруженные лейками, тряпочками, ножницами и какими-то загадочными бутылками, они медленно продвигались вдоль коридора, по очереди обхаживая каждое растение. Яллинг, улыбнувшись во все сорок зубов, помахал одной из них рукой; девушка на миг отвлеклась от работы и просияла улыбкой в ответ, но тут же наткнулась на строгий взгляд декана и заработала вдвое быстрее.

По бокам же коридора через равные промежутки виднелись одинаковые двери. На каждой я увидела табличку с названием по-эльфийски; очевидно, тут же подумалось мне, в отдельных отсеках находятся растения, нуждающиеся в особенном обращении и уходе.

Эльвира миновала первые две двери и широким жестом указала нам на две следующие.

— Вот, — сказала она. — На вас троих — эти два отсека. В третьем номере на скамейке лежит свиток, там все написано, что и как. Коробочки попросите у девушек, они вам дадут. Работать будете по очереди. Результаты жду через два дня. Вопросы есть?

— Нет, — нахально сказал Эллинг, прежде чем я успела открыть рот.

— Вот и замечательно! — Алхимичка энергично кивнула и исчезла, скрывшись в мгновенном телепорте.

Оставшись втроем, мы переглянулись.

— Элле, мы рыцари? — серьезно спросил брата Яллинг.

Тот покивал. Яллинг наставительно поднял палец:

— Во-от! Слышала, Яльга? Поэтому мы пропускаем даму вперед!

Эллинг с поклоном распахнул передо мной дверь третьего отсека.

— Ладно, — сказала я, моментально прикинув, насколько это для меня удобно. Получилось, что в принципе удобно, и потому я не стала возражать, а вместо этого перешагнула порог своего отсека.

Дверь тут же закрылась за моей спиной, и я услышала недовольное ворчание элементали:

— Жарко же ему! Думать же надо!

— Хорошо, — пообещала я, оглядываясь по сторонам.

Отсек вообще-то был довольно велик: немногим меньше нашей комнаты. В дальнем от входа углу стоял квадратный деревянный ящик, наполненный землей, — в таких обычно высевают рассаду. В ящике росло невысокое, локтя в два, растение, более всего напоминавшее бамбуковый побег: с жестким стеблем, снабженным несколькими узлами, но практически без листьев — только на верхушке имелось два узких листка. Листки чуть покачивались от дуновения магического ветра.

У другой стенки стояла маленькая скамейка в восточном стиле: лаконичные линии, глянцевого черного лака, общая эфемерность. На ней, как и предсказывала госпожа Ламмерлэйк, лежал толстенный свиток, туго стянутый красным шнурком с кистями на концах. Я прикинула длину сего вместилища знаний и затосковала. Однако выхода не было, и я с опаской присела на скамейку, пытаюсь понять, выдержит ли она мой вес.

На то, чтобы читать весь свиток, меня уже не хватило. Распустив шнурок, я начала быстро просматривать ровные строчки, написанные каллиграфическим почерком.

Из текста следовало, что растение, каковое я имею честь лицезреть, есть очень нежная, эстетически чуткая и магически невероятно ценная трава. Свойства травы, простиравшиеся этак на полметра свитка, я пропустила, малодушно рассудив, что боевому магу этого знать не обязательно. Цыкнув на возмущившуюся было совесть, я быстренько промотала свиток и добралась наконец до описания того, что мне надо было делать.

Прочитав первый же абзац, я, выражаясь алхимическими терминами, выпала в осадок.

Растение, величественно излагал свиток, любит музыку. И потому адепту, обреченному за ним ухаживать, надлежит сыграть ему на любом музыкальном инструменте —

предпочтительнее, конечно, лютня, но, на худой конец, сойдет и флейта. Получив свою дозу эстетического удовольствия, растение, возможно, соизволит выпустить два-три черешка, на которых распустятся пять-шесть листочков, из каковых, если повезет, один окажется половинчатым. Половинчатый лист надлежит аккуратно отделить от черешка и засушить, соблюдая все предписания. Должным образом заготовленный половинчатый лист обладает широким спектром полезных свойств, описанных выше (см. главу «Магические свойства растения»).

Стоит ли говорить, что я в руках не держала лютни? А флейту и вовсе видела исключительно издали, когда на ярмарке выступали два бродячих эльфа-музыканта... Что же я ему сыграю, если все, что я знаю о лютне, — это существование на ней некоторого количества струн? Ну да, а на флейте есть такие вот дырочки...

Растение нагло торчало из земли, оставаясь глухо к моим терзаниям. Вид у него был такой, будто ему абсолютно все равно, что я не умею ни на чем играть, и я вдруг преисполнилась надежды. Ну не могла же госпожа Ламмерлэйк определить меня на этот цветок, решив, будто близнецы аунд Лиррен в свободное время учат меня эльфийскому музицированию! Да и эльфиек-то, если подумать, на алхимическом факультете всего ничего! Определенно растение не было избаловано классической музыкой. Хватит с него и мелодии, которую я, если подумать, уж наверное смогу извлечь — да хоть на той же флейте!

Приняв решение, я, как всегда, обрадовалась. Жить стало проще, жить стало веселей; я быстренько скатала свиток до исходного положения, аккуратно утвердила его на скамье, чтобы не свалился на пол, и подошла к двери. Стоило лишь коснуться косяка кончиками пальцев, как наружу тут же высунулась элементарь.

— Чего надо? — ворчливо, но довольно дружелюбно осведомилась она. — Коробок, что ль, принести?

— Было бы неплохо. — Я благодарно улыбнулась и погладила дверь по косяку, пустив через пальцы одно маленькое заклинание из «Справочника боевого мага». Книга в очередной раз оказалась источником надежных знаний: заклинание подействовало как надо, элементарь посмотрела на меня с благодарностью. Едва ли ее каждый день баловали особыми элементарепощряющими чарами.

— Позови сюда мою, из двери номер девять. Сможешь?

Флуктуация пошла мелкой рябью. Очевидно, она крепко задумалась.

— Ну я-то смогу, — наконец уверенно сказала она. — Да вот зачем? Ты мне скажи, может, помогу чего...

Я чуть замаялась, стараясь изложить просьбу как можно менее нахально.

— Нужен музыкальный инструмент. Желательно флейта, свирель, ну или что-нибудь попроще. К нему нужен самоучитель, хотя бы маленький, чтобы быстренько разобраться и чего-нибудь простенькое сыграть. Есть такое в закромах родины?

Элементарь задумалась снова, постукивая призрачными пальчиками по собственному косяку. Я выжидательно молчала, тайком скрестив все имеющиеся пальцы. Если закрома окажутся пустыми, придется напрягать старые связи и искать музыкальный инструмент у эльфов. Только вот в чем проблема сами играть они не пойдут, ибо своих дел хватает, а отдавать родную, любимую, самую лучшую на свете флейту какой-то человеческой адептке, в жизни не державшей в руках ничего музыкального... Проще попросить фамильную шпагу у Ривендейла.

— Ну я щас, того... посмотрю, — минуты через три вынесла неуверенный вердикт флуктуация. — По-моему, чегой-то такое было... вот только ежели его не выкинули...

С этими словами она исчезла, оставив меня терзаться неуверенностью.

Чтобы убить время, я сходила к алхимичкам и попросила у них свободные коробочки. Коробочку мне дали, но только одну и маленькую, мотивировав это фразой: «Ты хотя бы эту наполни!» Фраза была двусмысленная, но я не стала разбираться, а просто вернулась в свой закуток.

Элементали еще не было. Подумав, я села на скамейку и развернула свиток, решив

подробнее ознакомиться с инструкциями, но тут в двери появилась сияющая³ элементарь, а на полу сам собой материализовался внушительный барабан, металлический, с двумя кожаными мембранами. Рядом лежали две деревянные палочки, снабженные утолщениями на концах.

— Ты уж прости, самоучителя не было. — Элементарь развела лапками, но особенного раскаяния в ней не чувствовалось. — Ты и так, поди, разберешься!

— Разберусь, — чуть деревянным голосом пообещала я. — Э-э... спасибо.

— Да пожалуйста! — Элементарь просияла напоследок и скрылась в пространстве пятого измерения.

Я почувствовала, что у меня подгибаются ноги, и тихо села на пол рядом с барабаном.

При ближайшем рассмотрении инструмент оказался довольно старым, очень пыльным и снабженным микроскопической биркой с инвентарным номерком. Металлические ободы его поблекли и потемнели, но на коже не было ни единой трещинки. Для проверки я ударила по мембране согнутым пальцем, и барабан ответил низким, глубоким голосом.

Я приободрилась.

Сев по-восточному, я подтянула барабан к себе и примерилась к палочкам. В руки они легли довольно удобно, и для проверки я попыталась выбить какой-нибудь несложный ритм. Типа там «Страна, что хранима державною волей, являет собою надежный оплот...». Национальный лыкоморский гимн я знала хорошо — его пели на всех государственных праздниках, а их с каждым годом становилось все больше и больше. Но палочки повиновались с большой неохотой, и я сбилась уже на середине второй строки. Опасливо покосившись на растение — как-то оно отреагировало на мои музыкальные экзерсисы? — я убедилась, что оно стоит, зеленеет и сгнивать на корню пока не торопится. Очевидно, ему тоже нравился наш гимн, пускай и в таком укороченном варианте.

Хмыкнув, я отложила палочки и тщательно, как перед уроком общей магии, размяла пальцы.

Барабан оказался на редкость захватывающей игрушкой.

Не сомневаюсь, что любой барабанщик-эльф оборвал бы мне все уши, аргументировано объяснив, что я ими все едино не пользуюсь. Но профессиональных музыкантов в радиусе трех метров не имелось, а на двери в наш отсек были весьма предусмотрительно наложены звукогасительные чары. Мы с барабаном могли дурачиться в свое удовольствие; я припомнила ромские ритмы, потом — национальное лыкоморское «Пойду ль я да выйду ль я...», которое легло на барабан на порядок хуже, ибо он есть инструмент ударный, а не мелодический. Следующим этапом пошли танцевальные ритмы Сатрики (оставалось надеяться, что чары на двери хорошие и сюда не прибежит магистр Назон). Ну а после ко мне вдруг явилась весьма навязчивая песенка, и я запела, выстукивая ритм обеими руками, как чернокожая туземка:

Эту песню запекает молодежь!

Трам-трам-трам-трам, тран-тран-тран-та, тран-та-та!

Эту песню не задушишь, не убьешь!

Трам-трам-трам-трам, тран-тран-тран-та, тран-та-бух!

Не убьешь! Не убьешь!

³ В прямом смысле. О флуоресцентных свойствах элементарей читайте в монографии И. В. С. М. К. С. Фенгиаруленгеддира «Трансцендентно-имманентные характеристики сложных флуктуации с условием интенциональности их мышления». (Примеч. магистра Г. Зирака).

Та-та-трынн! Та-та-трынн! Бух!

В какой-то момент мне показалось, что в гулкий ритм вбивается тихий, еле слышный, но все же вполне реальный звук. Доиграв до конца запомнившийся мне кусок, я обернулась, чтобы глянуть на растение, и замерла с поднятой над мембраной рукой.

Все растение — от корня до маковки — было покрыто тоненькими черенками, на которых покачивалось по четыре крошечных половинчатых листика. Именно такие половинчатые листики были изображены на том свитке. Дрожа крупной дрожью, растение вырастило у меня на глазах еще два черенка, а после осыпалось половинчатыми листочками, высохшими прямо на лету. Буквально через секунду ими оказалась засыпана вся поверхность земли.

Перед глазами у меня встали непрочитанные строчки о ценности и важности данного ингредиента. Забыв про барабан, я схватила коробочку и бросилась наполнять ее листьями. Вскоре она оказалась набита по самую крышку. Листьев в ящике хватало еще коробочки на три.

Мимо как раз бодро простучали каблуки; я высунулась наружу, увидела пробегающую мимо алхимичку и громко спросила:

— Эй, сестра по разуму, еще коробочки не найдется?

Сестра затормозила и быстро глянула на меня из-под фигурно подстриженной челки. Похоже, она торопилась и прикидывала, стоит ли тратить на меня свободное время.

— Утрамбуй покрепче, вот и все, — посоветовала она.

Я честно развела руками:

— Утрамбовала. Больше не влазит!

Девушка возвела очи горе, дивясь моему непрофессионализму:

— Значит, можно лучше утрамбовать!

— Пробовала я! Не получается! Слушай, может, покажешь мне, как надо?

По лицу алхимички промелькнула было недовольная гримаска, которая почти сразу сменилась хищным интересом.

— Послушай-ка... — вкрадчиво сказала она, подходя ближе. Длинная юбка шуршала как змеиная чешуя. — Ты ведь с первой курса боевого, да?

— Да, — кивнула я, не понимая, при чем тут это.

— С Генри Ривендейлом познакомишь? — напрямик спросила девушка. Глаза ее блеснули.

Терять мне было нечего.

— Познакомлю, — обреченно сказала я. — Как тебя зовут?

— Гражина Влодзимежская, — быстро сказала адептка. Надо же, судя по имени, мы с ней были практически землячки. — Познакомишь, да?

Я молча кивнула, указывая на дверь в отсек.

Адептка вошла, шурша змеиной юбкой. Взгляд ее недоуменно остановился на барабане, потом перепрыгнул на абсолютно голое растение, окруженное грудой высохших листьев, и девушка изменилась в лице. Впервые в жизни я видела, что означает словосочетание «глаза по шесть серебрушек».

— Ануся! — отчаянно закричала Гражина, метнувшись к двери. — Ануся, idɥ tu! — от волнения, не иначе, она сбилась на родной язык.

Дробно простучали каблуки, на этот раз звук был более низкий. Спасибо барабану, я начала в этом разбираться. В отсек, запыхавшись, влетела вторая алхимичка — в руках у нее была наполовину полная лейка, и девушка оставляла за собой цепочку капель. Очевидно, тут же прикинула я, в начале пути лейка была полной до краев.

— Что здесь... — Ануся замолчала, изумленно уставившись на растение. — Mon Dieu...

— Да что здесь происходит, мрыс дерр гаст? — чуть не взывала я, переводя взгляд с одной девушки на другую, но ответа так и не дождалась. Обе алхимички выглядели так, будто их пыльным мешком по голове стукнули.

— Мне коробочку кто-нибудь даст? — тоскливо спросила я в пространство, совсем уж не понимая, что происходит.

— Нет, коробочки вам не дадут, — прохладно ответило пространство голосом госпожи Ламмерлэйк. Я посмотрела на дверь: алхимичка стояла у самого порога, дожидаясь, пока погаснет синий контур экстренного телепорта, и с нескрываемой тревогой смотрела на лысое растение, уныло торчащее из земли. — Адептка Ясица, что вы сотворили с цветком?

— Да ничего особенного... — начала было я, но меня перебили девицы, взволнованно заговорившие нестройным хором. Понять, что они говорят, было категорически невозможно, но Гражина активно жестикулировала, поочередно тыкая наманикюренным коготком то в меня, то в цветок, а то в барабан.

— Тихо! — не выдержала наконец магистр.

Воцарилась мертвая тишина. Канал окончательно закрылся, и Эльвира, быстро подойдя к ящику, склонилась над цветком. Она озабоченно ощупала стебель легкими движениями пальцев, прошептала какую-то чару (девицы наострили уши) и выпрямилась, не сумев сдержать облегченного вздоха.

Я обреченно поняла, что снова что-то сделала не так.

— Девушки, вы свободны! — коротко приказала Эльвира.

Дисциплина на алхимическом факультете была железная, и девицы немедленно испарились, ухитрившись сделать это совершенно бесшумно. Магистр посмотрела на барабан, изящно выгнула левую бровь и послала двери многообещающий взгляд. Элементаль смущенно завопилась в косяке, но выйти наружу побоялась.

— Вы, адептка, что, сыграли ему на *этом*?

— Да, — отчаянно сказала я, страстно жалея, что не прочла до конца инструкцию. — Я ж ведь все едино ни на чем больше не умею!

— А пел кто? — вкрадчиво продолжала алхимичка.

Терять мне уже было нечего.

— Я.

Алхимичка склонила голову набок.

— И что же именно вы ему пели? — ангельским голосом уточнила она.

— Ну это... — Я пощелкала пальцами, поняла, что названия ни мрыса не помню, и тихонько запела, отстукивая ритм пальцем по стене:

— Эту песню запекает молодежь...

— Достаточно! — резко оборвала меня магичка.

Глянув на растение, я увидела, что оно, вновь начиная сотрясаться в пароксизмах, спешно выращивает еще один черешок. Черешок выращивался с трудом, но растение очень старалось.

Забыв про меня, госпожа Ламмерлэйк опустила на колени и начала водить вокруг цветка обеими руками, вполголоса бормоча непонятные заклинания. Растение понемногу успокаивалось, но стоило Эльвире сделать движение, чтобы подняться на ноги, как его снова затрясло с удвоенной силой.

— Все, все, все уже закончилось... — зашептала алхимичка таким тоном, будто успокаивала ребенка. — Все хорошо, сейчас сюда придут эльфы, сыграют тебе на скрипке... — Она замолчала, будто прислушиваясь к ответу растения, а потом уверенно сказала: — Эта? Нет, эта сюда больше не придет. Не бойся, маленький, сейчас тебе будет скрипка... Что? Ты не хочешь скрипку? А что ты хочешь? Валторну?.. Нет, валторна будет завтра, а сегодня будут скрипка и флейта...

— Мне можно уйти? — с тоской спросила я.

— Подождите меня за дверью, — не оборачиваясь, велела она.

Я молча вышла и привалилась спиной к стене, с угрюмым видом скрестив руки на груди. Нет, чем этому существу не понравился барабан? И потом, оно что, хочет сказать, будто у меня нет голоса?

«Надо было прочитать инструкцию», — злорадно напоминала совесть. Я давала ей

мысленный пинок, совесть передергивала плечами и убиралась в дальний угол, откуда продолжала надоедливо скрипеть: «Надо, надо, надо!»

Наконец из лаборатории вышла госпожа Ламмерлэйк. В руке она несла барабан. Посмотрев на меня с непонятым выражением лица, она плотно закрыла дверь и передала мне инструмент. Я автоматически приняла.

Некоторое время мы молчали, глядя друг на друга. Потом магистр усмехнулась и произнесла:

— Вот интересно, это у вас профессиональное?

— В смысле? — обиженно спросила я, минутой раньше придя к выводу, что растение не оценило моих музыкальных талантов.

— В смысле... Был у меня один адепт с боевого курса, так он за пять лет учебы ничего, кроме взрывчатки, на практикумах так и не получил. Из любых ингредиентов, по любой теме — взрывчатка, и все. Что характерно, хорошая.

«А я здесь при чем?» — подумала я, но вслух произнесла:

— Я вчера на практикуме противоблошиное зелье сварила...

— Это был пример, аналогия, — строго отрезала Эльвира. — А вот вы... Вас бы, студентка Ясица, полагалось наказать. В жизни не видела, чтобы растение оказалось в таком шоке! Не знаю, что уж вы с ним там делали, но... — Она покачала головой, явно не найдя подходящих слов.

Впрочем, госпожа Ламмерлэйк не казалась особенно разгневанной: глаза ее довольно блестели, а карман длинного кардигана, как я успела заметить, оттопыривала изнутри некая коробочка. Судя по очертаниям оттопыренного, коробочка как две капли воды походила на ту, которую я наполнила половинчатыми листками.

— Но с другой стороны... — задумчиво произнесла Эльвира, и глаза ее блеснули, — с другой стороны, запасы половинчатых листьев в Академии подошли к концу, а практикумы для старших курсов без них провести нельзя. Так что мы, пожалуй, сочтем, что вы просто действовали... мм... нетрадиционными методами. Принесшими, надо отметить, недюжинный результат. Этот цветок — штука капризная, за сеанс он обычно выдает листка по три.

— То есть мне к нему и завтра приходиться?

— Нет, — мягко, но решительно отказалась Эльвира. — К *этому* цветку вы больше и подходить не станете. Я не желаю жертвовать столь ценным экземпляром! И передайте близнецам аунд Лиррен, чтобы они не вздумали последовать вашему примеру. Второе растение еще нежнее, оно такого может и не пережить... О боги, какое счастье, что вы выбрали себе именно этот отсек!

Я вздохнула. Нет, ну неужели ему так не понравился мой голос?!

Из теплицы я прямоком отправилась к себе в комнату. Полин там еще не было — наверное, девица сидела в библиотеке, — зато элементарь, полностью высунувшись из двери, парила у окна таким полупрозрачным облачком. Я молча предъявила ей барабан, и флуктуация, не удивляясь, утащила его в пятое измерение. Наверное, ей уже все рассказали.

На завтра в принципе нужно было много чего готовить, но я не нашла в себе силы открыть тетрадь по бестиологии. Вместо этого я плюхнулась на кровать, щелчком подозвала к себе список кормильцев и стала искать по нему сегодняшнее число. Но я не успела еще его найти, как в дверь постучались, вежливо, но достаточно твердо.

— Заходи, дорогой, гостем будешь! — радостно отреагировала элементарь, прежде чем я успела вставить хоть слово.

На пороге стоял Валентин де Максвилль, некромант со второго курса и наше экономическое все, прозванное отдельными ехидными индивидуумами «Наш ответ Скупидонусу».

— Привет, — сдержанно сказала экономическое все, заходя внутрь. За ним в комнату влетела вышколенная флуктуация, крепко держащая в лапках обернутую бумагой корзину. Я невольно потянула носом: от корзины шел теплый запах еды. — Вот, — с прежней

сдержанностью сказал Валентин, поискав глазами, куда бы поставить корзину. Флуктуация сообразила быстрее, и корзина аккуратно опустилась мне на кровать — я едва успела подпихнуть под донышко тетрадь по бестиологии. — Де Максвилли не забывают карточных долгов.

Это был бесспорный факт, банкиры из поколения в поколение, де Максвилли не забывали ни о долгах, ни о векселях, ни о кредитах. Сдается, у них в мозгах просто не было функции, которая отвечала бы за забывчивость. Впрочем, к Валентину я относилась довольно положительно, да и корзина была объемная, так что я радушно улыбнулась и указала ему на свободный стул:

— Садись, сейчас Полин придет, тогда пообедаем.

Де Максвилль помялся. Кажется, предложение пришлось ему по вкусу, но все же некромант качнул головой:

— Нет, Яльга. Жалко, но не могу. У меня еще дела...

— Ну если дела... — Я улыбнулась еще раз, пожав плечами, и Валентин улыбнулся в ответ. Я знала за собой эту особенность: мало кто мог не ответить мне улыбкой на улыбку.

Некромант ушел; над его плечом плыла флуктуация, по которой то и дело пробегали сполохи фамильных цветов дома де Максвиллей. Я подождала Полин, потом, не выдержав, сняла с корзины бумагу.

Валентин был не Хельги, способный ограничиться двумя булочками из соседней лавки. Еды в корзине имелось много, еда в корзине была хорошая, и мне, с моими скромными аппетитами, этого должно было хватить дня на два. У той игры, надо признать, были свои приятные стороны... Рассудив так, я достала эльфийский персик, взвесила его в ладони и осторожно надкусила, стараясь не очень измазаться соком.

Обед оказал на меня весьма положительное влияние: я наконец поняла, каким видом деятельности мне хочется заняться. Мне хотелось узнать, как все-таки работает заклинание против баньши, которому нас так и не обучила госпожа ле Бреттэн. Так что, дожевывая кусочек колбасы — изумительной, кстати, колбасы гномийского производства, нарезанной порционными ломтиками и закатанной в тончайшую фольгу, — я подтянула к себе «Справочник» и деловито зашуршала страницами.

Через десять минут я уже знала, как в общих чертах должно выглядеть заклинание. На всякий случай я даже сделала пару выписок, но что-то мне подсказывало, что, если я встречу с баньши, мои конспекты не станут для нее достаточно весомым аргументом. Заклинание следовало отработать в магзале.

Проблема была только в том, что отрабатывать мне было не с кем. Вдохновленный Матильдой и халявой народ наверняка расползся по интересам; даже если я и поймаю в столовой заблудившегося эльфа, проще выйдет пристукнуть его на месте, чем уговорить заниматься заклинаниями. Хельги? Тоже не пройдет. Вот если отловить кого-нибудь из гномов...

По-любому, нужно было слезать с кровати и идти в магзал — едва ли потенциального партнера мне доставят гарпочтой прямо на дом, как кофе в постель. Вздыхнув — на кровати было так уютно! — я спустила ноги вниз, злобно натянула холодные сапоги и пошла на поиски партнера.

Начинало смеркаться, и в коридорах уже зажигались лампы. Народ шнырял туда-сюда, но довольно редко — большая часть была в городе, меньшая сидела в библиотеке или по комнатам, выполняя заданное на дом. Я целеустремленно двигалась по направлению к магзалу, бдительно зыря по сторонам, не пробежит ли где одноклассник. Но, добравшись до магзала, я так никого и не встретила. Томима нехорошими предчувствиями — как бы не пришлось со стенкой в догонялки играть! — я потянула на себя ручку двери.

В магзале тоже было пусто. Из угла в угол гулял сквозняк, за окнами, завешенными частой сеткой, чернел зимний вечер. Чисто вымытый пол блестел влагой, но от стен парадоксальным образом пахло застарелой пылью.

Этот зал всегда казался очень старым — иногда загадочно старым, как сейчас, а иногда

— пронзительно звонким, странным, как... как эльфийская песня. Я как-то зашла сюда в полдень и замерла, забыв прикрыть за собой дверь. В окна ярко светило холодное зимнее солнце, на полу напротив окон лежали желтые теплые квадраты, а в лучах света плясали пылинки. Все это было очень просто и очень странно — такое чувство мы испытываем, когда видим какую-нибудь вещь и мучительно пытаемся вспомнить, что же именно нам эта мрысь напоминает. А память изгибается змеей, выскальзывает из пальцев, и нужное воспоминание прыгает совсем рядом, раз за разом упрямо не даваясь в руки.

Но сейчас я почти не интересовалась древностью и пылинками. Зачем-то пройдя к дальней стене, я смерила ее хмурым взглядом, поддернула рукава и только-только вспомнила, с какого жеста начинается заклинание, как дверь проскрипела — коротко и тревожно. Я торопливо обернулась, почему-то здорово смутившись. Как будто заниматься боевой магией все равно что пирожки из столовой таскать!

На пороге стоял Генри Ривендейл, и вид у него тоже был довольно смущенный.

— А ты здесь что делаешь? — одновременно спросили мы и одновременно замолчали, сообразив, что эльфийского хора, кажется, никто еще не заказывал.

— Что ты здесь делаешь? — повторил герцог, и слабое эхо подхватило его слова.

«Ежиков развожу! На валюту», — хотелось ответить мне, ибо де Максвилль определенно натолкнул меня на банковские темы. Но я сдержалась и сказала так:

— Я не поняла, а где твой плакат с рыжей теткой?

— Какой еще плакат? — Благородный вампир недоуменно поднял брови, и тогда я доходчиво объяснила:

— Прямоугольный. Творческий. Матильдин. На этот, как его, — а-а, практикум по боевой магии!

На провокационные вопросы герцог не отвечал — он предпочитал их задавать. Аккуратно закрыв за собой дверь, он подошел ко мне и, приглядевшись, предпринял второй подход к снаряду.

— Ты здесь чего, заклинание против баньши отрабатываешь? — самым небрежным тоном поинтересовался он, сделав образцово аристократическую физиономию.

— Ну если так можно назвать созерцание этой стенки... — Я была, конечно, сытая, но добродушия это мне не прибавило. — Как, интересно бы знать, можно отрабатывать заклинание без партнера?!

От последней фразы с герцога разом слетел весь аристократ.

— Без кого, без кого? — почти с благоговением спросил он, внимательно глядя на меня. — Без партнера?

— Ну да, — настороженно подтвердила я. — Чего я такого сказала?

— Ничего-ничего, — заверил меня Ривендейл. Будь на его месте Хельги или близнецы, они давно бы уже лежали на полу от хохота. Но Генри, как и подобает благородному дворянину, моментально взял себя в руки. Подойдя к стене, он выстукал по ней пальцами какую-то хитрую дробь.

— Что это за народные гномийские пля... — Я замерла на полуслове и уважительно присвистнула. На середине зала, как раз над вычерченным на полу кругом, медленно возникал фантом: рыжий, в зеленом платье, весьма условно изображавший баньши.

— Вот, — сдержанно сказал Ривендейл, указав мне на фантома рукой. «Как будто я его сама не вижу!» — мельком подумалось мне. — Этот партнер хотя бы переживет прямое попадание твоего заклинания. В отличие, скажем, от... — Кажется, он хотел сказать «меня», но вовремя спохватился и расплывчато закончил: — Какого-нибудь адепта. Ну и того... симитирует настоящую атаку.

Я обошла фантом кругом и потыкала в него пальцем, кивая с умным видом. Вообще-то такую вот тетку я и сама могла сотворить, причем, если нужно, даже с портретным сходством. Спасибо одноклассникам, моделей на плакатах хватало. Другое дело, что любая из моих иллюзий не то что прямого, но даже косвенного попадания не выдержит, сразу же развеется по ветру. Да и сама в ответ ничем не кинет. Они у меня мирные.

Вот интересно, а откуда Ривендейл узнал про эту штуку?

— Знакомые рассказали, — кратко объяснил вампир, хотя я даже не успела задать вопроса. — Ну что, кто первый, ты или я?

Я замялась. Первой хотелось мне, но фантом вызвал все-таки Ривендейл. Совесть бормотала что-то нечленораздельное; я прислушалась, но ничего не поняла, а потому спросила:

— А еще одну такую же вызвать никак нельзя?

— Нет, — твердо сказал вампир. — Никак. Заклинание с жесткой матрицей.

Я подумала еще немножко.

— Ладно, давай ты первый. А я пока на скамеечке посижу...

Вампир пожал плечами и начал засучивать рукава.

Как и было обещано, я мирно уселась на скамеечку, прижалась спиной к стене, отдернулась от стены, нервно передернула плечами и стала смотреть.

Фантом работал весьма просто. Настроенный на некоторый режим, он выдавал линейную атаку заданной мощности и терпеливо ждал, пока герцог отразит ее и сообразовоит перейти в нападение. После пресловутого попадания иллюзия с минуту рябила, но потом все-таки вспоминала о долге и представляла перед вампиром в более пристойном виде.

Надо сказать, что у герцога получалось неплохо. В первый раз фантом легко пробил его защиту, зато больше этого не повторялось — Щит Ривендейла был таким прочным, что об него можно было легко расколотить среднестатистический моргенштерн. Зато с нападением дела шли не столь удачно: вампир, разумеется, не мазал, но что-то в его чаре было неправильно, а что — я не понимала и сама. Пользуясь музыкальной терминологией — спасибо алхимическому цветку! — я могла сказать, что мелодию он в общем играет верно, но кое-где берет неправильные ноты.

Наконец герцог выдохся и подошел к скамье.

— Давай теперь ты, — предложил он, переводя дух.

Странно, но заклинания в процессе отработки всегда отнимают немало сил — потом, в схватке, пусть даже и учебной, они рождаются куда проще и быстрее.

Я кивнула и встала со скамьи.

Фантом ждал меня, терпеливо покачиваясь в воздухе. Я сглотнула, зачем-то потрогала языком уже поджившую блямбу и кивнула. Иллюзия начала медленно сплетать чару.

Наверное, я бы тоже успела подставить Щит, но специально не стала этого делать. Было очень интересно узнать, как именно атакует баньши. Едва ли учебный фантом способен нанести мне серьезный вред... Я твердо решила, что не буду отражать первый удар, но рефлекс в очередной раз оказался быстрее разума. Как только я увидела несущуюся ко мне чару, пальцы сами сплелись в нужные знаки, и я торопливо вскинула руки к лицу.

Заклинание расплескалось по прозрачной поверхности Щита, на мгновение ясно высветив его контуры. Не сдержавшись, я помянула мрыса, но было поздно. Атака оказалась отбита — теперь была моя очередь нападать.

Вспомнив все, что прочитала в книге, я торопливо начала рисовать в воздухе нужные руны.

Минуты через три я поняла, что получается у меня примерно как у Ривендейла. Вроде как все и правильно, но есть в заклинании какая-то фальшь. Вампир со своей скамьи только хмыкал, когда я в очередной раз пыталась атаковать фантом; наконец не выдержав, я развернулась к герцогу и прямо спросила:

— Что я делаю не так?

— Ну... — Похоже, Ривендейл не ожидал такого вопроса. Он, как и я, только чувствовал неправильность, но не мог выразить ее словами; подумав так, я остро пожалела об отсутствии Рихтера, который словами мог выразить абсолютно все, даже то, чего его выразить и не просили. Но Западные Земли были далеко, Ривендейл — близко, а заклинание

нужно было кровь из носу, а отработать.

И тут меня осенила мысль.

— Генри, а ну-ка иди сюда! — скомандовала я, слишком поздно сообразив, что разговариваю не с кем-нибудь, а с наследным герцогом Ривендейл. Но наследный герцог не имел ничего против: наверное, его испугал многообещающий блеск моих глаз. Вампир подошел, настороженно косясь то на меня, то на фантома.

— Что ты придумала? — спросил он, разминая пальцы.

Я помолчала, почетче формулируя мысль.

— Значит, так! Я сейчас начну заклинание. А ты, как только увидишь, что не так, тут же меня дернешь и поправишь. Ясно?

В сформулированном виде идея звучала отнюдь не блестяще, но герцог, подумав, все-таки кивнул.

— Если получится... — не совсем уверенно посулил он.

Я бодро улыбнулась и сделала фантому знак.

Баньши неспешно зашевелилась над полом, собирая силы для заклинания. Я внимательно рассмотрела, как она становится плотнее и ярче, перед тем как выпустить наружу энергетический разряд, потом успела заметить сам разряд, а в последний миг вскинула руки, накрывая и себя, и Ривендейла Щитом. Заклинание ударилось о защиту — и я тут же поняла, что защита была двойной.

У благородного Ривендейла тоже были свои инстинкты.

— Я машинально... — буркнул вампир, поймав мой вопросительный взгляд, и тут мысль осенила меня повторно.

— Генри, — сообщила я, от волнения сформулировав ее совсем легко, — а если нам попробовать и атакующую чару плести вместе? Тогда мы...

— Можно, — подумав, разрешил вампир. — Только это, говорят, сложнее. Меня учили...

Но я упрямо стояла на своем. Учили его, понимаешь! Меня бы кто научил!

— А мы только попробуем! Попробовать-то нам ведь никто не запретит?

С этим сложно было поспорить, да герцог и не стал.

— Ну это да... — заключил он. — Тогда поехали?

— Поехали! — азартно согласилась я, вскидывая руку.

После первой же совместной атаки мы взглянули друг на друга с немалым уважением.

Не знаю, насколько сложно было работать в паре, — честно сказать, это просто было иначе, совсем по-другому, нежели плести заклинания одной. Приходилось слушать не только себя, но и Ривендейла, соизмерять свои действия с его, прикидывать, в какой конкретно момент можно начинать чертить тот или иной знак. Это было непросто. Зато, работая в паре, я легко чувствовала, где именно мои чары начинают сбивать, — работа Ривендейла как будто подчеркивала все шероховатости, давая возможность разглядеть каждый ляп. Сложнее сбиться с ритма, когда играете вдвоем.

— Слушай, а ведь и ничего себе получилось... — с легким удивлением признал Ривендейл, когда дым наконец рассеялся.

Посреди магзала теперь имелась выжженная дыра, которая быстро затягивалась — здешние стены и пол отлично умели регенерировать. Зато и фантом дрожал куда чаще обычного; теперь сквозь него легко можно было разглядеть противоположную стену.

— Еще раз? — предложила я, и Ривендейл, даже не дослушав, согласно кивнул.

Нет, Генри был не Хельги. Совсем не Хельги.

Из магзала мы ушли только в одиннадцатом часу — нас выгнал оттуда гном-завхоз, пришедший, очевидно, на звук и запах. Он застал нас как раз посреди очередного эксперимента, когда мы увлеченно долбили заклинанием по уворачивающемуся фантому, отважно переключенному на четвертый режим. В четвертом режиме баньши летала быстрее, да и атаковала болезненнее — я уже поприветствовала стену несколько раз, поприветствовала бы и пол, но подо мной очень удачно оказался относительно мягкий

Ривендейл.

Несколько минут гном заворуженно следил за баньши, а потом изрек:

— Ну прям как моль... Слышь, вы, питомцы и питонцы, ползите-ка на выход! Ночь на дворе!

— Ну прям-таки ночь... — буркнула я, но перечить не посмела. Благородный Ривендейл молча натягивал на себя сброшенную час назад куртку.

Гном подождал, пока мы выйдем из магзала, и демонстративно запер его на ключ.

— Спать идите, — ворчливо напутствовал он, погрозив нам этим самым ключом. — Ишь взяли моду по ночам заклятьями дубасить! Полуночники!

— Вампиры вообще существа ночные... — пробормотал под нос Генри, но гном предпочел его не слышать.

На следующий день я столкнулась с близнецами аунд Лиррен. Судьбоносная встреча произошла довольно неожиданно — я спешила по лестнице вверх, когда меня окликнули из-за спины:

— А-а, Яльга... Свободная, значит...

Я обернулась и узрела небывалую картину. На лестничной площадке, той самой, где я позавчерашней ночью пряталась от Фенгиаруленгеддира, стояли оба брата аунд Лиррен. Один протирал листья растения особой пушистой тряпкой, другой сбрызгивал его водой из хитрого флакончика. Растение потягивалось от удовольствия, эльфы, напротив, были эпичны и мрачны.

— Вот, — уныло сказал Эллинг, тыкая флакончиком в цветок. — Мало мы вчера лэ напели! У меня прям до сих пор на пальцах от струн мозоли...

— От каких струн? — поинтересовалась я, уже зная ответ.

Эльфа перекосило.

— От каких от каких! От серебряных! На арфе! Я тому клятому цветку двенадцать раз исполнил «Балладу о доблестном рыцаре Ивангое и прелестной даме Ровении», а он только три листочка и отрастил!

— Поганец! — с чувством подытожил Яллинг, взмахнув тряпкой.

— А на этот фикус вас тоже Эльвира отправила? — уточнила я, машинально погладив цветок по протянутому листу.

Братьев перекосило повторно.

— Нет, — мрачно сказал Яллинг, яростно оттирая с листа пыль. — Фенгиаруленгеддир.

Я удивленно подняла бровь, и братья, радуясь возможности откосить от работы, наперебой рассказали мне всю историю целиком.

Оказывается, видение Фенрира напугало обоих эльфов в значительно меньшей степени, нежели меня. Подробно обсудив между собой этот вопрос, братья пришли к выводу, что крыша — это место интересное и неплохо было бы сходить туда еще раз. Была мысль взять меня, но элементаль из моей двери доходчиво объяснила, что хозяйки нет дома.

— А когда это вы ко мне пришли? — ненавязчиво уточнила я.

Близнецы переглянулись.

— Часов в девять, — уверенно сказал Эллинг. — Или полдесятого.

— Понятно...

Без меня, конечно, было немножко сложнее, но братья рассудили так, что можно пойти и в обход, как-то: — проникнуть на крышу телепортом. А что? Телепортации их учили, и простой, и сложной; телепортировать же туда, где ты побывал менее суток тому назад... Ха, это смог бы сделать даже гном-первокурсник, не то что блистательные и неподражаемые близнецы аунд Лиррен!..

И вот часов этак в одиннадцать братья встали под сенью цветка, сиявшего флуоресцентными бутончиками, начертили схему телепорта, четыре раза проверили все заклинания и торжественно шагнули в пустоту.

Пустота закончилась очень быстро — буквально секунду спустя эльфы обнаружили, что мрак небытия сменила другая, куда более знакомая и прозаичная темнота. Но над

головой было не небо, а низкая покатая крыша, вокруг же, как немедленно выяснили эльфы, стояли метлы, ведра и кадушки. Это была хозяйственная каморка, безраздельное владение гнома-завхоза. Естественно, запертая на чары и на ключ.

...Выпустили их оттуда через полчаса — дверь открыл довольный Фенгиаруленгеддир. А утро они встретили в компании все того же растения, ведра, лейки, пульверизатора и набора мягких тряпок.

— Похоже, там стояла другая матрица, — сказала я, поразмыслив несколько минут. — Причем матрица эта была настроена так, чтобы ловить и перенаправлять всех, кто телепортирует на крышу, в этот самый чулан. Других вариантов нет и быть не может.

Эллинг скорчил недовольную физиономию.

— Какая ты умная, душа моя! — поведал он, встряхивая флакончик с жидкостью. — Вот без тебя мы бы до этой мысли ну никак не дошли!

Я пожала плечами:

— Ну что же, тогда успехов в ботанике.

«Вот так и кончаются великие начинания!» — подумала я, быстро поднимаясь на третий этаж.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой утверждается мысль о главенстве изящных искусств над грубой прозой магической жизни. Звучат речи, декламируются стихи, страдают алхимички и волнуются аспирантки, ну а набор магических перьев оказывается не худшим из имевшихся вариантов. Хотя и не лучшим, надо отметить

Месяц снежень в этом году выдался на редкость выюжным и — да, снежным, не иначе как оправдывая собственное название. Что ни ночь в окна билась пурга; поутру к школьным дверям наметало добрые сугробы. Гном-завхоз, ругаясь, сметал снег прочь, бормоча под нос такое, о чем не имели ни малейшего представления даже самые лингвистически подкованные адепты. Вскоре за ним ходила маленькая толпа, вооруженная кто блокнотами и «вечными» перьями, кто мнемо-амулетами, теми самыми «запоминалками» из дешевых лавок. Завхоз ругался, но больше для вида: столь ярко выраженный интерес к культуре гномского народа не мог не растопить его сурового сердца.

Среди студентов в изобилии ходили мрачные истории о том, как однажды, разумеется много лет назад, в такую же вот выюжную зиму Академию занесло до самого Солнечного шпиля. Маги-погодники из КОВЕНА опоздали — когда школу все-таки откопали, в ней мигом обнаружилось штук так с тысячу новеньких привидений. «Вот отсюда, — адепт-рассказчик, обыкновенно старшекурсник, многозначительно вздымал палец; глаза его сверкали мрачным огнем, и слушатели испуганно примолкали, — отсюда и взялись в замке элементали!» Другие утверждали, что от погодников все и пошло: а неча, неча было со снежноотгонятельными заклинаниями мудрить! Вот, стало быть, домудрились... Думы про глобальное потепление разом сделались совсем неактуальными, народ, напротив, разом заговорил про грядущее похолодание, каковое закончится, разумеется, еще одним ледниковым периодом. Самые предусмотрительные в лице Полин немедленно приобрели себе еще одну шубку.

Говорили, что некто с телепатического факультета на зачете по предсказаниям ухитрился впасть в транс; впад же, вышел не сразу, а только лишь провещав нечто о скорейшем конце света, битве Рагнарёк и — куда уж без нее! — зимы Фимбульвинтер, начинающейся вот уже прямо сейчас, только выгляните за окошко. Директор, однако, не побежал смотреть, как это сделала большая часть присутствовавших адептов. Дождавшись выхода предсказателя из трансa, он довольно сухо рассказал, сколь нехорошо относится к плагиату, тем более из столь уважаемой литературы, и поставил гадавшему тройку.

Вся климатическая кафедра стояла на ушах — положение это было принято не без активного участия завхоза, поистратившегося на метлы. Как назло, их завкафедрой вкупе еще с тремя специалистами исчез в неизвестном направлении, составив компанию Эгмонту и фехтовальщику. Точнее, направление-то как раз было известно. На западе заваривалась добрая каша; что ни день оттуда приходили все новые вести одна интереснее другой. Тамошняя история скрипела, трещала по швам и возмущенно орала на особенно крутых поворотах. Армия маркграфа Эккехарда, еще с полгода назад состоявшая из нескольких отрядов, теперь насчитывала полторы тысячи конных рыцарей, без малого тысячу пехотинцев и одни боги ведают сколь наемников из Кансеррата. Она победоносно шла через крошечные западные страны; к началу снежня боевой маркграф взял под руку вот уже семь владений и явно не собирался на этом останавливаться. Еще в середине просинца он успел короноваться как герцог Западных Земель, явно набираясь смелости для того, чтобы назваться королем. Но у КОВЕНА были другие планы. Сильное западное королевство в эти планы совсем не входило. Маркграф дураком тоже не был и стратегию знал хорошо. Великая ковенская Армия отступала, выбирая место для решающего сражения, в мелких же стычках она неизменно терпела крах. Говорили, что в войсковых верхах едва не рвут друг другу глотки; что же, могло быть и так, что лишний раз доказывало всю пользу власти единоличной и безраздельной.

Меня в принципе новейшая западная история занимала в последнюю очередь. Это было слишком далеко; Лыкоморье же обладало достаточно большим весом в военной и политической сферах, чтобы с ним рискнул связываться какой-то там маркграф. Пусть он даже герцог или король.

Правда, эту точку зрения разделяли не все. Кое-кто из наших адептов пытался сбежать «на фронт», оправдываясь необходимостью практики. Всех ловили и возвращали обратно. Среди беглецов были и близнецы: извечное шило в заднице, непременная анатомическая деталь эльфийского организма, не давало им усидеть на месте, когда свершаются великие дела. На шестой раз близнецы уже всех достали, магистры, кажется, уже сами были готовы отправить их на запад. Выход, однако, нашелся куда как более простой: умная Шэнди Дэнн, услышав оправдание про практику, пообещала написать коллеге Рихтеру, дабы тот заранее озаботился практикой двух столь старательных студентов. Испугавшись последствий, близнецы стихли и больше побегов не сотворяли.

Когда снежень перевалил за середину, погода начала неотвратимо меняться. С юга потянули теплые ветра; снег начал таять, из белого и пушистого становясь серым и ноздреватым. В воздухе запахло весной; ровные светлые облака, прежде затягивавшие небо до горизонта, все чаще расступались, открывая взгляду бездонную пронзительную синеву. Синеву весеннего неба.

В полдень, когда солнце вставало достаточно высоко, вдоль стен Академии наперегонки стучала капель. Сосульки, тянувшиеся с красной черепицы, делались все острее и длиннее; адепты и даже некоторые из магистров завели привычку возводить перед выходом на улицу маленький защитный экран. Что же, энергия, потраченная на заклятие, окупалась стократ: сосулькой пока еще никому не прилетело, но ходить с мокрой шапкой — тоже удовольствие весьма и весьма сомнительное.

А я... со мной творилось что-то вообще непонятное. Настроение у меня менялось со скоростью звука: пять минут назад я едва не смеялась от неизъяснимой, мне самой непонятной радости, а десять минутами позже уже сидела мрачнее зимней ночи. Хельги, которому пару раз влетело под горячую руку (в депрессивном состоянии мозги у меня почти не соображали, так что вампир весьма невовремя влез с вопросом), обиженно окрестил мое состояние «маниакально-депрессивным психозом». С пару секунд я думала, стоит ли обижаться на столь заковыристое ругательство, потом настроение у меня вновь изменилось, я рассмеялась и сказала, что плохо понимаю по-гномски.

А еще я ухитрилась встрять в очередное магическое состязание.

Это случилось совершенно неожиданно. Я благовоспитанно сидела на уроке

некромантии, задумчиво глядя на «предложенный нашему вниманию» тест. Из пятнадцати вопросов ответы я знала на семь, еще на четыре — подозревала, что все-таки знаю, и искренне старалась в это верить. Два мне удалось списать у Ривендейла, — похоже, герцог, в отличие от меня, все-таки прочитал заданный давеча раздел. Оставалось еще два, самые заковыристые.

«Вопрос тринадцатый, — еще раз перечитала я. — Какой из перечисленных предметов позволяет остановить начавшийся некрообряд? Варианты:

А — бронзовое зеркальце;

Б — храмовая свеча;

В — серебряная пластинка с руной „альгиз“;

Г — соломенный жгут».

Лично мне гораздо больше нравилась идея «двуручный меч» — решим, так сказать, проблему радикально. Некроманты обычно сражаются плохо, избыточно полагаясь на силу чар. Если ты хороший фехтовальщик, пара минут — и заканчивать обряд станет уже некому. Но предлагать магистру Дэнн дополнить тесты мне отчего-то совсем не хотелось.

Так, ладно, зеркальце отбросим сразу, им производится действие, как раз обратное указанному. Хотя, если изловчиться... Нет, все равно не то. Если выбить зеркальце у некроманта из рук, упырь мигом сожрет создателя, но вряд ли после этого сдохнет еще раз, от переедания. Скорее уж войдет во вкус; и как тогда прикажете засовывать сытую нежить обратно в могилу?

А за окном светило солнце, подтаивали сосульки, наглые синицы прыгали по подоконникам, вызывая скребя коготками по железу. Меньше всего мне хотелось думать про некромантию, кладбища и лязгающих зубами упырей. Какие, к лешему, упыри, когда весна скоро?

— Студентка Ясица, — вдруг окликнула меня некромантка.

Я подняла голову и уставилась на магистра Дэнн мрачным, проникновенным взглядом. Она усмехнулась, похоже отлично поняв все мои антинекромантские мысли.

— Хотите поддержать честь школы, adeptка?

— А что, после той олимпиады она опять шатается? — опрометчиво ляпнула я и тут же захлопнула рот. Мрыс его знает, как у магистра сейчас с чувством юмора, может и влететь...

Обошлось. Как истинная женщина, некромантка была переменчива — куда там весеннему ветру. Даже мне, с моим теперешним смутным настроением, было до нее, что пешком до Аль-Буяна. А может быть, она просто была довольна олимпиадным успехом.

— Не по некромантии, не волнуйтесь. — Шэнди Дэнн усмехнулась еще раз, кстати сказать довольно доброжелательно.

Она легко вышла из-за стола и, цокая эльфийскими шпильками, подошла к моей парте. Протянула мне пергаментный лист с каллиграфически выписанными чернильными буквами. В глаза мне сразу бросилась огромная фиолетовая печать с лыкоморским гербом. Царская воля... или спонсирование, что несколько более вероятно.

— А работу я у вас заберу, — так же доброжелательно заключила некромантка. — Тем паче вы все равно уже все закончили...

Я не успела даже возмутиться — мой листочек с недописанным тестом исчез, точно его отродясь здесь не бывало. Тем более что и спорить было бессмысленно — кто-кто, а Шэнди Дэнн отлично понимала, что я забыла повторить давешний раздел.

— Да, кстати... насчет двуручного меча я подумаю. Неплохая идея, adeptка. Совсем неплохая.

«Что же они с Рихтером, сговорились, что ли? Телепаты, у-у, мрыс эт веллер! Директора на них нет!»

Я еще раз мрачно покосилась за окно и уткнулась взглядом в пергаментный лист.

Суть написанного, за вычетом всех подходящих случаю оборотов (с трудом продираясь через изящные нагромождения фраз, я невольно вспомнила близнецов и заклятие

Эгмонта), сводился примерно к следующему.

Завтра, в десять часов утра, в нашей замечательной Академии оплоте магических наук, должен был состояться ораторский турнир, состязание между учениками разных магических школ. Нам же, юным адептам, будущим столпам магических искусств, должно знать, что слово есть предмет воздействия, часто не имеющего отношения к магии. И нам, указанным выше, подобает уметь обращаться со словом... сообразно. Да. Именно так. Ибо, как писал великий поэт древности Гум-ил-Лев:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом.
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине...

И далее в том же духе.

Пробежав глазами лист до конца, в самом низу я заметила невеликую приписку. Академия должна была предоставить место для проведения турнира (восемь кабинетов для соревнующихся адептов, один — для сопровождающих таковых магистров плюс актовый зал для проведения начальной и конечной церемоний) и сообразное число адептов-участников. Никаких подготовительных заданий последним не давалось; я вздохнула свободно, поняв, что мне не придется провести остаток вечера с пером в руке, судорожно складывая слова в завтрашнюю гениальную речь.

— Ну что? — спросила магистр, отрывая меня от чтения. — Будете участвовать, адептка Ясица?

— Буду, — не раздумывая, согласилась я.

Хельги наострил уши. Вампир явно заинтересовался, во что очередное я только что согласилась влипнуть. Он искренне завидовал Ривендейлу, сидевшему рядом со мной и давным-давно прочитавшему пергамент от первого до последнего слова.

Некромантка изящно приподняла брови.

— Тогда что вы здесь делаете? Бегом в актовый зал, адептка, вас там ждут не дождутся!

Вот они, первые плюсы от сотрудничества с администрацией! Я быстренько скинула в сумку тетрадку, чернильницу и перо, скатала пергамент в трубочку и, оставив без внимания возмущенную гримасу вампира, ретировалась из аудитории.

В актовом зале стояла привычная обстановка — приближенный к верхам Ривендейл как-то обозвал ее «богемной». Из резонанс-кабинета, в народе именуемого просто «будка», доносилась бодрая музыка. Она же, но во многожды усиленном формате неслась из огромных резонанс-талисманов, установленных по бокам от сцены. На самой сцене имелись: Вигго фон Геллерт, как всегда таинственный до невозможности, Полин в коротенькой юбке в складочку, как всегда счастливая до того же самого, и некромантка Викки Копрекорт, как всегда в узких синих штанах, с поджатыми губами и донельзя умным видом. В кресле перед сценой сидела шикарная блондинка с ногами, начинающимися примерно от золотых сережек, видно ждала Вигго: кого же ей еще оставалось ждать? Там же, в переднем ряду, помещался и наш директор — немножко испуганный, но полный решимости сделать все как надо. Помимо него здесь же присутствовали. Матильда ле Бреттэн (надо полагать, ею попытались возместить отсутствующего Эгмонта), бестиолог Марцелл Руфин Назон (с бейджилом, на всякий случай), алхимичка Эльвира Ламмерлэйк и гном Фенгиаруленгеддир. Плюс еще из будки доносился возбужденный голос эльфийки Муинны аунд Лайквалассэ,

собственно главного специалиста по организации всенародных празднеств.

— Нет, ну признай, Блейк, ты ведь заблужденец! — разобрала я, наострив ухо в сторону будки. — Фанфарам здесь не место, фанфары будут раньше!

— Сами вы... заблужденка... — мрачно бормотал в ответ адепт. — Торчат они оттуда, как... — Он явно собирался вставить соответствующий оборот, потом вспомнил, что разговаривает с эльфом, женщиной и преподавателем, и поспешно закруглился: — Ну в общем, торчат.

Дальше послушать мне не дали.

— Яльга! — звучно умилилась со сцены Полин. В порыве чувств она даже простерла ко мне руки, явно стремясь задушить меня в объятиях. Я попятилась к дверям, вняв инстинкту самосохранения. — Ой, и ты пришла! Как здорово, а!

Эту точку зрения разделяли определенно не все. Бестиолог подпрыгнул в кресле, сжимая пальцами резные ручки. Рыжая некромантка смерила меня равнодушным взглядом. К ней присоединилась и блондинистая алхимичка — не знаю, что я сделала этой, разве что не так посмотрела на фон Геллерта. Правда, в блондинкином исполнении взгляд получился скорее предупредительный, почти что как выстрел.

— Давайте на сцену, студентка Ясица, — махнул рукой директор. Он вдруг насторожился: — Или вы в концерте участвуете? Точно, была там одна такая рыженькая...

— Нет! — панически пискнула я. — Не участвую!

Люди еще лягушек до конца не забыли, какой уж тут концерт...

— Участвуете! — безапелляционно постановил директор. — С песней... как там ее... А, вспомнил! «В эту ночь решили волкодлаки перейти Границу у реки»...

— Коллега Ирий, — мягко напомнила Эльвира, — песню исполняет Анна Пипер, моя адептка. А студентка Ясица участвует в турнире. Она учится на факультете Рихтера...

— Это-то я помню, — быстро сказал директор. — А вот с концертом... Ладно, студентка Ясица, вас это не касается. Ступайте на сцену.

Я быстренько залезла куда сказали, испугавшись, что меня еще куда-нибудь запишут. Типа там «а не вы ли, адептка Ясица, раздаете победителям призовые гримуары»? Нет, коллега Фенгиаруленгеддир, студентке Ясице книг в руки лучше не давать, безопаснее выйдет...

Полин сунула мне в ладонь крошечную бумажку.

— Прочитаешь в резонанс, — шепнула она. — После меня, понятно?

Я кивнула, наскоро пробегая глазами текст. Там было про пользу риторики, про то, как замечательно она учит общаться и дружить.

— Так, внимание! — Муинна на секундочку высунулась из будки. — Включаем резонанс!

Мы спешно выровнялись в шеренгу. Полин, стоявшая справа от меня, торопливо одернула юбочку. Феминистка Викки смотрела на нее с презрительным сочувствием. «Женщины! — читалось в ее взгляде. — Сколь далеки они еще от идеала!» Полин с тем же сочувствием косилась на некромантку. «Феминистки! — явно думала она. — Что с нее возьмешь? Ни кожи, ни рожи, одни синие штаны...»

На меня никто не косился, исключая несчастного бестиолога. Я выпрямилась, перекинула косу через плечо и с трудом подавила в себе искушение изобразить на лице ведьминскую улыбку. После нее Марцелла можно будет с чистой совестью отдать на опыты Шэнди Дэнн.

— Поехали! — кивнула Эльвира.

— Кгхм! — сказал Вигго. Резонанс-заклятие привычно подхватило его голос. — Риторика — это мать всех наук. Она учит красноречию, необходимому, чтобы... пржщг... прщшш...

— Муинна! — страдальчески возопил директор. — Что там с резонансом?

— Все в порядке! — недоуменно откликнулась эльфийка.

— Может, талисман косячит? — глуховато высказался из будки адепт Блейк.

— Пржщ... прржщщ...
— Там огонечек горит? — уточнил Блейк.
— Пр-ржщщ...
— Горит-горит! — согласилась Полин. — Блейк, это у вас там неладно!
— Все у нас в порядке! — обиделся адепт. — Посмотрите, точно есть огонечек?
— Есть! — хором рыкнул весь магистерский состав.
— Ну-у... — протянули из будки. — Может, у вас говорун неправильный, а?
— Пржщщ-щ! — не согласился Вигго.

Викки смерила всех презрительным взглядом. Она подошла к алхимику, решительно выдрала у него талисман и, не особенно задумываясь, тюкнула им по ближайшей стене. Буркнув под нос: «Мужчины!» — она сунула талисман обратно Геллерту и с независимым видом встала чуть поодаль.

— Риторика, — радостно возвестил обретший голос Вигго, — учит красноречию, необходимому, чтобы вести деловые переговоры, достигать поставленных целей, а также, — он сделал смысловую паузу, — совершенствоваться в магическом искусстве. Так сказал мэтр Эллендар Четвертый, шестой Великий Магистр Ордена КОВЕНА...

— Я согласна с Магистром Эллендаром Четвертым, — громко продолжила некромантка. Она держала талисман в кулаке, сжатом так, будто им планировалось прямо сейчас поправить чью-нибудь челюсть. Благоразумный Вигго сделал попытку отодвинуться вбок, понимая, что со свернутой скулой он будет смотреться уже далеко не так симпатично, как прежде. Но сбоку стояла кулиса, перекрывшая алхимику все отступление. — Риторика строга и изящна. То, что строго, делает ее наукой, а то, что изящно, — искусством.

— А мне риторика помогла справиться с комплексами, научиться лучше понимать других людей, и... ой, я немножко забыла... — Полин хлопнула ресницами, покаянно глядя на своего декана.

— Ну так прочтите по бумажке! — велела та.

— Хорошо... — Полин оглянулась и осторожно вытащила свой обрывок бумаги из карманчика на груди. — Справиться с комплексами, лучше понимать других людей и научиться заводить себе настоящих друзей!

— Заводят блох, — пробормотал под нос фон Геллерт.

Я забрала у алхимички талисман. Главное — не торопись, Яльга, говори отчетливо...

— Я считаю, что изучать риторику необходимо, потому что она учит общаться и дружить. Давайте жить дружно!

Полин хихикнула. Еще бы — с этой фразой я сама напоминала себе лубочного пса, воспитывающего двух разгильдяев-котов. Известная, между прочим, шутка...

— Отлично, — подвела итог Эльвира. — Спускайтесь. Где там ведущие? — Это относилось уже не к нам. — Еще за кулисами или уже за дверью? А вы чего встали? — Алхимичка развернулась к нам. — Всем спасибо, все свободны, завтра здесь же полдевятого утра!

Весь вечер я провалялась на кровати с книжкой из библиотечного фонда. Книжка была интересная, историческая; Полин, вернувшаяся в девятом часу, заглянула мне через плечо, посмотрела на шикарные гравюры, изображавшие эльфийских лучников, вздохнула и полезла в холодильник. Я вздыхать не стала: в желудке уютно побулькивал обед, предоставленный кем-то из некромантов. Обед был славный, вкусный, так что есть мне почти и не хотелось.

— Я так волнуюсь, так волнуюсь! — возвестила соседка, плюхаясь на свою постель. В руках у нее обнаружилась шоколадка; шоколадка была эльфийская, большая, обернутая в звонко шелестящую гномийскую фольгу. «Двадцать серебрушек», — немедленно скалькулировала я. Как славный талисман... — Так боюсь...

— Чего боишься? — с интересом уточнила я, переворачивая страницу. — Ого, смотри, какой волкодлак!

Полин оглядела указанное. Волкодлак и впрямь был... такой, волкодлачистый. Я мигом

вспомнила описание, выданное доверчивой подруге утром первого просинца: «Высокий, вот с такими плечами, волосы светлые...» У этого в наличии имелось все вышеописанное. Плюс еще желтые глаза, пронзительные и в самом деле *волчьи*, донельзя мрачный вид и двуручный меч, небрежно перехваченный одной рукой.

— Это кто? — с замиранием сердца спросила соседка, с громким шелестом разворачивая шоколадку.

Я сверилась с надписью, приведенной внизу страницы.

— «Оборотень с двуручным мечом, приблизительно V–VI столетия от НТ».

— Нет, староват, — категорично заявила алхимичка.

— Это про меч, — после паузы пояснила я.

— А-а... ну тогда понятно... — Полин изящно дернула ногами, освобождаясь от туфель. Она залезла на кровать, перевернулась на живот и с треском разломилась эльфийскую шоколадку. — Меч — это неинтересно. Яльга, хочешь шоколадки?

— Хочу, — согласилась я.

— Держи.

Я благодарно кивнула и откусила от выделенной дольки. Шоколад был отличный, но молочный, с орехами, изюмом и дробленным печеньем. Я же предпочитала горький, желательнее соленый и без добавок. Хотя пробовать такой мне довелось только один раз, того *правильного* шоколадного вкуса я так и не смогла забыть.

— Так чего ты боишься? — напомнила я, переворачивая страницу.

— Завтрашнего турнира, — невнятно объяснила алхимичка: рот ее был набит шоколадом. — Представляешь, выхожу это я — и перед всей аудиторией...

— И что дальше? — честно удивилась я.

— Что — что... — Полин дернула плечиком, досадуя на недогадливость собеседницы. — А вдруг они слушать не станут?

— А мы их тогда ломиком... — в тон алхимичке процитировала я.

— Щас! Ломиком! Там такие лбы приедут, им тот ломик как слону иголка... Представляешь, — алхимичка оживилась, отломилась еще один кусочек, — Эльвира говорила, что приедут эти, из К-Детского корпуса! Говорят, они в форме ходят, почти как в армии...

— Из какого корпуса?

— Ну ты даешь! — поразились непосредственная девица. — Не знаешь про Детский корпус? Он королевский, поэтому там буква «К»... Говорят, спецшкола для детей дипломатов. Военных опять же или там этих... которые вроде как почетные заложники от правящих домов других государств. В общем, элита. Что им твой ломик?

— Вот так сразу и мой, — буркнула я, дожевывая шоколад. — Твой, если уж на то пошло. Кто боится?

— А то ты не боишься.

Я честно прислушалась к себе. Внутри было тихо и пусто, только мурлыкал желудок, довольный обедом, жизнью и неожиданным кусочком шоколада.

— Да нет, вроде не боюсь. Нет, правда! — Полин смотрела на меня недоверчивыми глазами, так что все, что мне оставалось, — это честно пожать плечами. — Перед олимпиадой боялась, а теперь чего-то и не боюсь...

— Еще бы, — кисло протянула алхимичка. — Ты же у нас Яльга Ясица, гордость факультета. Мечта вашего декана во плоти.

— Не-э, — решительно отказалась я от столь многообязывающего звания. — Мечта — это существо потише, поспокойнее и попредсказуемее. Рихтер мне до сих пор лягушек вспоминает, а про мгымбра и говорить не хочется...

— Ну, — глубокомысленно изрекла девица, — тогда понятно, чего он так охотно смылся на войну...

Полин слизнула с фольги последние крошки, тщательно скомкала ее в тугой комочек и прицельно запустила им в мусорную корзину. Промахнулась; обиженно надув губы, алхимичка сложила пальцы в соответствующую фигуру и попыталась слевитировать

комочек куда следует. Заклинание пока получалось у нее плохо: комочек мотало тудой-судой как пиратский фрегат при десятибалльном шторме.

— Кто-то, кажется, собирался сесть на диету, — задумчиво изрекла я, наблюдая за постепенно стерженеющей подругой.

— Есть!! — выдохнула Полин, стукнув обоими кулаками по подушке. Комочек все-таки рухнул куда надо, ухитрившись вписаться в невероятно крутой поворот. — Что ты сказала?

— Фигуру, говорю, кто-то собирался блюсти, — напомнила я, пролистывая сразу четыре страницы.

Полин посмотрела на меня с некоторым беспокойством. С полмесяца назад она присмотрела себе в одной из лавок какую-то очередную обновку, по описанию — аккурат Мечту Всей Жизни Полин. Мечта, подумав, решила остаться недостижимой — примерив, алхимичка поняла, что оно, конечно, застегивается, но рисковать все-таки лучше не стоит. Мечты же размером больше в лавке не нашлось.

С этого момента в жизни Полин появился отчетливый смысл. Помимо смысла там возникли: лента с сантиметровыми делениями; две гантельки весом по полкило, надежно убранные под кровать; куча журналов с упражнениями; и — как апофеоз — эта самая Мечта, торжественно принесенная из лавки. При мне Мечту примерять не стали. Вместо этого алхимичка повадилась вынимать ее каждый вечер из шкафа и, грустно поглаживая ткань ладонью, пролистывать фигуроспасительные журналы. У меня слезно просили тренировочный меч; я отказывала, объясняя, что фехтование у нас только с третьего курса, но мне, кажется, так и не поверили до конца. Гантельки же, явно уступающие мечу в обаянии, тихо пылились под кроватью.

— Шоколад для фигуры не вреден, — с некоторым сомнением сказала Полин. — И вообще, я же сказала, что нервничаю! А в шоколаде эти, как их там... эндорфины, вот!

— Так чего ты нервничаешь? — не поняла я, решив пропустить ругательных эндорфинов мимо ушей.

— А-а, тебе легко говорить! Ты же у нас Яльга Ясица, гордость факультета!..

«Все», — привычно поняла я. С этого момента Полин, прочно заиклившаяся на одном обороте, уже практически не нуждалась в собеседнике.

Утром в четверг я проснулась конкретная, собранная и какая-то... хм... концентрированная, что ли? За ночь мысли стали коротенькими, ясными и четкими, как удар заклęcia Эгмонта, — в общем, думать было теперь одно удовольствие. Посмотрев на алхимичку, свернувшуюся в рулетик и тихо посапывавшую носом, я решила не зажигать свечи.

В комнате царил утренний полумрак. За окном все было синее и прозрачное, как будто затопленное темной акварелью. Падая снег; кажется, по двору мело, но в этом я была не слишком-то уверена. Там же внизу бродила одинокая коренастая фигурка с лопатой, воинственно топорщившая оледенелую бороду. Гном-завхоз готовился к приему гостей.

Развлечения ради я сотворила из воздуха небольшой шарик, заклинаниями раскрасила его в симпатичный голубой горошек и стала отрабатывать навыки телекинеза. Простенькая левитация по горизонтали, вертикали и диагонали благодаря осенней тренировке с элементарью и дверью выходила у меня на ура. Более же сложные движения пока что получались немногим лучше, чем у Полин. Но я раз за разом продолжала отрабатывать прием, вынуждая шарик вырисовывать в воздухе геометрические фигуры. Для упрощения я приделала шарiku нетающий дымный шлейф.

Элементарь опасливо наблюдала за шариком, наполовину высунувшись из дверной доски.

Полвосьмого я решительно потыкала Полин в бок. Алхимичка протестующе забурчала, переворачиваясь на правый бок и отгораживаясь от меня подушкой. Но эти бастионы разделили участь тех, западных, в итоге сдавшихся на милость маркграфа Эккехарда. В роли маркграфа, понятно, выступала сейчас я.

— Полвосьмого, — возвестила я, когда недовольная алхимичка приоткрыла опухший глаз. — Подъем.

— Сколько?! — Полин взлетела на ноги, сбив одеяло на пол. — Полвосьмого?!

— Ну да, — недоуменно ответила я. — Еще целый час есть...

Алхимичка смотрела на меня совершенно шальными глазами.

— Всего лишь только час! Яльга, мне еще и одеться, и накраситься, и вообще... Позавтракать там... Ты что, не могла меня раньше разбудить?!

— Предупреждать надо, — обиженно буркнула я. — Нет чтобы спасибо сказали, еще и бочку катят!

— Спасибо, — хмуро послышалось в ответ. — Большое.

— Пожалуйста. — Я пожала плечами. — Всегда к вашим услугам.

Алхимичка безмолвным угрызением совести стояла у своей кровати. Ночнушка у нее была дорогая, с вышивкой: по нежно-розовому шелку эльфийского производства летали микроскопические купидончики с натянутыми луками в руках. Луки у малюток были качественные, экстра-класса, прицельно бившие на шестьдесят шагов против обычных пятидесяти — сразу видно, вышивкой занимались профессионалы. Кружавчатый подол, кончавшийся на ладонь выше коленей (эта длина, кстати, и стала причиной покупки), мерно колыхался в порывах сквозняка.

— Простынешь, — хладнокровно предупредила я. — Снежень на дворе... да и кто-то вроде как торопился...

Метнув на меня еще один покаянный взгляд, Полин скрылась за дверью душа.

Пока алхимичка наводила марафет, я, не особенно торопясь, вытащила из шкафа свой не столь уже и небогатый гардероб.

Спасибо олимпиадной стипендии — теперь у меня имелись новые штаны, на порядок лучше прежних. По старой привычке, приобретенной через общение с гномами, я выговорила себе в тот раз скидку — за эти брюки, прочные, плотные, достаточно удобные и очень красивые, с меня спросили всего лишь пятнадцать золотых. Понятно, в таких штанах на практикум по боевой магии не придешь: они были прямые, официальные и допускали не такой уж широкий размер шага, как бы мне того хотелось. Зато мои ноги приобретали в них прямо-таки умопомрачительную стройность.

Опять-таки и сапог под ними почти не было видно.

За штанами последовала кофточка. Понятное дело, она была белая: для официального костюма только то и требуется, по крайней мере так объяснил мне торгующий эльф. На нее скидки мне уже не дали, но я была рада и так: каких-то десять золотых за отличную кофточку с хох-ландскими кружевами — это совершенно смешные деньги.

Я села на кровать, тщательно зашнуровала сапоги. Опустила штанины поверх голенищ: ничего не топорщилось, а магически отреставрированные носки смотрелись вполне прилично, не слишком-то портя картину.

И только теперь я приступила к главному.

С нижней полки я достала маленький черный сверток. Встряхнула его, расправляя; ткань легла очень ровно, оправдывая звание эльфийской, и я, посмотрев на *изделие* пару секунд, решительно натянула его через голову.

Это было бандо — так его отрекомендовал мне тот эльф. Широкая полоса ткани, охватывающая туловище от талии до груди, нечто вроде отрезанного лифа от бального платья Полин. Оно было черное, как и штаны; впереди имелась шнуровка, и я, шагнув к зеркалу, осторожно подтянула ленту.

Да. Вот так было здорово. Я не забыла еще Нового года, не забыла полужнакомой девицы, смотревшей на меня из зеркала. Красивой девицы, выглядевшей почти как эльфийка... То, что имелось сейчас, было совсем другим. Но оно нравилось мне ничуть не меньше.

— Я-альга... — выдохнула Полин, явившаяся из ванной. Я обернулась к ней: алхимичка была уже накрашена, на ее волосах красовались розовые рогульки — магические

бигуди, купленные ею на последний родительский перевод. Поверх ночнушки она накинула халатик примерно с тем же тематическим узором. — А что это за штука? Которая поверх кофточки?

— Это? — Я задумчиво посмотрела на отражение. — Это бандо.

Судя по виду, алхимичка была поражена. Не столько самим нарядом — встречались и покруче — сколько тем, что я, оказывается, разбираюсь в терминологии современной моды.

— Вот как... — наконец констатировала она. — Ты меня подождешь, я пока оденусь?

— Подожду, — согласилась я, нащупывая взглядом расческу. — Ты мне тени не одолжишь? Хотя нет, лучше подводку, тушь и что-нибудь из помад?

Ошеломление в соседкиных глазах постепенно достигло апогея. Наконец она как-то странно дернула головой, — похоже, это надлежало рассматривать как кивок.

— Вот и славно, — заключила я, одним жестом распахивая дверь ванной.

Волосы были чистые, расчесывались легко. Я заплела косу, несколькими пассами свернула ее втрое и укрепила полученную конструкцию на макушке. В такой прическе было несколько плюсов: помимо подчеркивания линии шеи она изрядно улучшала мне осанку, произвольно оттягивая голову назад. Коса у меня была добрая, не то чтобы в руку толщиной, но все-таки.

Полин уже оделась, правда наполовину. Теперь на ней имелась розовая кофточка с рюшечками вокруг выреза — заценив, как рюшечки подчеркивают грудь, я уважительно приподняла бровь. Стоя посреди комнаты в кофточке, сережках, бусиках и стрингах, Полин мучилась выбором: чего бы выбрать из юбок или брюк.

— Яльга! — Ко мне она бросилась как к родной. — Что мне надеть?

В голове у меня было пусто, поэтому я брякнула:

— Мечту!

— Какую? — недоуменно переспросила алхимичка. — А-а, ту... — В глазах у нее появилось некоторое сомнение. — Думаешь, стоит?

Я честно пожала плечами. Насколько я знаю соседку, главное чтобы она примерила хоть что-то, а дальше дело пойдет само собой. С сомнением посмотрев на меня пару секунд, она полезла в шкаф. Через минуту Мечта была извлечена на свет.

Это были штаны, сшитые из черной эльфийской замши, узкие и прямые, как того требовала самая последняя мода. Нечто подобное я уже видела на какой-то из некроманток; смотрелось просто шикарно, — видно, заметила не только я. Полин тоже все заценила и, по всегдашней привычке, готова была перейти к непосредственным действиям.

— Надевай! — подбодрила я, поняв, что алхимичка колеблется.

Полин предусмотрительно села на кровать. Штаны шли туго: ещё бы, они мало того что были новехонькие, так еще и сама конструкция предполагала максимально тесное прилегание. Эльфийская замша оправдывала потраченные на нее деньги: не знаю уж, чего там комплексовала Полин, ноги у нее в этих штанах получались вполне приличные. По крайней мере, не хуже, чем во всех остальных.

Алхимичка встала. Втянула живот. Втянула еще раз, более основательно. Быстро, пока воздух снова не запросился в легкие, она защелкнула верхнюю застежку на талии. Выдохнула, как наш фехтовальщик, демонстрировавший старшекурсникам, как именно надо наносить удар. Повторила всю цепочку; итогом сделалась вторая кнопка, с третьей попытки занявшая положенное место.

Полин растерянно повернулась ко мне — и я поняла, что именно так огорчало алхимичку.

У каждой женщины есть своя проблемная зона. У Полин это были талия и живот. Если на ногах штаны смотрелись вполне достойно, то выше начиналась полная порнография: не шибко-то объемное пузико Полин тем не менее не терпело посягательств на свою свободу. Смирившись с волей хозяйки, оно позволило затянуть себя в тесную ткань, но спереди и по бокам все равно свисало маленькой, но вполне ощутимой складкой. Застежки поскрипывали, намекая на несообразный размер штанов.

— Ну что? — безнадежно спросила алхимичка.

Я задумчиво прикусила губу, не зная, что сказать. Приняв это за ответ, Полин развернулась к зеркалу; пару минут она мрачно смотрела на талию, потом плюхнулась на кровать и хмуро уставилась на ноги, обутые в пушистые тапки.

Я поняла, что ситуацию пора брать под контроль.

Времени оставалось мало, настроение у Полин уже было ниже плинтуса — а она все-таки была мне подругой, это не следует забывать. Даже если она сейчас переоденется — а она переоденется, это факт, — все равно турнир будет уже испорчен. К тому же надеть Мечту посоветовала именно я.

— Подъем, — максимально командно приказала я.

— Зачем? — Полин подозрительно покосилась на меня снизу вверх.

— Затем, — отрезала я. — Будем реанимировать ситуацию.

Нехотя она встала. Я положила расческу на туалетный столик (он же — тумбочка прикроватная, он же — хранилище тетрадей, он же...) и подошла к подруге.

По неизъяснимым законам физики в сидячем положении живот занимает больше места, чем в стоячем. Обе кнопки оказались расстегнуты; я привычно размяла пальцы, вспоминая нужное заклятие.

— Живот втяни.

Это заклинание в принципе было достаточно простым. Вся беда была в том, что снять его мог только наложивший; учитывая же, что заклинание максимально прочно скрепляло между собой составные части (в данном случае кнопок), у Полин имелся шанс спать теперь именно в этих штанах. Это если я не приду этим вечером ночевать.

По крайней мере половина проблемы была решена. Оставалась вторая; в принципе имелась и третья — вся Полин в целом, глядевшая на мои действия без особого энтузиазма, но тут у меня уже не было никаких идей. Разве что старая насчет двуручного меча... ибо проблемы, подобные этой, можно решить только лишь радикально.

Вторая половина... хм...

Оставив недовольную жизнью Полин пялиться в смутившееся от такого внимания зеркало, я решительно распахнула дверцу ее шкафа. На ней же, но с внутренней стороны, имелась такая металлическая штука, на которую алхимичка вешала пояса. С минуту пощелкав пряжками, я нашла что хотела и вынырнула наружу с широкой лентой из черной лакированной кожи. Пряжка на поясе имелась серебряная, в виде волчьей пасти с нехорошими рубиновыми глазками. Пояс был такой, «готичный», как выражался Хельги, натасканный в вопросах моды всеми своими пассиями. С Полин он сочетался меньше всего, но это была уже не моя забота. Подойдя к алхимичке, я обернула пояс вокруг ее талии и, подвигав его вверх-вниз, определилась с маскируемой зоной. Волчья пасть, правда, вызвала у меня некоторые затруднения — в столь сложной технике я разбиралась плохо, — но в итоге все вошло куда и должно было войти. Серебряный штыречек надежно укрепился в дырочке, оправленной, ясен пень, тоже серебром. Я отошла на пару шагов, критически осмотрела сотворенное.

Вроде получилось неплохо.

Полин, критически смотревшая на себя в зеркало, похоже, пришла к точно такому же мнению. Мне было сказано «спасибо», правда довольно кислое — известно, для женщины нет ничего грустнее, чем исчезнувшая причина пожалеть себя. Подергав пояс вверх-вниз — закрепленный на минимальной дырочке, он сидел прочно, — алхимичка полезла в шкаф за туфлями.

— Косметику дай, — напредила я, решив, что процесс выбора может затянуться надолго. Лезть же с советом во второй раз... не-эт мне и одного хватило. У меня воображение не бесконечное.

— Там в тумбочке маленькая косметичка, — не оборачиваясь бросила Полин. — Возьми что понравится... — Она немножко подумала и развернулась ко мне лицом, на котором немедленно обнаружилась некоторая задумчивость. — Кроме такого фиолетового

бутылочка с надписью на эльфийском. И кроме теней, голубеньких с серебром. И кроме...

— Подводку, тушь и блеск мне взять можно? — прервала я ее, не без оснований испугавшись начавшегося было перечисления.

Полин подумала. В глазах у нее отчетливо прыгали нолики.

— Можно, — наконец согласилась она.

Косметикой я пользовалась в первый раз и оттого немножко боялась. Насчет блеска все было просто: с него я и начала, решив, что накрасить губы сможет, верно, каждый. Получилось, кстати, с новой же попытки: а собственно, у кого бы не получилось, всего-то дел — водить тюбиком по губам.

С тушью было немножко сложнее. Во-первых, я знала, что ее накладывать не так-то просто. Во-вторых, Полин всегда красила ресницы в самый последний момент, то есть после подводки — а подводки я боялась сильнее магической войны. Признаться, я бы предпочла и вовсе обойтись без косметики, но мне предстояло выступать, возможно с большого расстояния, а это значит, что нужно подчеркнуть глаза и рот. Иначе все сольется, к мрысам собачьим.

Ладно, мрыс с ним... или я уже повторяюсь? Решительно, точно на экзамене, я открыла крышечку с подводки.

Подводка мне попалась коричневая, а не черная. Подумав, я решила, что оно и к лучшему — я же не вампиша и не радикальная брюнетка (что в принципе почти одно и то же, ибо вампиши все как на подбор или радикальные брюнетки, или не менее радикальные блондинки). А коричневый — это как-то мягче, ненавязчивей.

Вот.

Рука, поднесенная к векам, изрядно дрожала. Сбрав всю волю в кулак, я прекратила недостойный тремор и, скрестив пальцы на обеих ногах, прикоснулась влажной кисточкой к коже.

Я решила подвести не верхнее, а нижнее веко — быстрее, ярче и надежнее. Глаза подчеркнет, а большего мне и не надо — кто его знает, вдруг мне не пойдет восточный макияж? Потом стирай его, все равно размажется...

Накрасив один глаз, я поймала себя на том, что машинально приоткрываю рот — уж не знаю для какой необходимости. Попробовала закрыть; не-а, с открытым выходило как-то естественнее и проще.

Надо будет у Полин спросить, отчего оно так происходит...

Вот сейчас и начиналась основная сложность. Как сделать так, чтобы макияж вышел симметричным? Мрыс бы его знал, честное слово... больше всего я боялась, что глаза у меня получатся разные. У-у, как все просто было с блеском! Рот у меня хотя бы один...

Черта под вторым глазом вышла немножко ровнее, чем под первым: чувствовался некоторый опыт. Я чуть отодвинулась от зеркала, проверяя себя на симметричность.

Ну разумеется, вторая черта вышла длиннее!

Выругавшись тихо, но нецензурно, я чуть удлинила первую. Сравнила.

Теперь длиннее получалась уже она.

Мр-рыс эт веллер келленгарм! Подавив в себе желание смыть это все, ко всем... хм-хм... в общем, мифологическим элементам, я снова взялась за кисточку. Так. Здесь недостает примерно миллиметра, вот его сейчас и нарисую. Так, так... и еще чуть-чуть...

Есть!!!

— Ну что, ты все? — Сзади образовалась Полин, уже определившаяся с обувью. Я краем глаза посмотрела на ее ноги; там имелись черные бархатны туфли а ля балетки, каждая из которых была перехвачена широкой черной же лентой.

— Тушь осталась... — Я дернула помянутое за крышку, но она держалась стойко. — Мрыс дерр гаст! — Я дернула еще раз, крышка протестующе затрещала, но сдаваться и не собиралась. — Почему оно не открывается?

Полин посмотрела на меня немножко странно.

— Потому, что оно откручивается, — после паузы пояснила она.

Все. Крыша едет, дом стоит. Я быстренько открутила упрямую крышку, окунула кисточку в тушь, с некоторым трудом вытащила ее обратно. Щетинки изо всех сил цеплялись за стенки тюбика, явно стремясь остаться в более привычной среде.

— Когда красить будешь, кисточкой делай туда-сюда, — подсказала из-за спины Полин.

— В смысле, вверх-вниз? — уточнила я.

— Ага, и еще вправо-влево...

Я попробовала. Тут главное было не моргать — тушь я выбрала хорошую (Полин только вздыхала), комочков в ней не имелось. Я с некоторым трудом прокрасила дальние ресницы, располагавшиеся у внешнего угла глаза.

Со вторым проблем уже не возникло. Вдохновленная победой над подводкой, я накрасила его буквально на счет раз.

Полин тем временем снимала с волос бигуди, попутно расправляя волосы руками. Прическа у нее немножко стояла дыбом, как грива у льва на потешном лубке.

— А сколько времени? — вдруг вспомнила я. — А, элементарь?

— Двадцать пять минут девятого, хозяйка! — по-армейски вытянувшись во фрунт, отчеканила флуктуация.

— Сколько? — Я едва не выронила тюбик с тушью из рук. — Двадцать пять минут?!

— Теперь уже двадцать шесть, — пунктуально поправила элементарь.

— Все, нас уже нет! — Я щелкнула пальцами, отправляя тушь, подводку и блеск Полин на тумбочку. Щелкнула еще раз; алхимичка протестующе завопила — еще бы, магически ускоренные бигуди с боем выпутывались из ее волос. — Зато быстро, — пояснила я. Ухватила подготовленную с вечера сумку: перо, чернильница, пара пергаментных листов. Амулет-запоминалка — на всякий случай. — Все, вперед!

Мы вихрем промчались по этажу, пугая немногочисленных встречных испуганным видом. За окном, как я отметила мимоходом, было уже светло; углубляться в описание пейзажа было уже некогда, все мое внимание занимала сумка, перекинута через плечо и ощутимо бившая меня по правому боку. Не знаю, чего в ней было такого острого, но — ручаюсь! — оно там было.

Тридцать ступеней лестницы, ведущей на третий этаж; еще полтора коридора, преодоленные в том же стремительном темпе; я все-таки вырвалась вперед, оставив Полин пыhtеть за моей спиной, — помимо пыhtения оттуда неслись ругательства на эльфийском и невнятные требования остановиться и подождать.

Я влетела в переход, распахнув дверь прицельным пинком. По моим расчетам, минуло от силы две минуты; у нас оставалось еще три, этого времени должно было бы хватить.

— *Ellen vigdis ag mo gau...* — неразборчиво твердила алхимичка. — *Ar den delle...*

«Надо же», — мимоходом отметила я. Как говорил один мой знакомый эльф, это я только кажусь такой хороший мальчик, а на самом деле я ругаться по-гномиийски умею...

Мы успели. Более того, мы успели прежде всех, ибо актовый зал был закрыт, а у дверей его было как-то подозрительно пусто. Не поверив глазам, я посмотрела в замочную скважину; внутри было пусто и грустно, только школьный призрак Афилогет кружился вокруг хрустальной люстры. Люстра чем-то напомнила мне ту, ковенскую; судя же по тому, какие зверские гримасы строил призрак, ожидала ее приблизительно та же судьба.

Я оперлась о мраморный заборчик, устало плюхнув сумку на мраморный же пол. Полин молчала, сосредоточенно дыша: похоже, ее лингвистический запас был невелик и успел уже иссякнуть.

— Ну и где все? — едва отдышавшись, спросила алхимичка.

Я красноречиво пожала плечами.

— Я что, выходит, зазря пожертвовала завтраком?

— Внизу столовая, — мрачно сказала я, для пущей убедительности ткнув пальцем в пол. Оттуда и впрямь доносились какие-то запахи; впрочем, назвать их вкусными не посмел бы и самый отъявленный лгун. — Деньги у тебя есть, сходи и поешь.

Полин ехидно хмыкнула:

— Нет, мы что, приперлись слишком рано?

— Не знаю. — Скучный запас терпения уже подходил к концу. — Подожди еще три минуты.

Алхимичка собралась было что-то ответить, но в коридоре послышались торопливые шаги. В предзальный закуток вошел Вигго, с ним — вчерашняя девица, теперь наряженная в платье цвета морской волны. За ними сюда же просочилась adeptка с патриотичной фиолетовой папкой в руках. Из папки выглядывали дорожные бумажные листочки.

Спустя еще полминуты к нам присоединился adept, не знаю уж, с какого факультета, — в руках у него была точно такая же папка. Он держал ее лицевой стороной вверх, и я увидела, что на ней золотом вытиснено изображение геральдической ковенской совы.

Стало тесно. Меня прижали было к заборчику, но я ухитрилась вывернуться — сомневаюсь, что полторы минуты полета с последующим приземлением на жесткий каменный пол принесут мне такую уж несказанно великую радость.

Adept и adeptка с папками перебрасывались тихими фразами — судя по патетическим ноткам, они повторяли текст. Вигго и девица, притиснутые друг к другу, ничуть не возмущались, а занимались дальнейшим уплотнением. Полин косилась на них с тихой завистью во взгляде. Я примерно так же косилась на привидение, вылетевшее наружу через дверь. Кто-кто, а вот Афилогет уж точно не нуждался в ключах, потому как сам по себе был универсальной отмычкой.

Обстановка потихоньку накалялась — исключительно за мой счет, потому что все остальные были вполне довольны жизнью. Я начинала злиться; вообще-то Эльвира была довольно пунктуальна, и если она сказала прийти к половине девятого, значит, с последним ударом часов ей самой уже должно быть здесь.

Наконец дверь распахнулась, и на пороге возникла алхимичка. Вид у нее был мрачный, глаза метали молнии — народ непроизвольно собрался в кучку и отодвинулся в самый дальний угол. Наиболее проворно это проделали Вигго, Полин, блондинка в платье и adeptка с папкой, что немедленно охарактеризовало ее как опытную Эльвирину ученицу.

Одарив нас всех взглядом, весьма далеким от хоть сколько-нибудь ласкового, магистр достала из воздуха тяжелую связку ключей. Я вздохнула: связка была моей заветной мечтой, ибо открывала практически все двери. После истории с мгымбром половина замковых элементарей отказалась мне подчиняться; вторая, впрочем, подчинялась еще более рьяно, что немножко компенсировало предательство первой.

Замок проскрежетал нечто недружелюбное, но все-таки открылся. Одним взглядом отпугнув дернувшегося за нами Афилогета, Эльвира зашла внутрь и зажгла несколько свечей на задумчиво покачивающейся люстре.

— На сцену, — хмуро приказала алхимичка.

Adept и adeptка привычно перехватили свои папки.

Следующие пять минут дверь то и дело открывалась. С перерывами минуты в полторы-две внутрь просачивались: Марцелл Руфин Назон под ручку с Матильдой ле Бреттэн; эльфийка Муинна аунд Лайквалассэ с тяжелым осветителем на плече; некромантка Викки в прежних зеленых штанах; adept Блейк со вторым осветителем (тот, кстати, был соединен шнуром с первым, так что я не знаю, как это они их несли). Еще секунд через двадцать пришел и директор, в праздничном синем плаще с гербами. Вид у него — у директора, не у плаща — был еще более испуганный, чем обычно. Не иначе как он заранее прикидывал все возможные исходы.

Задумчивый директорский взгляд то и дело обращался в мою сторону. Я вертелась на стуле, малость смущаясь от такого внимания, тем более что отлично понимала его причину: «коллега Ирий» явственно сожалел о преждевременной войне, вынудившей незаменимого магистра Рихтера оставить опасную студентку без охраны.

После директора в зал явился гном Фенгиаруленгеддир. Вот уж кто был абсолютно

спокоен: спокойствие это излучала даже борода, по случаю торжества заплетенная в хитрую косу. На меня гном смотрел с явным ободрением; не применяя эмпатических чар, я могла сказать, что на языке у магистра так и вертится: «Давай, девочка, покажи этим где раки зимуют!» От этого я смущалась еще больше, не будучи до конца уверена в точной локализации означенной зимовки.

Марцелл тоже через раз косился в мою сторону. Но на него я старалась не смотреть: совесть и без того проскребла в душе изрядную дырку.

Аспирантка же ле Бреттэн развила тем временем нешуточную деятельность. Воспользовавшись отсутствием Эльвиры (алхимичка, по-прежнему мрачная, пошушукалась с директором, а после, ничего не объясняя, тихо исчезла), она организовала ведущих так, что текст отлетал у них практически от зубов.

Проследив за процессом, я невольно удивилась тому, сколь нелогично человек выбирает себе профессию. В качестве преподавателя боевой магии Матильда ле Бреттэн котировалась на уровень ниже не то что Эгмонта, а даже и бестиолога. В качестве же массовика-затейника она, как оказалось, не знала себе равных.

— Читайте громче! — командовала она, грозно глядя на съезжившуюся от такого напора девицу. — Вас из зала должно быть слышно даже на дальних рядах!

— Коллега ле Бреттэн, — счел нужным вмешаться директор, — может, мы лучше подключим адептке резонанс-талисман?

— Вы думаете? — подозрительно уточнила аспирантка. — А вдруг оно не сработает? Как вчера, помните?

— Сработает, сработает! — высунулась из будки эльфийка.

— Н-ну попробуем... — уже не так уверенно протянула магичка. Я заподозрила, что она забыла про усиливающие талисманы.

Нервная Полин по тысячному разу перечитывала текст, запечатленный на ее бумажке. От усердия она даже шевелила губами; мне повезло немножко больше, свой текст я запомнила с первого раза. И одни боги теперь знают, куда я задевала ту бумажку...

От нечего делать я листала учебник по некромантии, случайно оказавшийся у меня в сумке. Как выяснилось, именно его острый край и бил меня по бедру.

«Тема шестая. Бронзовые зеркала. История применения бронзовых зеркал в некромантических целях началась предположительно в VI тысячелетии от НТ. С тех пор техника работы значительно изменилась; в современной магии используются зеркала только гномьей работы, желательно — полированные с двух сторон. Некоторые ученые предлагают внедрить вместо бронзовых зеркал медные, однако это может сильно изменить магическое поле, которое...»

— Яльга!

— Что? — вскинулась я, захлопывая книгу.

— Пошли на сцену! — Полин, уже засунувшая бумажку в крошечный карманчик, нетерпеливо пристукивала каблуком.

— Так сразу бы и сказали, — проворчала я, запихивая учебник обратно в сумку. Запихивалось с трудом: небольшая книга, к тому же развернутая по диагонали, категорически отказывалась проходить в соответствующую дырку. Поняв это, я ругнулась и повернула книгу как надо, по вертикали.

Вежливый Вигго встал слева от лесенки и подал руку — сначала Полин, потом Викки, потом мне. Полин с готовностью оперлась на поданное, Викки смирила алхимика презрительным взглядом, так что мне помощь предложили уже с некоторой опаской. Я решила не обижать воспитанного адепта.

— Отличная идея! — немедленно вспылала энтузиазмом аспирантка. — Вот точно так же и на выступлении сделайте! Пускай гости видят, какие у нас адепты вежливые!

Феминистка-некромантка фыркнула со сцены. Ее представления о вежливости определенно расходились с Матильдиными.

Зал потихоньку наполнялся людьми. Народу прибывало; мы слезли со сцены, решив не пугать впечатлительных адептов собственными риторическими изысканиями. К тому же среди прибывших явно были и гости, все как один одетые в форму (свою форму, понятно, не нашу — у всех она была разная, но выглядело все равно здорово). Полин, зорко оглядывавшая зал, ткнула меня острым локотком под ребро.

— Вон там, видишь? — жарко зашептала алхимичка мне на ухо. — Вон те — это из К-Детского корпуса! Мундиры прям как военные, правда?

Я неуверенно пожала плечами. Военных мундиров я не видела еще ни разу.

Мы зарегистрировались, спустившись для этого на первый этаж. Получили программки, написанные не иначе как специальным заклятием: уж больно красивые и ровные там были букочки. На программке среди прочего были указаны и кабинеты; нам, адептам первого курса, достался родной до боли общемагический, что Полин сочла добрым знаком. Судьями же должны были быть совершенно незнакомые мне личности: в частности, значились там некто С. Г. Баркинг, О. В. Отраснер и — в этом месте мне почудилось нечто знакомое — В. Д. Щербинец.

— Слушай, а что это за Щербинец? — шепотом уточнила я у Полин.

Соседка закатила подкрашенные глазки:

— О, да ты ее знаешь! Это Вирра Джорджовна, из ковенского отдела по контролю над образованием. То ли их директор, то ли еще кто... Ну маленькая такая, круглая... волосы еще светлые...

— А-а, так это она? — Я немедленно вспомнила соответствующую личность и пожалела, что учусь именно на первом курсе.

Ладно, боги с ними. Будем поглядеть.

Народ шел и шел. Турнир все никак не начинался; ведущие разбежались по разным кулисам, Полин вытягивала шею, пытаюсь найти среди гостей хотя бы одного знакомого, я боролась с собственными нервами. Нет, я не боялась... это было что-то другое, не слишком-то мне понятное. Может быть, обыкновенный страх перед публикой.

Собственно, бояться мне было нечего. Я чувствовала, что публика эта будет у меня в руках; читая свою фразу со сцены в резонанс, я поймала себя на том, что неосознанно применяю... нет, не чары. Просто делаю так, чтобы мне меня слушали все: и директор, и Фенгиаруленгеддир, и Матильда, и Муинна. И даже адепт Блейк — его я считала самой большой своей удачей. У всех студентов, занимающихся звуком, со временем появлялась своеобразная защита: ничто из происходящего на сцене не могло отвлечь их от отлаживания сообразного звучания. Наверное, иначе здесь было не выжить — Марцелл же вкручивал нам что-то про адаптацию...

Это тоже была власть. И как любая власть, она была очень притягательна. Я с нетерпением ждала той минуты, когда получу нормальную аудиторию — ведь не назовешь же таковой шестерых человек, из которых пятеро — твои магистры! Нет... но что же будет, когда меня станет слушать целая комната — человек, наверное, с двадцать?..

Пожалуй, мне стоит быть поосторожнее. Ведь я же пока еще не дракон.

Хотя это как раз дело поправимое.

Наконец из резонанс-талисманов загремела торжественная музыка. Если я не ошибаюсь, это были как раз фанфары; интересно, кто же — Муинна или Блейк — признал-таки себя заблужденцем?

Зал затих — не сразу, постепенно. Подловив нужный момент, Матильда махнула рукой — из кулис, сообразно неспешным шагом, вышли оба ведущих с папочками в руках. Они встретились на середине сцены (музыка как раз достигла апогея) и дальше пошли уже вместе — хотя лично мне сперва показалось, что они вот так и разойдутся, снова каждый в свою кулису. Наверное, по половому признаку.

Адептка с папкой робко кашлянула. Заметив это, Блейк плавненько свел звуковое сопровождение на нет.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...

«Где-то я это уже слышала», — подумалось мне. Или не слышала. Или, скажем, читала. Девушка тем временем замолчала. Ее напарник молчал с крайне значительным видом, глядя в зал. Поняв, что это может и затянуться, умная адептка незаметненько ткнула его локтем в бок. Видно, девица не пожалела сил: адепт востепенулся, перехватил папку и бодро отбарабанил:

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине!

Это была уже Матильдина школа. Именно аспирантка упирала на то, что стихи, читаемые со сцены, должны произноситься звонко, энергично и... как бы это сказать? Маршево, что ли.

Полин, сидевшая в соседнем кресле, нервно кусала губки. Я несколько секунд наблюдала за алхимичкой, потом поняла, что вдумчиво обгрызаю собственный ноготь, одни боги знают когда успевший очутиться у меня во рту. Проглотив «мрыс дерр гаст!» вместе с отгрызенным кусочком, я вытащила палец изо рта и уставилась на сцену.

На сцене не происходило ровным счетом ничего интересного. Поняв это, я открыла сумку и вытащила оттуда родной учебник. Вот бы Шэнди Дэнн меня сейчас увидела, то-то бы порадовалась такому рвению в постижении некромантических азов...

Народ с соседнего ряда смотрел на меня странно, но я решила не обращать на него внимания.

Краем уха я продолжала следить за тем, что говорят ведущие, чтобы, не приведи боги, не прозевать момента выхода на сцену. Полин переключилась теперь на пальцы — маникюр у нее был дорогой, и, чтобы его не испортить, алхимичка покусывала согнутые фаланги. Выглядело это интересно, еще, пожалуй, круче, чем я с учебником по некромантии наперевес.

О, кажется, и наша очередь подошла. Я быстренько запихнула учебник обратно в сумку. Та протестующе затрещала, возражая против такой объемной штуки, впихиваемой внутрь, и я зарубила в памяти купить новую сумку с первых же ненароком появившихся денег. Эта, похоже, долго не протянет, даже если я на нее еще с десятков заклятий наложу.

Наше время пришло довольно скоро. Услышав со сцены знакомые слова о «самых талантливых адептах принимающей стороны», я поджала ноги, освобождая Полин дорогу. После встала и сама: на сцене мне нужно было говорить за алхимичкой, значит, и выходить мне должно было за ней.

Аспирантка зыркнула на Вигго; алхимик, рванувшийся было на сцену, покорно встал возле лесенки. Подал руку поднимавшейся Викки; некромантка прошла мимо с гордо поднятой головой, и Полин недоуменно передернула бровями. «И чем он ей не нравится? — читалось в ее глазах. — Да за Вигго весь алхимический факультет дерется!»

Я, к счастью, училась на боевом. И оттого не испытывала никаких эмоций, принимая предложенную алхимиком руку. Вежливость, и не более того. Относительно хорошие манеры.

Как оно было там на сцене? Здорово. На нас смотрел весь зал; это придавало мне сил, и еще я знала, что слушать меня станут затаив дыхание. Не оттого, что я такая крутая магичка. Просто сила слова порой бывает ничуть не меньше силы чар. И, наверное, не только слова. Моя собственная сила ценилась тут еще выше.

Как любое интересное дело, выступление закончилось очень быстро. Едва я проговорила положенную фразу в резонанс (Муинна не подвела, на этот раз со звуком было все в порядке), как Матильда кивнула — и все мы одновременно вскинули руки. Я поспешно пробормотала про себя коротенькое заклинание, и из кончиков пальцев в зал полетели крошечные золотистые шары.

Да. Здесь было главное — не перепутать декоративные пульсары с боевыми.

Под аплодисменты мы в обратном порядке сошли со сцены. Наши места, разумеется, уже были заняты вновь прибывшими; ругнувшись, я нашла свободное кресло двумя рядами дальше. Там, кажется, в основном сидели те самые личности из Королевского корпуса; по крайней мере, одеты они были действительно в мундиры — уж не знаю, военные или нет. Да и физиономии у большинства были уверенные, почти как у Генри Ривендейла. Хотя... нет, до Герцога им все-таки было еще кашлять и кашлять.

В центре этой живописной группки сидела невысокая женщина с короткими светлыми волосами. Одета она была в серебристо-серое вязаное пончо; по этому пончо, да еще по цепкому взгляду светло-голубых прищуренных глаз я сразу же узнала Вирру Джорджовну.

Она, видно, тоже не страдала склерозом. «Случайно» повернувшись в мою сторону, магичка скользнула по мне взглядом — слишком безразличным, чтобы она и впрямь не испытала никаких особенных чувств. Лично мне этот взгляд показался подозрительно знакомым: так меня рассматривал василиск, будто прикидывая, с какой стороны ловчее будет цапнуть.

«Йе-о! — по-гномски подумала я, поспешно возвращая взгляд к сцене. — Интересная у меня жизнь...»

Наконец вступление закончилось, Муинна открыла дверь — и adeпты хлынули наружу, на ходу сверяясь с бумажками. Поддавшись всеобщему психозу, я тоже вытащила свою из сумки, едва не выронив «Основы некромантии». Так, какой у нас там кабинет? Общемагический, ага. Ну это к счастью...

Меня подхватило толпой и понесло вверх по лестнице. Где-то впереди маячила Полин, розовая кофточка которой вела меня как путеводная звезда. Звезда звездой, но и по сторонам смотреть я не забывала: еще не хватало пропустить в собственной Академии давным-давно выученный наизусть коридор!

Бдительность, как любит говорить Матильда, — первое дело. Увидев нужный поворот, я заработала локтями и через десять секунд уже ввалилась под лепную арку. За мной из толпы запоздало выскочила Полин — на замшевой туфельке виднелся отчетливый отпечаток чужой подошвы.

Кабинет был уже открыт, на двери его висел листок пергамента (наверное, бумага уже закончилась). Мы зашли внутрь; Вирры Джорджовны там еще не имелось, зато сидели две тетki, снабженные бейджиками и вышитыми шелком гербами КОВЕНА. Одна была крупная, темно-русая, со слегка лошадиным лицом (сходство усиливала длинная прямая челка, почти как у эльфийского пони). Одета она была в лосины, широкий вязаный пуловер и высокие кожаные ботфорты, плотно обхватывающие ноги до самых коленей. У нас в подобном стиле очень любила одеваться Шэнди Дэнн — и ноги у некромантки, сказать по-честному, были гораздо лучше. Магичка номер два, в длинной псевдоромской юбке, небрежно обмахивалась дорогим шелковым веером, расписанным цветами и птицами.

— Кгхм... Здрасте, — осторожно сказала я.

— Доброе утро! — солнечно улыбнулась из-за моего плеча Полин.

Магичка номер два приподняла брови, до половины закрыв лицо веером.

— Здравствуйте, девочки, — ответила первая. — А где остальные?

Я пожала плечами.

— В пути, наверное... Можно сесть?

Сесть было можно. Я привычно заняла первую парту крайнего ряда, у самого окна. Глянула наружу, но увидеть ничего не смогла: высокие окна до половины покрывал морозный узор.

Полин села на первую парту следующего ряда. Достав из сумки какую-то книжку, она водрузила локти на стол и углубилась в чтение; присмотревшись, я увидела, что книжка называется «Магическая риторика», а на первой странице имеется знакомый синий оттиск. В самом деле, ну Яльга, гений мысли! Что ж тебе-то в голову не пришло сбегать вчера в библиотеку?..

Я вспомнила все, что слышала когда-то о риторике. Вообще-то магрит шел у нас факультативом, и записана я туда не была, но пару раз ухитрилась все-таки попасть к ним на занятия. Все, что я оттуда вынесла, заключалось в горстке малопонятных, но многопугательных терминов типа «троп», «аллитерация» или «дисфункция». Хотя нет, вру, «дисфункция» — это из бестиологии, а там была «диспозиция».

Впрочем, хрен редьки не слаще.

Тут в двери показалась чья-то фигура; Полин немедленно вскинула голову от книжки, замороженно уставившись на вновь прибывшее существо. Еще бы, существо одето было в черный мундир, а на рукаве пришита какая-то красная блямба.

— Можно? — робко спросило существо.

Магички вразнобой кивнули.

Существо, оказавшееся мужского пола, прошмыгнуло куда-то за мою спину — судя по звукам, оно устроилось на следующей за мной парте и теперь распаковывало свою сумку, извлекая оттуда пергамент, перо и чернила. Мысль была разумная, даже странно, как это она мне раньше в голову не пришла. Мысленно поблагодарив сообразительное создание, я нагнулась за своей сумкой. Четыре пергаментных листа ровной стопкой легли на край парты. Чернильницу я установила чуть поодаль и положила рядом загодя очинённое перо.

Полин уже, кажется, надоело читать; подперев голову кулачками, она кокетливо смотрела на обмундированное создание.

Вспомнив про мундир, я вспомнила и про загадочную красную блямбу. Женщина я или нет?! Во мне мигом проснулось любопытство, и я, загнав стеснительность куда подальше, развернулась к существу лицом.

— Слушай, приятель, а что это такое? — Я прицельно ткнула пальцем в блямбу.

Существо слегка смутилось. Вообще, вид у него был такой, будто я не спросила о блямбе, а потребовала немедленно сдать ее мне на хранение.

— Ну-у... — наконец протянуло оно. — Это нарукавный жетон, видишь царский вензель?

— Здорово, — вежливо сказала я, исследуя мундир дальше. — А знак на погонах?

— Это эмблема нашего корпуса! — гордо возвестило существо. Оно чуть помялось, но потом все-таки спросило: — А как тебя зовут?

— Яльга Ясица, — отмахнулась я, — факультет боевой магии.

— А я Полин де Трийе! — встряла алхимичка. — Угадай, на каком я факультете!

— Ну-у... — задумчиво сказала существо.

Дальше слушать я не стала: информация выяснена, больше тут меня ничто не интересует. Полин, думаю, сумеет занять брата-студента всяко лучше, чем я. Так что не будем покушаться на чужие обязанности, а лучше займемся своими. Где тут у нас учебник по некромантии?

Доставая из сумки учебник, я заметила, что вторая магичка — та, в ромской юбке, — смотрит на меня с какой-то нехорошей внимательностью.

Народ прибывал; мало-помалу все парты были заняты, а Полин переключилась на курсанта номер два, севшего как раз за соседний с нею стол. Этот К-Детец был на порядок общительнее предыдущего; по-моему, был он еще и наглее, причем уже порядка на два. Но это дело не мое, а Полин и не с такими справлялась.

Я закрыла учебник и огляделась по сторонам. Стоило, пожалуй, присмотреться к грядущим соперникам.

Сразу за Полин сидела очень характерная девица — невысокая и худая, вся затянутая в черное, с распущенными русыми волосами. Волосы, надо отметить, были просто

изумительными, мне о таких и мечтать не приходилось — ниже пояса длиной и гуще моих раза в полтора. Впрочем, представив, сколько эта красота весит, я мигом избавилась от неподобающей зависти. Личико у девицы было слегка русалочье — с маленьким ртом, острым носиком и огромными глазами чуть навыкате. Веки ее густо покрывали тени угольно-черного цвета.

Только я успела как следует рассмотреть девушку, магичка с челкой поднялась на ноги и звучно хлопнула в ладоши. Все разговоры разом стихли; сделав повелительный жест, она пересчитала нас по головам и назвала коллеге точное число. Та быстро занесла его в какую-то ведомость; а я заметила, что на столе лежит полуоткрытая папка, из которой высовываются какие-то цветные листы. Судя по тому, что листы были картонные, там лежали дипломы — и я от души понадеялась, что в их числе окажется и мой.

— Дорогие друзья! — душевно начала первая. «Интересно, в какой это валюте?» — мельком подумалось мне. — Сейчас, в десять часов утра по межинградскому времени, начинается наш риторический турнир. Впрочем, мне кажется, что такое название не слишком точно отражает суть вопроса — ведь даже на самом лучшем турнире есть победители и побежденные. А в этом кабинете сейчас собрались только равные, те, для которых целью является не победа, а участие в нашем замечательном конкурсе.

Дипломы, дерзко торчавшие из папки, немо свидетельствовали обратное. Как и то, с каким заинтересованным выражением на них смотрели адепты. Магичка, заметив это, сделала мягкий жест, и папка быстро закрылась.

Тут за дверью простучали каблучки — и на пороге появилась Вирра Джорджовна, чуть запыхавшаяся от быстрой ходьбы. Некромантка с ходу строго зыркнула на адептов; мы притихли еще сильнее, чем до того, хотя раньше это казалось невозможным. Увидев непосредственное начальство, магичка с челкой мигом уступила Вирре Джорджовне место у доски.

— Правила сегодняшнего турнира таковы, — начала некрмантка. Она говорила очень четко, но тон у нее был холодный, а лицо, обрамленное светлыми локонами, напоминало мне морду мраморного льва. — Для первых курсов задание упрощено. У вас будет всего лишь один тур, в ходе которого вам придется составить и произнести речь на одну из заданных тем.

— А сколько всего их будет? — спросил кто-то с места. Кажется, это был тот курсант, который пришел вторым и общался потом с моей соседкой.

— Вы увидите, — отрезала алхимичка. — Еще вопросы есть?

Я собралась с духом и подняла руку. Некромантка смотрела мимо меня, как будто не замечая рыжей адепки за первой партой.

— Да, девушка, — среагировала наконец магичка с челкой. — У вас вопрос?

— Да... а вопросы ораторам задавать можно?

Магичка вопросительно глянула на Вирру Джорджовну.

— Можно, — поджала та губы. — Не более трех вопросов по теме речи каждому из ораторов. В дискуссии не вступать, все поняли?

Аудитория откликнулась нестройным хором.

— Отлично, — сухо сказала некрмантка. — Можете начинать.

— Прошу прощения, — почтительно вмешалась магичка с челкой. — Ведь мы еще не провели жеребьевку! В каком порядке они будут выступать?

Вирра Джорджовна задумалась на несколько секунд, а после царственно махнула унизанной кольцами ручкой:

— Приступайте! — велела она, занимая кресло, предназначенное для председателя жюри.

Магичка в юбке похлопала в ладоши, привлекая наше внимание.

— Вот, — сказала она, указывая на первую парту у стены. Там в беспорядке лежали квадратные кусочки пергамента. — Подходите и тяните свой номер. После скажете его мне.

Мы с Полин переглянулись, и я поднялась на ноги, просочившись в щель между

скамейкой и партой. Народ тоже начал вставать с мест; задвигались парты, застучали каблучки, и тишина на несколько минут уступила место деловитому шуму. Подойдя к столу, я несколько секунд пыталась понять, какой квадратик мне больше нравится, и еще пару мгновений размышляла о том, когда мне лучше выступить — ближе к началу или ближе к концу. Народ тем временем разбирал номерки; сообразив, что скоро мне придется выбирать из одного одно, я уцепилась за тот клочок, что лежал ко мне ближе, и перевернула его нужной стороной. Там была написана крупная цифра «5». Значит, пятая... ладно, не так уж плохо...

Рассевшись обратно по местам, мы назвали свои номера, и магичка в юбке прошла по рядам, раздавая нам маленькие карточки. Начала она от двери, так что ко мне подошла в последнюю очередь; я взяла карточку, поблагодарила и начала читать список тем.

Было их целых десять штук, и все довольно интересные. Я быстро пробежала их глазами; шестая называлась «Свобода и вседозволенность», и я мигом вспомнила, как морщил нос на эту тему магистр по магиту. «Тренировочная тема, одна из самых простых...» Ну уж нет, я, Яльга Ясица, не хожу проторенными путями! Если уж прокладывать тропу, то только свою.

Что у нас имеется дальше?

«Гений и злодейство несовместимы»... ага, несовместимы, Т'ари аунд Велленсдар так от несовместимости и помер... «Жизнь и творчество Кар Амза — гения лыкоморской историографии»... «Поспорить с судьбой»... «Мрыс вам, а не споры, сказала судьба, подкладывая эльфу даму пик»...⁴ Так, а вот это уже интереснее!

Я машинально постучала отросшим ногтем по теме номер девять. «Короли уходят, а народы остаются». Интересная фраза — особенно интересная тем, что понять ее можно двояко! И вот он, первый смысл, лежащий на поверхности, — власть недолговечна, и не стоит за нее цепляться. Наверняка мои главные конкуренты — те, кому тоже понравится эта тема, — увидят в ней только этот слой. Хотя... в конце концов, магичка с челкой права и в этом кабинете наверняка собрались равные. Но все равно — вот второй смысл, понятный лишь тому, кто в свое время хоть немножко читал про драконов. Правитель уходит, но государство его остается; а вот то, *каким* оно останется, — догадайтесь с трех раз, чья это задача?

Я посмотрела в окно — зимнее солнце просвечивало сквозь морозные разводы. В голове у меня было на удивление ясно; слова с готовностью складывались в мысли, и вскоре я уже поняла, как именно будет начинаться моя речь.

Я окунула перо в чернила, стряхнула с отточенного кончика тяжелую черную каплю и не торопясь вывела на верхнем листе формулировку своей темы.

Двадцати минут, отведенных на написание речи, мне хватило с лихвой. Текст написан, что называется, на одном дыхании; я почти не правила его, спеша записать мысли, одна за другой возникающие у меня в голове. Возникали они на удивление последовательно, вытекая друг из друга донельзя логично, и от меня, по сути дела, требовалось только занести их на пергамент.

Перечитав текст — вслух, еле слышно, просто чтобы понять, как именно оно прозвучит, — я исправила несколько слов, заменив их на чуть более точные. Подумала с пару секунд, не переборщила ли я с аргументами; да нет, синонимов среди них вроде не было, у страха глаза велики.

Вспомнив уроки боевой магии, я зажмурилась и расслабилась, стараясь дышать максимально ровно и глубоко. Дыхание почему-то частило: я нервничала, хотя и отказывалась себе в этом признаться. Ага, и пальцы что-то трясутся... Так, Яльга, это не дело, быстренько берем себя в руки!

Из распахнутой двери доносились какие-то осторожные звуки: мимо проходили

⁴ Цитата из известной эльфийской повести «Шестерка, тройка, туз» («Классическая литература Перворожденных». Гномиздат, 3931 г., стр. 354).

адепты, которым уже наверняка сообщили о важном ковенском мероприятии и о том, что будет с нарушителями порядка. Мне вдруг стало очень обидно, потому что Хельги и Генри, вкупе с Келлайном, Снорри, Келефином и Куругормом, сейчас наверняка сидят на какой-нибудь лекции (отсюда казавшейся мне верхом блаженства) и думать не думают о чести школы, о силе риторики и о собственных дрожащих пальцах. И о том, есть ли у меня в речи хотя бы кусочек того, что называется гордыми словами «риторический канон».

Полин, высунув кончик языка, просматривала написанное. Длинноволосая девица партой дальше сидела, сильно сутулясь, и дописывала свой текст. Обмундированный студент номер два чесал в затылке, явно пытаясь сочинить своей речи подходящий зачин. Адепт, сидевший сразу за ним, поправлял съехавшие на нос очки и, как-то странно передергивая шеей, опять углублялся в речь.

Словом, все сидели и работали, одна только я уже закончила и теперь совершенно не знала, чем заняться. Возможно, от этого в голове и появлялись всевозможные депрессивные мысли: на некромантической олимпиаде я не думала ни о чем подобном, ведь тогда событие шло за событием, практически без перерыва. А сейчас... солнце просачивалось через голубоватые узоры, я рисовала на полях сначала цветочек, потом стебелек, потом листики и горшок...

— Заканчиваем, — наконец приказала Вирра Джорджовна, и адепты стали ускоренно завершать труды. Я поставила последнюю закорючку, украшавшую собой горшок, и подняла глаза на судей.

— Вызывать мы вас будем по списку. — Магичка с челкой постучала длинными ногтями по пергаментному листу. — Вы станете выходить вот сюда, к доске, и рассказывать свой текст. Лучше рассказывать, чем читать, — но, принимая во внимание, что времени у вас было немного, за чтение баллы мы снимать не будем. Так... я все сказала?

— Про вопросы уточни, — тихо напомнила ей вторая.

— Верно, вопросы... Вопросов всего можно будет задавать три каждому оратору, и спрашивать нужно, если вы чего-то не поняли. То есть уточнять, а не дискутировать. Дискуссий нам здесь открывать не надо, на старших курсах наспоритесь. Всем все ясно?.. Тогда поехали. Первым будет выступать... та-ак, кто здесь у нас... ах да, Эжени Лендрэ!

Я вежливо поаплодировала; кажется, получилось довольно заразительно, потому что многие подхватили.

Длинноволосая девица, сидевшая за Полин, прошла к доске, на ходу заправляя за ухо русую прядь.

— Добрый день, — сообщила она, поудобнее перехватывая свои листочки и обводя аудиторию взглядом. — Моя тема «Свобода и вседозволенность». Я...

— Подождите, — перебила ее магичка в юбке. — Назовите ваше учебное учреждение, факультет и полное имя научного руководителя.

Девица запнулась.

— Н-ну... Школа Высшей Магии имени Эллендара Четвертого, факультет общей мантики. Магистр — Кира Блэйкворт, маг второй степени...

— Замечательно, — качнула челкой другая чародейка. — Можете продолжать.

— Спасибо. — Девица (Эжени, верно?) улыбнулась в зал, но мне отчего-то показалось, что улыбка — смелая и в то же время просительная — адресована не нам, а конкретно жюри. — Итак, дорогие друзья, я выбрала эту тему, потому что она конечно же близка каждому из нас...

Я подперла щеку кулачком и стала слушать.

Когда девица закончила и под аплодисменты заняла свое место, я пребывала в самой настоящей растерянности. Здесь собрались равные — разве не так? Самые сильные, самые способные... ну или самые везучие, если говорить обо мне. Так почему же эти самые-самые несут такую несусветную чушь?!

Чисто технически девица говорила... ну, наверное, все-таки неплохо. Правда, складывалось впечатление, что свою пламенную речь она обращает к листочку, страстно

сжимаемому в руках: на аудиторию она так ни разу и не взглянула. Но вот по содержанию... мама, кто ж ее готовил?! Нет, я отнюдь не великий оратор, и не мне, наверное, судить, но если уж у тебя есть мысль, так потрудись сформулировать ее конкретно! Для чего размазывать кашу по тарелке?

Впрочем, уже на втором выступающем я поняла, что Эжени — это еще ничего. Вторым номером выступал как раз адепт из К-Детского корпуса; по нему было отлично видно, что настоящий мужчина должен быть молчалив, как бревно. Может быть, там и учили воевать, но научить их разговаривать определенно никто не смог. Изъяснялся К-Детец короткими рублеными фразами, которые выходили из него с заметным трудом, закончив же свою речь, он с явным облегчением смахнул со лба трудовой пот. Сдается, не без сочувствия подумала я, К-Детец предпочел бы что-нибудь полегче. Отжаться там или подтянуться — разиков сто.

После него в центр кабинета вышла Полин. Очаровательно смутившись, она залилась нежным румянцем, назвала свое имя, фамилию и наставника и лучисто улыбнулась аудитории. Народ чуточку воспрянул духом, даже кактус на окне расправил пыльные колючки.

О чем Полин говорила — было, собственно, не слишком-то важно. Главным было то, что она ничуть не боялась, активно — но в меру — жестикулировала и не забывала улыбаться студентам мужского полу. Под конец ей похлопали гораздо громче, чем прочим; поблагодарив аудиторию нежным «бальным» голосом, алхимичка быстренько заняла свое место.

«Я так боялась, так боялась!» — мимикой и жестами просигнализировала мне она.

Я кивнула. Хуже было то, что бояться начинала уже я: сообразив, что от выступления меня отделяет всего лишь один адепт, я мигом почувствовала нехорошую дрожь в коленках. Попытка взять себя в руки ни к чему хорошему не привела; я подышала, как учил Рихтер, медленно и на счет, потом постаралась расслабиться и подумать о хорошем. Все едино коленки дрожали, пересохший язык прилипал к нёбу, и я отчаянно боялась идти выступать. Да в чем же дело?! Я постаралась разобраться в себе, но так и не нашла ответа на нужный вопрос. Разве что... я, кажется, все-таки не боялась. Наоборот, мне хотелось выйти и произнести свою речь. Дрожью я была обязана скорее уж напряжению, снять которое не удавалось ни одним известным мне методом.

Следующим этапом говорить отправился некий адепт, сидевший на первой парте, — лохматый, клочковато-небритый, с волосами, собранными в неаккуратный хвост. К этому моменту я уже перестала воспринимать речи конкурсантов как единое целое и начала вылавливать лишь отдельные, самые забористые фразы. Но начало адептовой речи мигом выбило меня из апатии.

— Я хочу рассказать вам о Кар Амзе, величайшем историке Лыкоморья, — с пафосом заявил мальчик, глянув на нас из-под клочковатой челки. — Вы позволите мне пользоваться доской?

— Да-да, позволяем, — царственно кивнула Вирра Джорджовна, про которую я, грешным делом, успела уже забыть.

Адепт опять мотнул челкой и взял в руки мел.

— Что он сейчас, портрет, что ли, нарисует? — заинтересованно прошептали у меня за спиной. Я выжидательно уставилась на адепта — хорошие рисовальщики мне еще не встречались.

— Кгхм! — заявил адепт, сверяясь с листочком. — Всем известно, что Кар Амз заслуженно носит имя солнца лыкоморской истории. Мы благодарны ему за его фундаментальные труды, осветившие многие темные стороны нашей старинной истории.

«Хорошо историю приложили», — чуть ошарашенно подумала я. Темные, значит, стороны... так обычно про политику говорят или там про преступный мир. «Старинная история» — тоже выше всяческих похвал. Темные стороны! Ха, теперь понятно, почему Кар Амз умер относительно молодым! Никакая преступная шайка не любит, когда ее выводят на чистую воду.

А уж история не любит этого вдвойне.

— Мы создаем себе кумиров, и, я думаю, никто не сможет отрицать, что Кар Амз в полной мере достоин звания одного из них. Его мысли часто шли вразрез с суровой правдой жизни, но всегда были верными и правдивыми. И пусть теперь Кар Амз и покинул мир людей — надо думать, переехал в мир фэйри, на блаженный Остров Яблок, — память о нем все равно звучит в сердцах народа! Пусть сияет его светлое имя — ныне, присно и вовеки веков!

— Аминь, — не сдержавшись, присовокупила я.

Адепт хмуро глянул на меня из-под челки.

— В юности, — с нажимом произнес он, — благородный Кар Амз не знал, какую профессию выбрать. Сначала он хотел заниматься юриспруденцией, вспомнив про мел, выюнош шагнул к доске и вывел на ней кривоватыми буквами слово «ЮРИСТ». — Потом он решил быть актером. — К «ЮРИСТУ» добавился «АКТЕР», написанный под углом градусов тридцать. — И наконец увидев вещий сон, Кар Амз осознал, что его путь — стать писателем. — Мелок уже почти искрошился, но адепт все едино торопливо подписал внизу слово «ПИСАТЬ». — Таким образом и был осуществлен судьбоносный выбор.

— Заканчивайте, молодой человек, у вас регламент, — сурово напомнила ему дама в ромской юбке. Адепт кивнул.

— Кар Амз до сих пор живет среди нас, — поведал он своему листочку. — Сия высокоталантливая личность никогда не будет забыта, как никогда не будут забыты и его золотые, интересные строки: «Стояло Лыкоморье и будет стоять, ибо нет на земле силы, которая уронить бы его сумела!»

Мы заплодировали; я кусала губы, пытаюсь понять, серьезно говорил сей адепт или просто валял дурака. Е-мое, но ведь это же не речь, а пародия! Начиная с «ЮРИСТ — АКТЕР — ПИСАТЬ» и заканчивая «золотыми, интересными строками». Ой, мама родная, мной почти что забытая, зачем же я села на первую парту?! На третьей хотя бы можно было бы похихикать в свое удовольствие...

— Следующий! — приказала Вирра Джорджовна, и я выбралась из-за парты.

Ноги ощутимо дрожали, в животе шевелилось что-то холодное; стук каблучков по деревянному полу показался мне слишком резким и громким. Я сделала три шага, чтобы выйти на центр кабинета, улыбнулась аудитории, окинула ее взглядом — и вдруг увидела, что на дальней стене висит портрет какого-то бородатого гнома. Имени этого гнома не знал никто, за исключением магистра Фенгиаруленгеддира, но он своим знанием так ни с кем и не поделился. Я вдруг вспомнила, как мы с близнецами полезли на крышу и как нас на выходе поймал вездесущий гном, — и страх исчез, сменившись легким, где-то даже приятным волнением. Это мой кабинет. Моя территория. Моя стая. И я могу делать с ней все, что считаю нужным.

— Можно дверь прикрыть? — спросила я, почувствовав, как по полу ползет сквозняк. — А то дует...

Магичка с челкой кивнула, и я прошла к двери, с удовольствием ощущая, что ноги ни капельки не дрожат. Это мое место. И оно мне поможет.

— Яльга Ясица, Академия Магических Искусств. Наставница — магистр Шэнди Дэнн.

Магичка в юбке быстро занесла эту информацию в ведомость.

— Начинайте! — приказала она.

И я начала.

— Дорогие друзья! — заговорила я, чувствуя, как мой голос наполняет аудиторию. Почти физически ощущая, как стихают шепотки и разговоры, как все взгляды сосредоточиваются на мне. — Я выбрала одиннадцатую тему — «Короли уходят, а народы остаются». Дело в том, что тема власти в последнее время волнует меня все больше и больше. Я живу в Лыкоморье, я люблю эту страну и хочу, чтобы с ней все было в порядке. А для того чтобы в государстве был порядок, ему нужна правильная власть.

Так. Теперь делаем паузу; точно рассчитанная тишина звенит, как струна на

эльфийской арфе. А теперь вдох — и поехали дальше!

— В принципе, наверное, эту тему можно было бы рассмотреть с классических позиций. Вспомнить Леонидуса Великого, его отношение к роли личности в истории, привести это отношение как пример. Но да не обидится на меня жюри, ибо я считаю: интереснее выйдет немножко другой подход. Ибо король — это не просто человек. Древние считали, что правитель — это квинтэссенция народа, все лучшее, что в этом народе есть, чем этот народ предстоит перед богами. Правитель и народ очень крепко связаны друг с другом — если, оговорюсь, речь идет о правильном правителе.

Мрыс дерр гаст, жалко, что про волкодлаков известно так мало! Конунг Валери и ее странные взаимоотношения с собственными подданными — это был бы просто изумительный пример. Но не стоит говорить о том, что знаешь плохо; так, сейчас пауза снова закончится и, поехали дальше!

И погромче, Яльга, погромче!

— Великие художники уходят — их полотна остаются с нами. Умирают музыканты, но в мире звучит сыгранная ими музыка. Когда уходит правитель, он оставляет не просто народ. Он оставляет предмет своей долгой и тщательной работы — такой народ, каким он сам его сделал. И здесь, кстати, совершенно не имеет значения, делал ли этот правитель хоть что-нибудь вообще. Масштаб государства самое бездействие обращает во вполне себе ощутимое действие. Что правитель оставляет наследнику? Богатое, процветающее государство, рождающее воинов, мудрецов и поэтов, — или страну, изможденную голодом и войнами, разваливающуюся на составные части, страну, где дети, быть может, учатся стрелять прежде, чем читать?.. Согласитесь, оба исхода — это заслуга правителя...

Гном на портрете смотрел весьма одобрительно. Я сглотнула, перевела взгляд с него на аудиторию и продолжила, стараясь говорить по-прежнему ясно и четко:

— Я думаю, что беда многих стран — это люди, стоящие у власти, но совершенно к этой, власти не приспособленные. Таким нельзя управлять. Власть — это искусство, она подобна живописи, — но ответственность за нее столь велика, что не должно доверять эту кисть в неправильные руки. А тем, кто стоит у власти, кто находится у руля, — им стоит подумать, что именно они оставят после себя. Ибо последствия их правления придется расхлебывать поколениям. Вспомните Добрыню Державича, без сомнения великого государя, — разве мы идем сейчас не по пути, проложенному им?

Магичка в ромской юбке раскрыла было рот — явно чтобы напомнить мне о существовании регламента. Но мне осталось договорить буквально пару фраз — так что я повысила голос, не давая ей вклиниться в течение речи:

— И наверное, не столь важно, останется ли имя правителя у потомков на устах, будут ли в его честь нарекать детей и называть улицы. Потому что главное для властителя — это знать, что, уходя, ты оставляешь свою землю и свой народ сильными, едиными и счастливыми. Я сказала!

— Замечательно, замечательно... — Магичка в юбке указала мне на мою парту. — Садитесь, адептка, я только-только собиралась напомнить вам про регламент...

— Подождите, — спохватилась я. Сейчас, когда уже все было сказано, страх ушел, а осталось одно только разочарование — слишком уж быстро все закончилось! И я вспомнила то, о чем говорили в самом начале нашего турнира. — А как же вопросы? Может быть, у кого-нибудь они есть?

Вирра Джорджовна чуть поморщилась.

— Есть у кого-нибудь вопросы? — прохладно поинтересовалась она.

Адепты ответили неслитным отрицательным гулом.

— Как видите, вопросов нет. — Вирра Джорджовна чуть поджала губки. — Садитесь, адептка, не задерживайте турнир!

Я села, разочарованно теребя листочек с речью. Мрыс, ну почему ни у кого не было вопросов? Тема спорная, мы бы поговорили... у меня, пожалуй, нашлись бы даже сильные аргументы!

После меня говорить отправился незнакомый мне адепт — тощий, лохматый и в прямоугольных очках. Представился он быстро и как-то невразумительно, так что я не поняла, как именно его звали. Он говорил про любовь, но и это я поняла не сразу, с самого начала запутавшись в хитроумных терминах, которыми щедро сыпал начитанный адепт.

— Самая важная компонента любовного чувства, — вещал он, глядя поверх очков, — это достойные моральные качества объекта любви. Невозможно полюбить недостойного человека. Любовь есть настолько высокое, даже возвышенное — не побоюсь этого слова! — чувство, что оно требует глубокого отклика в сердце любимого существа. Без этого отклика, этого, не побоюсь этого слова, прямого контакта невозможны никакие любовные переживания!

«Не побоюсь этого слова, нарушение логики!» — моментально пронеслось в моей голове. Сколь бы малым ни был мой жизненный опыт, я все-таки успела уяснить, что для любви порой абсолютно не имеет значения, насколько высокими моральными качествами обладает ее... хм... объект. Можно любить честного человека — и лгуна; верного присяге — и предателя; настоящего гения — и спивающуюся бездарность. В том и состоит вся трагедия и вся радость любви — она совершенно не спрашивает, хочется ли тебе любить данного конкретного человека. Ну а отклик... отклик здесь тем более ни при чем. Разве не бывает любви без ответа?

Я покосилась на Полин — она млела, глядя на вещающего адепта сквозь опущенные ресницы. Само слово «любовь» завораживало алхимичку настолько, что ей уже было наплевать, о чем конкретно говорит оратор. Да, но я-то не Полин! Мне было интересно. Едва дождавшись, когда адепт закончит говорить, я подняла руку и пояснила, увидев недоуменный взгляд магички с челкой:

— У меня вопрос к выступающему. Можно его озвучить?

Магичка с челкой быстро покосилась на Вирру Джорджовну. Та кивнула, сжав губы в тонкую бледную черту.

— Я вас слушаю, — осчастливил меня адепт.

— Вы сказали, что, для того чтобы возникла любовь, необходимо, чтобы и любящий и любимый были по-настоящему хорошими людьми. Так?

Адепт кивнул, скрывая улыбку, — похоже, его позабавил столь просторечный пересказ столь возвышенного и насыщенного терминами текста.

— Так.

— Но... — я на мгновение замаялась, лучше формулируя мысль, — не противоречит ли это опыту человечества? Ведь и из истории, и из легенд, и из художественных произведений мы знаем немало случаев, когда любовью дарили отнюдь не самых достойных представителей людского рода?

«Вот тебе, я тоже умею говорить возвышенно!» Адепт опустил голову, потер пальцами подбородок — Вирра Джорджовна напряженно смотрела на нас — и вдруг просиял, расправив плечи.

— Ну во-первых, художественная литература — это не аргумент. Мало ли чего могут написать в книжках? А во-вторых, я не верю, что может найтись человек, способный полюбить вора или убийцу.

Увы, еще как может. Хотя ничем хорошим это обычно не заканчивается.

— «Не верю» — это все-таки не аргумент, вам не кажется? Если хотите, я могу привести пример из истории, вот, скажем...

— Достаточно, — громко сказала Вирра Джорджовна. Я посмотрела на нее; магичка выглядела разгневанной, как королевская кобра, которой наступили на любимый хвост. — Я понимаю, что вы, адептка, настроены весьма романтически и способны изложить нам не одну душещипательную историю, однако развязывать дискуссию у нас запрещено. Адепт Легран ответил на ваш вопрос. Вы должны быть удовлетворены.

Кто настроен весьма романтически? Я?! От подобного обвинения мне захотелось не обидеться, а рассмеяться, ибо это было приблизительно то же самое, что обвинить Полин в

излишней brutality и склонности решать все проблемы силовым методом. Да и ответ, данный мне адептом Леграном, мягко говоря, не соответствовал риторическим канонам. Вопрос веры является ключевым не в риторике, а в теологии. Но спорить с представительницей КОВЕНа мне не хотелось, так что я замолчала, с каменным лицом уставившись в окно.

Остальные адепты выступили довольно быстро. Под конец народ чуточку расслабился и пару раз даже задал вопросы, но я больше не рисковала поднимать руку.

Наконец последний адепт сел обратно за парту. Голос вновь подали магичка с челкой:

— У вас на партах лежат листочки бумаги. Будьте любезны, напишите на них имя и фамилию того оратора, который понравился вам больше прочих. Во избежание пристрастности мы запрещаем вам голосовать за человека, который обучается с вами в одном учебном заведении.

Мрыс эт веллер келленгарм, а я только-только собиралась проголосовать за Полин! Зачеркнув уже написанные первые буквы, я осмотрелась, вспоминая, кто мне понравился. Ага... вот только я, как всегда, не запомнила ее имени!

— Напомни, как тебя зовут? — негромко спросила я девушку, сидевшую на третьей парте второго ряда. Она вздрогнула от неожиданности:

— Что?

— Как тебя зовут? — повторила я. — Проголосовать за тебя хочу, а вдруг напишу неправильно?

— Анна Саммер, — быстро ответила адептка. — А тебя как зовут?

— Яльга Ясица.

— Ты здорово говорила! — прошептала она. — Просто здорово! Я за тебя проголосую, ладно?

— Ну ладно, спасибо... Ты тоже очень хорошо выступила!

— Да не за что!

Я записала имя адептки Саммер на листок, сдала его пробежавшей по рядам магичке в юбке; народ начал облегченно хлопать крышками парт и шуршать бумагой, собирая вещи обратно в сумки. Теперь нам предстояло подождать еще десять минут, пока жюри не определит троих победителей и не подведет итоги нашего голосования. Я так понимаю, голосованием определялся приз зрительских симпатий.

А вообще, на второе, если не на первое, место я наработала. Если говорить честно, не думая о скромности и всех сопутствующих вещах. Говорила я хорошо, народ слушал... да и логических ошибок у меня в речи не было. В отличие от большинства других ораторов.

— Минуточку внимания, — вдруг раздался спокойный голос.

Вирра Джорджовна, вышедшая в середину кабинета, постучала линейкой по краю кафедры. Народ смолк, и в аудитории воцарилась полная тишина.

— Я хотела бы напомнить здесь присутствующим, — медленно и четко начала некромантка, — что у нас состоялся дружеский турнир. Главная цель которого, как известно, не победа, а участие. И мне странно видеть, как нечестно и корыстно повела себя принимающая сторона. — Взгляд прозрачных серо-голубых глаз уперся мне в лицо. — И я прошу запомнить на будущее, что такая жажда победы ни к чему хорошему не приводит. А попытки завалить своих коллег провокационными вопросами можно смело причислить к разряду подлостей. Всем все понятно?

А вот так меня в жизни не оскорбляли. Я почувствовала, что меня как будто со всей силы двинули в солнечное сплетение, — разом стало нечем дышать. Что? Кого я заваливала провокационными вопросами? Мне было интересно, интересно — и все! Меньше всего мне хотелось лишиться этого... адепта Леграна диплома! Мрыс эт веллер, разве я применила хоть что-то нечестное? Если уж на то пошло, то нечестно дрался сам адепт Легран, нарушая логику и приводя совершенно некорректные аргументы! В чем же я виновата? В том, что лучше знаю риторiku?

— Можете идти! — приказала Вирра Джорджовна, и я, подхватив сумку, молча вышла

из кабинета.

В коридоре меня тут же поймала Полин. Ей не было дела ни до каких некроманток и магичек — девица жаждала общения, причем не только со мной. Меня тут же познакомили с кучей народа, в частности, с адептом Леграном — он смотрел на меня довольно заинтересованно, причем взгляд редко поднимался выше уровня бандо. То ли его заинтересовал эльфийский трикотаж, то ли поразили особенности моей фигуры. Внизу прозвенел звонок, и я с тоской подумала, что вот сейчас мои одноклассники отправляются на бестиологию. Отсюда, от Вирры Джорджовны и риторических адептов, даже Марцелл Руфин Назон казался практически ангелом.

Адепты фланировали туда-сюда по коридору, разговаривали, спорили и обсуждали турнир. Кое-кто спешно ел захваченную из дома еду — бутерброды, пирожки и прочую подобную мрысь. Странно, но мне даже есть не хотелось. Единственное, что я бы сделала сейчас с удовольствием, — развернулась бы и ушла, причем желательно хлопнув дверью.

Но уходить было нельзя.

Наконец дверь в кабинет приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова магички с челкой.

— Можете заходить! — сообщила она.

И мы зашли.

Внутри все было по-прежнему, только жюри не сидело, а стояло — вокруг той самой кафедры, с которой мы все вещали. Адепты расселись по местам; вид у всех был такой, будто каждый в любой момент готов сорваться с места за грамотой.

Слово взяла, разумеется, Вирра Джорджовна:

— Итак, жюри посовещалось и решило, кому отдать призовые места. Третье место, по итогам проведения Пятого Ораторского Турнира, присуждается адептке Эжени Лендрэ!

Мы поаплодировали, глядя, как адептка Лендрэ принимает диплом и книжку, свободной рукой быстро заправляя волосы за уши.

— Второе место жюри отдает Александру Леграну.

Ожидаемо. Хотя и несправедливо. Та же Анна Саммер говорила на порядок лучше. И пафоса в ее речи было на порядок меньше.

— А первое место забирает себе принимающая сторона. Адептка Аполлинария де Трийе, просим!

Я захлопала первой. Сияющая Полин подлетела к некромантке, та пожала ей ручку и вручила какую-то энциклопедию. Адепт Легран выглядел слегка обиженным, а мне было ничуть не жалко. Полин так Полин. Она у нас молодец!

Но, честно говоря, во мне все-таки ворочалась смутная обида. Ладно Полин, она у нас обаятельная, но уж второе-то место я точно заслужила! Я понимаю, девице полагается быть скромной, а хвалить себя — моветон, но я говорила лучше, чем пресловутый Легран. И лучше, чем адептка Эжени. Мрыс дерр гаст, я знала, что мне не полагается так думать, — но снова и снова прокручивала в голове все известные мне позиции риторического канона. Нет. Честно и непредвзято — я была лучше. На порядок.

Но это совсем не имеет значения.

— Однако у нас остался еще и приз зрительских симпатий. — Вирра Джорджовна подняла со стола какую-то небольшую коробочку. — И его сейчас вручит магистр Баркинг. Магистр, прошу вас!

Магичка с челкой вышла вперед, избегая смотреть на ковенскую некромантку.

— По итогам голосования приз зрительских симпатий принадлежит Яльге Ясице, Академия Магических Искусств.

Я молча встала с места.

— Однако прошу вас учесть рекомендации жюри, — успела вставить магичка, пока адепты еще не начали аплодировать.

Я хмуро кивнула, взяла коробочку и отбыла на место. Магистр Баркинг продолжала что-то вещать, но я уже не слышала, задумчиво глядя в окно. Сквозь морозные узоры ничего

не было видно, но и это было не особенно важно.

— Яльга, Яльга! — Услышав шепот Полин, я вздрогнула и поспешила улыбнуться. — Яльга, что это тебе такое дали? В коробочке?

Я пожала плечами и покрутила коробочку в поисках этикетки. Но этикетки не было, крышка была прицеплена намертво, и я едва не поломала единственный необгрызенный ноготь, пытаясь ее открыть.

— Дай лучше я! — не выдержала Полин.

Я молча протянула ей коробочку, и алхимичка, нажав на какую-то штуку, легко сняла крышку. Изнутри немедленно плеснуло слабыми чарами; вытянув шею, я заглянула в коробочку и не смогла сдержать усмешки.

Это был набор перьев для письма, зачарованный против клякс.

Наконец все закончилось. По идее, можно было уйти в актовый зал, смотреть на танцующих и поющих адептов, вымуштрованных Муинной и Матильдой. Именно туда попыталась утащить меня Полин. Но меньше всего мне хотелось сейчас смотреть на песни и пляски, так что, отговорившись головной болью и еще раз поздравив Полин с победой, я ушла в комнату и, ссутулившись, села на родную кровать.

Смешно сказать, но чувствовала я себя полной и окончательной дурой. Ну и зачем было, спрашивается, влезать и задавать вопросы? Можно подумать, Яльга, ты не видела, что адепт Легран мозгами пользуется только для того, чтобы завернуть фразу похитрее! Нашла кого спрашивать — и о чем. Марцелла тебе, что ли, было мало?

Да, но это же ведь был конкурс! Конкурс ораторов, а значит, разговаривать на нем, по идее, можно совершенно свободно! Для чего еще учиться строить речи, как не для того, чтобы обмениваться информацией? Я спросила, и мне должны ответить; если бы вопрос задали мне, я бы ни за что не подумала, будто меня хотят завалить!

А если Вирра Джорджовна открывает рот, только чтобы сказать кому-нибудь пакость, то это не повод думать, что я устроена так же!

— Хозяйка, хозяйка! — В двери появилась обеспокоенная элементарь. — Ты... чего это, а? Случилось чего-то?

— Нет, — подняла я на нее глаза, постаравшись сделать как можно более спокойную физиономию. — Все хорошо. Я сейчас погуляю, ладно? Вернусь попозже, часиков в шесть.

— А к завтра кто готовиться будет?

— Вот после шести и подготавлиюсь.

Я положила коробочку с перьями на стопку учебников и вытащила из шкафчика зимний плащ. Что же — давно мы не гуляли по Межинграду!

От реки дул ветер — он легко пробирался под поношенный казенный плащ, и я сжималась в комок, прикрывая лицо руками. Так оно почти что не мерзло, вдобавок я отогревала дыханием пальцы, заледеневшие в тонких варежках. Снег слепил сияющей белизной, и я шурилась, стараясь глядеть не дальше чем себе под ноги.

Таким вот образом я прошла больше половины пути — а потом неожиданно поняла, что не так уж здесь и холодно. Может быть, я просто отошла на достаточное расстояние от реки. Конечно, пальцы на ногах продолжали тихо мерзнуть, зато верхняя часть меня смогла выпрямиться и перестать прикрывать лицо грязными варежками. Более того, я сделала фундаментальное открытие. Оказывается, зимнее солнце умело не только светить, но и греть!

Зажмурившись, я подставила его лучам замерзшее лицо. Мрыс дерр гаст! Сил юного солнца еще не хватало на то, чтобы растопить даже самую маленькую льдинку, но я уже чувствовала кожей его тепло, и значит, приближалась весна.

Поняв это, я еще раз посмотрела кругом. Ну да, конечно, как я раньше этого не замечала! Небо, у горизонта оставшееся по-зимнему бледным, наливалось синевой в зените; снег чуть подтаивал, образуя наст; с крыши эльфийской лавки свешивалась сосулька, и под ней уже темнела небольшая лужица...

Я бездумно улыбнулась, полной грудью вдыхая холодный воздух. Зима уже на излете,

дни ее сочтены; ей осталось не больше двух недель, а там уже березень-месяц, там капель и грязный снег, чавкающий под подошвами, размытые дороги и ослепительно синее небо, синее, как глаза дракона...

В Лыкоморье приходила весна — и то, что ждать ее приходилось дольше, чем на юге, лишь придавало ее приходу особенную радость.

Под ногами у меня сновали голуби — нахальные, толстые и сизые. Здесь их, наверное, часто кормили и редко ловили, ибо птицы почти не пугались моих движений, отлетая из-под сапог, очевидно, только из уважения к традиции. «Положено отлетать — вот мы и отлетаем, — читалось в наглых желтых глазах. — А ты вообще-то смотри, куда лезешь!» Мое внимание привлек один из голубей: взъерошив перья и вытянув шею, он непрерывно ворковал, следуя по пятам за невзрачной серенькой самочкой. Вид у него был самый придворный, лиловые перья на зобу сверкали что твой шелк, а воркующие интонации вызвали во мне упорные ассоциации с каким-то героем дамского романа. Самочка же поступала, в точности как советовали женские журналы: убегала прочь, но не спешила улететь, к тому же то и дело останавливалась, давая поклоннику шанс приблизиться.

Из подворотни выбежали две собаки, размахивавшие длинными хвостами наподобие флагов. С лаем они пронеслись по площади, распугав всех голубей, и скрылись среди кустов, которыми площадь была засажена по периметру.

Я подошла к скамейке, стоявшей у молчащего фонтана, и села, предварительно смахнув с нее варежкой снег. Снег этот был влажным и липким — мне пришлось потом долго стряхивать его с варежки. Под ногами были рассыпаны черные семечки — очевидно, недавно здесь кормили голубей, — и, увидев, что я сижу неподвижно, птицы начали подходить ближе. Скоро они всю шныряли между моими сапогами, а один, особенно наглый, даже несколько раз прошелся мне по ногам. Неожиданно мне захотелось его поймать; выждав момент, я быстро нагнулась и схватила голубя обеими руками, успев прижать ему крылья к телу.

Он был теплым и дрожал — я чувствовала это сквозь варежки. Пытался дергать крыльями, вырывался, но я держала крепче. Я вдруг почувствовала жалость к нему и отвращение к себе; осторожно опустив его на землю, я разжала руки.

Голубь тут же улетел, более не думая о семечках. Остальные тоже бродили поодаль. Посидев еще несколько минут, я встала и пошла к Академии. По пути купила пирожок у уличной торговки с лотка и съела его за несколько укусов.

Настроение было гаже не придумаешь.

Назавтра первой парой у нас стояла телепатия. Спаренные лекции пролетели на удивление быстро. Прозвенел звонок; я привычно подхватила сумку, но тут в голове у меня точно звякнул невидимый колокольчик. Вздвогнув, я посмотрела на кафедру; магистр Буковец, стоявший там, делал мне руками всевозможные загадочные знаки.

Я подошла к нему. Директор дождался, пока из аудитории выйдет последний адепт (им, естественно, оказался любопытный Хельги), и собственноручно закрыл за ним дверь. Я мрачно наблюдала за всеми этими приготовлениями.

— Что это значит, адептка Ясица?! — пафосным шепотом спросил Буковец.

— Это вы о чем? — хмуро уточнила я, уже зная ответ. О чем — о чем... О том! О вчерашнем.

Директор не опроверг моих ожиданий. Порывшись в нагромождении книг на кафедре, он вытащил на свет божий какой-то пергамент, снабженный фиолетовой печатью. Патетически взмахнул им в воздухе; в печати я немедленно опознала ковенскую, а такой вот маленький почерк с завитушками мог принадлежать исключительно Вирре Джорджовне.

— Да вы хоть знаете, что это?!

— Нет, — вякнула я, с запозданием смекнув, что вопрос был скорее риторический.

— Это, — Буковец еще раз взмахнул пергаментом, точно нашкодившим щенком, сцапанным за шкурку, — жалоба, адептка Ясица! На всю Академию и лично на вас! Вы, между прочим, вчера опозорили нас перед всем Межинградом!

— А что, Вирра Джорджовна — это уже теперь весь Межинград?

Директор, набравший воздух в легкие, подавился новым пассажем.

— Адепты, кажется, ничего против меня не имели. По крайности, проголосовали они за меня!

— Проголосовали за вас?! Надо же! — Телепат определенно распалялся, раньше я за ним такого не наблюдала. — Да вы... вы... Пока вы в Академии творите боги знают что, это еще ладно! У вас, в конце концов, есть свой декан, и если его все это устраивает... — Он не стал продолжать, вместо этого еще разок дернув пергаментом, причем прямо у меня перед носом. Отпрыгивать я не стала, хотя и вздрогнула от неожиданности. — Но надо же думать, как вести себя на государственных турнирах! Поссориться с уполномоченным представителем КОВЕНа — это же надо, а! Да вы знаете, что здесь про вас пишут? Знаете, что это означает для всей Академии?!

Внутри меня что-то натянулось. До предела.

— Не знаю, — тихо ответила я, глядя директору в лицо.

— Не знаете? Так ознакомьтесь! — Он протянул мне пергамент. Я машинально взяла, несколько секунд продолжала смотреть на Буковца, потом сообразила, что от меня требуется, и опустила взгляд.

Да. Если верить тексту, написанному изумительно гладким слогом, то такой стервы, как я, мир еще не видел. Задача же любого приличного мага — сделать так, чтобы больше и не увидел. Магистр буравил меня воспитательным взглядом; я невольно краснела, с неудовольствием ощущая, как жарко становится правой щеке. Левая почему-то чувствовала себя вполне прилично.

— И что вы на это скажете? — не выдержал наконец педагог.

Я молча скатала пергамент в рулончик, протянула его магистру.

— Адептка Ясица, извольте отвечать! — Буковец добавил в голос металла. Я косо глянула на него; м-да, видно, Вирра Джорджовна и впрямь произвела на телепата неизгладимое впечатление. Прежде я бы не поверила, что директор, боявшийся студентов как чумы, когда-нибудь заговорит со мной в подобном тоне.

Повисло молчание. Я слышала, как в коридоре кто-то умоляет кого-то одолжить на время конспект по общей магии.

— Вы что, пользуетесь каким-то амулетом? — вдруг подозрительно спросил Буковец.

Я мотнула головой.

— Тогда почему вас не удастся прочесть?

«Почему», «почему»... телепат мрысов. На мою стипендию не то что амулета — приличных штанов не купишь. Если бы не та олимпиада, так и ходила бы с заплаткой на заднице и дыркой в кармане. Амулет, мрыс дерр гаст! Рихтер вон читал, а этот...

Ч-читатель!..

Настроение стремительно рушилось под плинтус.

— Мне идти надо, — хмуро сказала я, не отвечая на заданный вопрос. — У нас некромантия сейчас. Магистр Дэнн ругаться станет.

— Ступайте, — после паузы велел директор. — И подумайте о том, как сильно вы подставили Академию.

Он мог бы не волноваться на этот счет. Ни о чем другом я сейчас и не думала — мозги будто переключились на одной-единственной теме. Не то чтобы мне было особенно жалко школу — да и сомневалась я, признаться, что Вирра Джорджовна способна нанести ей такой уж ощутимый урон. Просто... просто я не думала, что в Академии так отнесутся к происшедшему. Может быть, я даже надеялась на поддержку. Ведь я же, в конце концов, здешняя адептка, одна из многих — разве вы, дающие защиту другим, не сумеете дать ее мне? Ведь я же не хотела, честное слово! Я увлеклась, переборщила — но ведь и ради Академии тоже, ради ее чести!

И что теперь? Теперь я, выходит, есть не что иное, как весьма стервозная и сволочная особа, которая изо всех сил тянула одеяло на себя? Которая ну прямо из кожи вон лезла,

чтобы показать, какая вся из себя замечательная? Этакая наглая, тщеславная тварь?

Да, магистр Буковец?..

Да, студентка Ясица. Именно так.

Я чувствовала, как то краснею, то бледнею. Мир казался далеким и почти ненастоящим; я не плакала, но перед глазами все равно все плыло и смазывалось. Хельги, сидевший возле меня, попытался меня растормошить: кажется, его интересовало, чего именно от меня хотел многоуважаемый директор. Увы, вампиру предстояло остаться в неведении. Поняв, что я нахожусь не в том настроении, чтобы давать кому бы то ни было объяснения, умный Хельги отодвинулся подальше. Он отлично знал, что от Яльги всего можно ждать, а кровати в медпункте были жесткие.

Некромантия прошла мимо меня. Нет, я честно законспектировала все, что просили, и даже выполнила два теоретических упражнения, выписанных на доске. Но все это было точно во сне, и звонок, глухо донесшийся из коридора, показался мне схожим с сигналом будильника.

Я смахнула пергамент в сумку, отправила туда же чернильницу и перо. Подняла взгляд; Хельги уже смылся, решив, очевидно, не искушать судьбу.

Подхватив сумку, я направилась к выходу. Но тут меня неожиданно окликнула некромантка; я обреченно обернулась, чувствуя, как кровь в очередной раз отливает от лица.

Ей-то чего от меня надо? Того же, чего и директору?..

— Ну что, как вчерашний турнир? — Белая Дама чуть улыбнулась, поднимая на меня взгляд. Какая-то из книг на ее столе обиженно запыхтела, стала раздуваться и выдохнула небольшое облачко сизого дыма. Некромантка не глядя строго хлопнула ладонью по столу, и фолиант немедленно сдулся обратно.

Я пожала плечами. А то она не в курсе.

— Что с вами такое, адептка? — с неожиданным вниманием спросила магистр. — Вы что, так расстроены из-за...

— Нет, — неохотно ответила я. — Не из-за места.

— А в чем тогда дело? Адептка Ясица. — Она чуть нахмурилась, видя, что я не собираюсь ничего отвечать. — Настроение интуитивного мага — это не только его забота. Оно мне надо, чтобы где-нибудь что-нибудь взорвалось? Это в лучшем случае взорвалось, а то я ведь вас знаю...

— Я не интуитивный маг, — возразила я.

Шэнди Дэнн насмешливо шевельнула бровью:

— И вы станете говорить мне, кем является моя адептка? Поверьте, я преподаю достаточно долго, чтобы понимать, что к чему... Ну же, адептка Ясица! Что с вами происходит?

Не знаю, зачем ей это было надо. Я не училась на ее факультете, а все мои успехи в некромантии ограничивались той победой на олимпиаде — победой, которой я меньше всего была обязана способностями к предмету. Насмешливая и суровая, меньше всего некромантка подходила на роль утешительницы обиженных адептов. Я понимала это. Но мне была нужна защита, а не утешение, — и вот ее, похоже, Белая Дама готова была дать.

И я рассказала. Кратко, не особенно эмоционально, стараясь приводить не домыслы, а факты — все, что случилось вчера, от начала турнира до выдачи призов, а потом сегодняшний диалог с магистром Буковцом. По мере того как рассказ близился к завершению, я чувствовала себя все более и более неловко; ощущение того, как здорово я подставила Академию, и не думало никуда исчезать — напротив, становилось все увереннее и сильнее. Некромантка же слушала очень внимательно. На лице у нее сохранялось прежнее спокойное выражение, но длинные ногти все быстрее и быстрее выстукивали по столу какой-то эльфийский мотивчик.

— Надо же, — задумчиво сказала она, когда я наконец замолчала. — Как удачно, что коллега Рихтер в отъезде. А я-то думаю, чего у меня настроение с утра такое паршивое?

— Я не поняла, — честно призналась я, не уловив связи между последними двумя

тезисами.

— Поругаться с кем-нибудь хочется, — серьезно объяснила Дэнн. — Будь Рихтер в школе, он бы этой Виррой сам занялся, а так... Нет, как удачно-то все, а! Этим ковенским давно уже укороту не было, вот они и распоясались!..

— Магистр Дэнн, скажите... — Я запнулась, но все-таки продолжила: — А Академии и впрямь такой вред будет?

— Да какой там вред. — Некромантка пренебрежительно поморщилась. — От этих-то крыс? Академия тысячу лет стояла — и еще столько же простоит. Вирра Джорджовна, ха! Тоже мне Великий Магистр выискался... А вы-то чего стоите, адептка? У вас что, сегодня больше занятий нет?

— Есть, — слегка деревянным голосом возразила я. Чего-чего, а такой вот реакции я уж точно не ожидала. — До свидания, магистр Дэнн.

— До свидания, — небрежно кивнула некрмантка.

У самой двери я оглянулась. Присев на корточки, некрмантка увлеченно копалась в среднем ящике своего стола; там потрескивало и шипело, до меня донесся легкий запах гари. Похоже, что в этом ящике преподавательница хранила телепортационные амулеты.

— Ну и где этот экстренный ковенский? — долетел до меня сердитый вопрос.

«О как», — уважительно подумала я, перешагивая порог.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой заканчиваются войны, шушат договоры и торжествуют банковские гномы, а юриспруденция в свою очередь претендует на звание царицы всех наук

Снежень месяц не зря считается самым коротким. Четыре недели пронеслись со скоростью адепта, опаздывающего на лекцию к Эгмунту или к Шэнди Дэнн. Кстати о некрмантке — я так и не узнала, выполнила ли она ту свою угрозу и разобралась ли с госпожой Щербинец. Впрочем, обычно у Белой Дамы слово с делом не расходились, так что Вирру Джорджовну мне было даже немножко жалко.

Боевую магию у нас по-прежнему вела Матильда ле Бреттэн. Не знаю, радовалась я этому или нет, — с одной стороны, знаниями вкупе с навыками там, разумеется, и не пахло, зато готовиться к занятиям стало на порядок проще. Теперь я возвращалась из библиотеки немножко раньше, — впрочем, моя элементарь, как существо сугубо практическое, только фыркала, заявляя, что не видит никакой разницы.

Возможно, в чем-то она и была права.

В середине снежня в Западных Землях случилось долгожданное историческое событие. Ковенская Армия, которой окончательно надоело шляться по тамошней грязи, наконец дала Эккехарду последний и решительный бой. Дело было возле городка, носившего благозвучное название Линденбург, — так что сражение вошло в ковенскую историю как «победа под Линденбургом» или, по выражению ехидного мгымбрика-обозревателя, «липовая⁵ победа». Войско маркграфа... в смысле герцога, разгромили наголову — причем, что характерно, сами маги отделались минимальными потерями. Тише едешь — дальше будешь: верно, мама не говорила Эккехарду, что пословицы следует уважать. КОВЕН действительно долго готовил решающий удар — а маркграф... да что такое? Герцог он, герцог! — расслабился, решив, что и этого врага сумеет победить с наскока.

Дальше же случилось то, чего, собственно, никто и не ждал. Особенно учитывая тот факт, что КОВЕН изначально выступал против объединения Западных Земель, — дескать, идите вы к мрысу со своим единым государством, у нас с вами и так проблем хватает. Так

⁵ Линденбург в переводе с немецкого — Липовый город.

что общественное мнение, расходясь в мелочах, полностью совпадало в главном: кирдык теперь тамошнему единому федеративному государству с абсолютно монархической формой правления. Ну и Эккехарду, разумеется, тоже.

Но КОВЕН в очередной раз решил иначе. Обозреватели столичных газет грызли перья в бессильной злобе: вопреки всем политическим прогнозам маги предложили Эккехарду переговоры. Тот оказался не дураком и согласился; в процессе же делового общения выказал себя не дураком вдвойне, ухитрившись выговорить для своего государства несколько весьма приличных льгот.

Сам он, кстати, под шумок короновался, объявив себя королем и полным властителем объединенных Западных Земель.

После пятнадцатого числа в Академию вереницей печальной потянулись блудные магистры. Четверо магов-погодников во главе с завкафедрой говорили, будто победа была одержана отчасти благодаря усилиям климатических магов. Магистр фехтования, приведший за ухо самого удачливого адепта из тех, кто сбегал в Западные Земли «на войну». Вид у адепта был до невозможности гордый — еще бы, ему черной завистью завидовало пол-Академии, начиная с братьев аунд Лиррен. Еще несколько аспирантов явилось ковенским телепортом — объяснили они это тем, что в обычный телепорт не вошел бы трофейный боевой верблюд. Впрочем, был вариант, что ничего такого они не говорили, а верблюд есть не более чем плод богатой фантазии близнецов. По крайности, никто его не видел, даже в виде бестиологического чучелка.

Рихтера покамест не было. Но, как выразился Хельги, «если этого мрыса и угрохают, он отыщет некроманта и на летнюю сессию все едино припрется». Народ (и я в том числе) тихо радовался возможности хоть немножко откосить от боевой магии. Ну а для того чтобы победить Эгмонта, надо было сильно постараться. Очень сильно. Сильнее, чем мог бы представить себе Эккехард.

Полин зря ехидничала на мой счет. Я ничуть не волновалась за своего магистра, а если и ожидала его возвращения, то исключительно оттого, что даже халява в больших размерах рано или поздно начинает надоедать.

Устав от постоянных подколов алхимички, я сухо сообщила ей все вышеизложенное. Но Полин явила типичный пример женского мышления — на все аргументы вкупе с логическими выкладками ей было чихать с Солнечного шпиля. Поверить же, что за шесть месяцев, проведенных мною на ее глазах, я ухитрилась так ни в кого и не влюбиться...

Нет, это было выше ее сил.

В воскресенье я проснулась непривычно рано.

Было, наверное, часов семь или восемь. Полин, всю неделю стенавшая от непосильных нагрузок, честно отсыпала выходной, уткнувшись носом в подушку. Сквозняк, лениво ползущий из-под двери, шевелил краешек ее одеяла, болтавшийся чуть не до самого пола.

А мне отчего-то совсем не хотелось спать.

Я быстренько оделась, прибрала постель. Идти было некуда: Академия еще спала, а в городе, я думаю, немного было таких любителей ранней побудки. Да и не хотелось мне наружу... за окном все было белым-бело, ночью выпал свежий снег, и теперь двор Академии напоминал белый альбомный лист — что хочешь, то на нем и пиши. Небо не слишком-то отличалось по цвету от земли: оно было светло-светло-серым, практически белым, и эта торжествующая белизна казалась очень холодной и очень далекой. Особенно отсюда, из этой комнаты, где было так много разных цветов: светлое дерево шкафа, темное — кровати, голубая блузка Полин, небрежно брошенная на стул...

Я достала из-под кровати «Справочник боевого мага» и, на всякий случай погладив его по корешку, залезла с ним на широкий подоконник. Прислонившись боком к оконному стеклу, я не глядя открыла книгу — умный «Справочник» раскрылся аккуратно на не дочитанной давеча странице.

Из щелей не дуло и не сквозило — мы с Полин тщательно зашпатлевали все дырки на следующей после Савайна неделе. Вообще-то хозяйственная алхимичка собиралась сделать

это гораздо раньше, но, как показало время, моя пофигистская точка зрения принесла гораздо больше плодов. Заклей мы окна до Савайна и мгымбра — наутро все пришлось бы переклеивать заново. К тому же в начале зимы Фенгиаруленгеддир обучил нас скрепляющим заклятиям, я же, как существо практическое до кончиков ногтей, закрепила эти навыки на наших окнах. Теперь оставалось надеяться, что до лета нас обучат заклинаниям, снимающим предыдущие.

Положив книгу себе на колени, я углубилась в чтение.

Раздел мне попался интересный — «Трансформация боевых заклятий». Пробовать все это именно на боевых заклинаниях я не рискнула — комната у меня всего лишь одна, соседки второй тоже не предвидится, да и собственная жизнь мне еще была дорога. Зато идея... о, идея была изумительная. Несколько слов, вплетенных в заклинание, — и все, суть его меняется так, будто мы применили совсем другую чару.

Вся беда была в том, что слов на гааарде знали не так уж много. А так... мрыс дерр гаст, тот, кто знает этот язык в совершенстве, владеет всеми чарами мира! И не надо ему никаких книг, не надо никаких талисманов... он изменит все, что сочтет необходимым, а иное — то, что опять-таки ему нужно, — оставит в неприкосновенности...

Есть же ведь у волкодлаков Аррани Валери! Она-то уж точно знает драконий язык... направляет судьбы, изменяет вселенную...

Мне вдруг стало холодно — в теплых штанах и куртке. Нет, не надо... пусть уж лучше будет все как есть. Лерикас-Предсказанная — она не человек, а волкодлак. Она — это другое. Ей, быть может, эта власть и не помеха; людям же лучше не иметь вот такого оружия под рукой.

Я оторвала взгляд от книги и посмотрела за окно. Там шел снег; это были не легкие снежинки, почему-то традиционно приписываемые лыкоморскому климату, и не мокрая крупа, как-то больше типичная для конца зимы. Нет; в воздухе кружились пушистые белые хлопья, точно на новогодней открытке, оживленной чарами иллюзий. Там все было белым, даже сероватые каменные стены будто мимикрировали, подстраиваясь под всеобщую белизну.

Я смотрела на двор с высоты второго этажа. Звуки до меня не доносились, но мне казалось, что их там и нет: все поглощает эта бездонная белая пустота. Бесконечное начало, чистый лист, все никак не могущий дождаться первого штриха.

Маленькая калитка, расположенная возле Больших ворот, беззвучно растворилась. Я мимоходом подумала, что это, должно быть, наш завхоз торопится с метлой — или, быть может, за метлой — к ближайшему орешнику, тщательно охраняемому магистром-фэйриведом.

Но это был не гном. На пустой школьный двор вошел человек в черном форменном плаще. Аккуратно прикрыв за собой калитку, он постоял у ворот, потом стянул с головы капюшон.

Я невольно закрыла книгу, пальцем заложив нужную страницу. Та-ак... похоже, субботняя лекция Матильды ле Бреттэн была последней для нашего курса...

Эгмонт медленно прошел по двору. Он хромал заметнее обычного; привычный черный плащ, не иначе как залятый от снега, резко контрастировал с белизной окружающего мира. Элементаль, высунувшаяся навстречу Рихтеру из двери, что-то у него спросила; он сделал отрицательный жест рукой, и понятливая флуктуация мигом исчезла в глубинах пятого измерения.

Магистр сел на землю возле стены и закрыл глаза. Он сидел совершенно неподвижно, а снег продолжал падать — картинка была та еще, из графической серии «Контрасты». Эльфийская работа, в лавке стоит четырнадцать золотых. Черное и белое, статика и динамика — погода вообще-то стояла не та, чтобы сидеть на снегу. Совсем не та. Впрочем, это не мое дело.

Подумав так, я вновь раскрыла книгу. Знакомые руны, помельтешив секунды три, снова ложились в правильные слова.

«Однако же следует отметить, что возможности драконьего языка...»

Когда я опять посмотрела во двор, Рихтера там уже не было. Цепочка следов, полусыпанных снегом, вела к входной двери. К понедельнику надо было срочно доучивать боевую магию.

Ближе к полудню я отправилась в библиотеку. Народу там было немного, с нашего курса — вообще никого. Кажется, адепты честно верили, что назавтра вести станет Матильда, а это означает, что не стоит тратить свободное время на какие-то пыльные фолианты.

Да. Завтрашнее утро, сдается, будет утром приятных сюрпризов.

Задание я сделала достаточно быстро: чего уж там, материал был знакомый. Можно было бы подготовиться к практикуму, но, во-первых, таковой ожидался только в среду, а во-вторых, я уже десятый раз ловила на себе предвкушающий взгляд библиотекаря. У гнома явно чесался язык, учитывая же, что именно Зирак первым узнавал все новости...

Я закрутила чернильницу, сунула ее в сумку. Свернула пергамент в свиток, затянула его шнурочком, отправила туда же. Теперь можно было смело приступать к выяснению последних новостей.

— И чего новенького в Академии? — нетерпеливо спросила я, подсев за Зиравов стол.

— В Академии-то все по-старому, — отмахнулся гном. Глаза его ажно сверкали от удовольствия. — А вот в мире, в мире-то мно-ого чего происходит! Внешняя политика называется... уй, ты бы знала, какая прелесть!

— С гномами чего-нибудь? — наугад предположила я. Как-никак большую часть «юмористической политики», как это дело окрестил Генри Ривендейл, обеспечивали именно они. — Или Аль-Буян заново на Конунгат полез?

Зирак расхохотался. Еще бы, история с Аль-Буянской войной уже вошла в легенды.

Началась вся эпопея по жутко приземленным причинам: обеспокоенное экономическим ростом Конунгата островное государство не придумало ничего лучше, как объявить ему эмбарго. Волкодлаки пожали плечами, конунг Валери покрутила пальцем у виска, легендарный Скупидонус обрадованно потер ладошки; проделав же все вышеописанное, они мгновенно наладили внешнюю торговлю с Западным Краем, а еще чуть попозже — с эльфами, давно набивавшимися в экономические партнеры. Вышло даже выгоднее, чем было: сухопутные перевозки каким-то образом оказались дешевле морских, благо дорог строить не пришлось, они и так были.

Аль-буянцы занервничали. Их влияние на материке потихоньку начинало падать, с этим надо было как-то бороться. И, не найдя другого решения, Аль-Буян пошел на Конунгат войной.

Государства заинтересовались: что из этого выйдет? Мудрые знатоки политики, истории рас и магии драконов пытались предугадать наиболее вероятный исход этой войны, но до того, чем все в итоге и закончилось, не додумался, кажется, никто.

Аль-буянские войска даже не успели дойти до Границы. Их завернуло на полдороге собственное же правительство. Когда же обозленные полководцы поинтересовались, чего ради они, как полные придурки, промаршировали едва не через полматерика, ситуацию немножко разъяснили.

От этого стало только хуже.

Война совершенно не вписывалась в планы конунга. Решив, что нечего тратить энергию на закрытие Границ или — того лучше — на продумывание стратегических тонкостей, хитрая Лерикас вспомнила про национальные оборотничьи традиции. Про, так сказать, традиционные моральные приоритеты. В частности — про всеобщую справедливость. Око за око, зуб за зуб... эмбарго за эмбарго.

Вот только эту экономическую блокаду объявил не один Конунгат. Ее поддержали все партнеры волкодлаков, включая добрых две трети банковских гномов. Куда бы они делись, от Скупидонуса-то и от Валери? Эти двое и по отдельности кого хочешь уделают, а уж вместе...

В общем, экономика острова рухнула в одночасье. Правда, не до конца: там еще было чего уничтожать. Эту простую мысль — насчет того что Аль-Буяну есть что терять — постарался донести до острова Скупидонус на первых же переговорах. А состоялись таковые очень быстро, ибо ни денег, ни товаров на Аль-Буяне почти не осталось.

— Не-э, — вернул меня к действительности Зирак. — Аль-Буян сейчас как мышь под веником, лишний раз и хвостиком не дернет. А вот с гномами — с гномами это да, здесь ты угадала...

Я молчала, закономерно ожидая продолжения. Гном едва не облизывался, как кот на сметану.

— Знаешь же, что творится в Западных Землях? — с удовольствием заговорил он. — После Линденбурга там все еще утрясается, королевство подергивается, но вроде как стоит. Этот, маркграф, кажется, головастый лопался... а мы все равно головастее!.. Мы там такой финт провернули, что самим вспомнить приятно!

— Так что за финт-то? — нетерпеливо спросила я.

Гном выдержал паузу. Борода его ажно топорщилась от удовольствия.

— Где-то там на Западе есть такое маленькое графство. Знаешь, какие там обычно владения: две квадратных сажени и кирпичная башенка посерединке — вся в гобеленах. Родовое, стало быть, гнездо. Графство это наш маркграф завоевал в самом начале своего... хм... творческого пути, потому как был ему соседом самой что ни на есть первой степени. Графа-хозяина стукнули по кумполу моргенштерном, евойных наследников приголубили чем-то похожим, — в общем, осталась земляца совершенно бесхозная. То есть это Эккехард думал, что бесхозная.

— А оказалось...

— А оказалось, что очень даже хозяйская. Графство-то, между прочим, называлось не как-нибудь. Рихтер оно называлось. Знакомое имечко, правда?

— Еще бы, — хмыкнула я. — Подождите, а Эгмонт что, еще и граф?

— Да как сказать... Серединка на половинку. Он вообще-то бастард. Побочная ветвь и все в этом же духе. По мечу происхождение самое благородное, а по кудели — не разбери поймешь что. Мать его вообще-то тоже из благородных, но вот замужем за старым графом она отроду не была. Там у них к подобным вещам отношение самое строгое. Не, детенышей везде можно делать, это не возбраняется, а вот наследовать — это уже сложнее.

— И что?

Библиотекарь довольно ухмыльнулся.

— Нет, магистр у вас, конечно, боевой, — признал он. — Если надо, он и сам бы это графство выбил. Тем паче что надо не ему, а КОВЕНу — по политическим мотивам. Но зачем бросаться заклетьями, когда можно просто поговорить с толковым гномом? Потом еще восстанавливай чего ты там насносил...

— Что, гном был сильно толковый? — осторожно спросила я, начиная понимать, в чем дело.

Зирак расплылся в широкой улыбке.

— Очень, — с чувством сказал он. — Очень толковый. Толковее просто не бывает.

И с довольным видом огладил бороду.

Факелы горели ровно, без всякого потрескивания. Ровные языки пламени исправно освещали развешанные по стенам геральдические стяга. Красные, малиновые, алые... с каждого полотнища вызывающе глядел бронзовый королевский грифон. Прежде здесь висели щиты с гербами предыдущих хозяев. Иные из этих гербов были, пожалуй что, и постарше теперешнего наглого грифона. Но времена меняются, разве нет? Геральдике, как науке, особенно приближенной к трону, нужно успевать за переменами...

— Так, значит, вы-таки отказываетесь признавать Эгмонта Рихтера графом фон Рихтером, законным наследником майората?

Гном-законник, глава клана законников, произнес фразу с видом бесконечно уставшего человека. Было ясно, что проделываемая работа не приносит ему ни малейшей радости.

Новоиспеченный король насторожился, сжимая резные подлокотники трона. Гномов вообще, законников в частности, а уж тем более этого конкретного он знал не хуже любимой супруги. Если не лучше. Поверить же, что работа не приносит им удовлетворения...

Что-то здесь было не так.

Предчувствия его величества имели обыкновение сбываться. Именно этому он и был обязан шестнадцатью выигранными сражениями, одной проигранной битвой, но проигранной с максимальным достоинством, успешно проведенными переговорами с КОВЕНОм и относительно крепко сколоченным государством.

— Подумайте еще раз, ваше величество, — смиренно предложил гном, сплетая пальцы в замок. Мелькнул тяжелый перстень-печатка; Эккехард, не успевший еще забыть тяжелые времена и почетную профессию раубриттера, безошибочно опознал его как золотой. — Быть может, вы все же сочтете возможным признать наследные права нашего клиента?

Произнося последнюю фразу, мэтр прищурился; в его глазах порядком уставшему от всей этой канители королю внезапно почудился неуместный веселый огонек. Эккехард насторожился пуще прежнего, ибо ничего хорошего сей признак не предвещал. Гномы весьма уважали народную мудрость, оттого смеялись исключительно последними.

Король привычным движением сжал рукоять меча, искренне жалея, что не может решить гномью проблему таким родным и удобным способом. Увы, пришить втихую этого гнома не удалось бы и простому рыцарю, не то что властителю Западных Земель.

Знать бы еще, какой интерес столь уважаемому гному может быть в этом бастарде, который, пускай и боевой магистр из трижды... нет, четырежды!.. клятого КОВЕНа, все едино нищ, как храмовая крыса?!

Королю не пришлось долго мучиться, отыскивая ответ. Ответ явился собственной персоной: глава клана, степенно огладив бороду, подал кому-то знак. Тяжелые двери Церемониального Зала распахнулись; в полной тишине на древние плиты, помнившие еще владык из династии Вальцрингов, ступила величественная процессия.

Первым шел глава клана архивариусов — степенный, пожилой даже по гномьим меркам гном, седая борода которого волочилась за ним по полу. Странно, мельком подумалось королю, и как это он не спотыкается?

Гном, словно прочтя высочайшую мысль, сверкнул на Эккехарда очами.

За ним, с той же вдумчивостью и серьезностью, вышагивали двое мускулистых гномов помладше. В руках каждый нес по старинному свитку, внушавшему уважение не только возрастом, но и весом. Гномы сознавали торжественность момента и оттого старались особенно не пыхтеть.

Замыкал процессию совсем юный гномонок, обеими руками сжимавший тяжелый, окованный металлом жезл. Жезл превышал его ростом на добрые три головы. Через каждые два шага гномонок останавливался, звучно ударял жезлом об пол и спешил дальше. Патриарх-архивариус шествовал неожиданно резво, так что потомок едва за ним поспевал.

Сюрпризы, однако, на этом не закончились. Следом, на сообразном расстоянии, но с ничуть не меньшим достоинством, следовало еще одно шествие, во главе которого король с ужасом узрел старейшину клана говорунов, известного любому жителю Западных Земель. Эти не несли с собой ничего, включая секиры, но король особенно не обольщался. На то они и говоруны — отнять у таких оружие можно, только лишь вырвав языки.

И то тогда они объяснятся жестами.

— Итак, вы отказываете, ваше величество? — в третий раз уточнил дотошный гном.

— Да, — мрачно согласился король. Видят боги, на поле боя ему было значительно легче. Там не водилось таких вот гномов с их свитками, жезлами и почтительными потомками.

— И причины, побудившие моего короля к столь печальному решению, таятся исключительно в происхождении означенного Рихтера? — мягко вступил в беседу старейшина клана говорунов.

— Да! — решительно отрубил король. Его супруга, многоуважаемая королева

Люцилия, частенько утверждала, что разнообразием словарного запаса Эккехард не отличался отродясь. Сейчас он как никогда склонен был этому поверить. Но ведь он король, черт возьми, — или нет?!

Король, а не говорун!

— Отлично! — не понять чему обрадовался архивариус. Он подал знак, и правый гном из двух, державших свитки, развернул свой документ, закрепляя его на установленной расторопным гномам подставке.

— Соболаговолите посмотреть, ваше величество, — с поклоном указал он. — Родословная вышеупомянутого Рихтера.

Гномак, невесть откуда выудивший метелочку, спешно обмахнул с пергаментa несуществующую пыль.

Гном-говорун внимательно осматрел исторический документ.

— А и вполне себе родословная, — наконец заключил он. — Графы фон Рихтер, ажно до... хм... до шестнадцатого колена! Чем худо, ваше величество? Что?.. — Это относилось уже к гномак, что-то почтительно шепнувшему старейшине на ухо. — По кудели?.. Ах, матушку посмотреть?

Король медленно зверел. В то, что глава клана говорунов заранее не узнал ничего о родословной своего клиента, он верил не больше, чем в душеспасительную функцию материальных отчислений на храмы.

Говорун же тем временем со всем тщанием разглядывал свиток.

— Ай-яй-яй-яй-яй! — наконец потрясенно завел он. Вскинул на короля подслеповатые (ага, это у гнома-то!) глазки, в порыве чувств воздел руки к небу. — И впрямь... охти ж, как оно вышло-то! Все чистенько-гладенько, комар носу не подточит... а вот поди ж ты! Матушка подвела! Вот если б не это!..

Договаривая последнее слово, он щелкнул пальцами. Второй гном, незаметно опустивший свой свиток на пол, мигом вскинул ношу обратно на плечо. Шустрый гномак уже подтаскивал лестницу; поднявшись по ней, гном торжественно закрепил свиток на специальном, заранее вбитом гвоздике и с поклоном отступил в сторону, уступая дорогу главе собственного клана.

Если гном-носильщик на свиток даже и дышать побаивался, архивариус обращался с документом по-свойски. Обтерев ладошкой возможную пыль, он споро развернул свиток на всю длину, подмигнув подбежавшему гномак. Тот с благоговением принял от старца нижний конец огромного пергаментного листа.

Король, еще не веря до конца своим глазам, приподнялся на троне и впери́л в свиток безумный взгляд.

Этого не могло быть, но это было. На пожелтевшем от времени пергаменте виднелись до боли знакомые имена и знаки — еще в детстве Эккехард выучил их все наизусть. Еще бы, ведь ушлые гномы притащили в этот зал реликвию, которую король хранил пуще собственной жизни и собственной королевы, не говоря уже о национальной безопасности и национальной же казне.

Родословное древо. Старинный документ, хранимый королем (а во времена оны — только лишь веселым маркграфом, охотно промышлявшим на больших дорогах), а также всеми его предками в строжайшей тайне. До этого свитка допускались только старшие сыновья, наследники майората; всем прочим потомкам обоих полов путь в заповедную комнату был заказан. Чего уж говорить о посторонних — пусть даже посторонним был и гном из клана архивариусов!

И была причина, вынудившая маркграфов поступать именно так. Весомая историческая причина, на которую сейчас и указывал невесть откуда вытащенной палочкой говорун.

— Ну-ка кто это здесь? О-о, благородные предки! Маркграф Зигмунд, маркграф Хаген... помнится, браком он сочетался с Изольдой, урожденной баронессой цу Зиттергейн? Помню, помню ту свадьбу, присутствовал... А это кто? — Гном виновато улыбнулся. — Что-то буковок не разберу... ваше величество?

— Основатель рода, — скрежетнув зубами, отвечал король. — Хальдред Отважный, младший сын Рейнвигского Дома шесть столетий назад завоевавший титул маркграфа.

Улыбка говоруна сделалась еще шире.

— А на ком он женился, мой король?

Эккехард сжал зубы, поняв, к чему клонит настырный гном:

— Он умер до брака.

— Надо же! — искренне огорчился говорун. По щеке его вроде бы даже пробежала слезинка, но вот за это король бы не поручился. — Какая трагедия, ваше величество, какая жизненная драма! Но откуда же в таком случае взялся наследник? Как же появился на свет благородный Вильгельм, прославивший, если мне не изменяет память, честь фамилии в битве под Мюнцбургом?

Король молчал. Какая-то сумасшедшая муха, невесть откуда взявшаяся в конце зимы, билась в цветное стекло витража.

— Таки я вам скажу откуда, ваше величество! Матушкой помянутого выше Вильгельма была Лизхен бесфамильная, крестьянка вашей, мой король, наследственной марки! Однако же это прискорбное обстоятельство не помешало юному Вильгельму получить в названном мною сражении черный крест на щит и право добавить бронзовый к фамильным гербовым цветам — то, которым вы пользуетесь и по сей день...

Бронзовый грифон чуть смутился и попытался задрапироваться алым полотнищем.

— Рыцарь Хальдред, — вступил законник, видно давно ожидавший своей очереди, — погиб, не успев признать Вильгельма законным наследником. Мы же имеем письменное свидетельство того, что прежний граф фон Рихтер поступил иначе. Райнфер, предъяви! — Это относилось уже к гному, одному из подручных архивариуса. Тот с готовностью вытащил из-за пазухи квадратный бумажный конверт. — Кроме того, матерью славного предка моего короля была рожденная в травах,⁶ чего никак нельзя сказать о матери нашего клиента! Это Эрмина, баронесса Хенгернская, урожденная маркиза д'Армион. Надо сказать, здравствующая по сей день. Так, быть может, ваше величество пересмотрит свое решение?

— Наш клиент, — голос говоруна на хлеб можно было намазывать, — всецело ратует за справедливость. Он крайне не желает обнародования сведений, возможно, несколько... нет, не порочащих, но затеняющих родословную нашего великого монарха. Однако некоторая информация может просочиться в массы и без его ведома. Вы знаете, наш клиент так занят! У него очень много работы, в Академии и еще в КОВЕНе... о, мой король, у него там такие хорошие связи! Немудрено, если он не сумеет за всем этим проследить...

Эккехард умел проигрывать. Он знал, когда нужно отступать, чтобы сохранить то небольшое, что у него еще осталось. Сейчас было как раз то самое время, и оттого король, особенно не размышляя, величественно кивнул:

— Мы меняем наше решение. В свете полученных знаний. — «Эк закрутил», — с невольным восхищением подумал он. — Мы готовы признать наследные права этого ковенского vysko... э-э... достойного магистра. Мы готовы назвать его своим вассалом, буде он даст нам рыцарскую присягу.

— Отлично! — просиял гном-законник. — Райнфер, мальчик мой!..

Бородатый «мальчик» звучно хлопнул в ладоши. Дверь отворилась сызнова; король, подавляя рвущиеся на свет слова из жаргона раубриттеров, воззрился на явившихся его взору пришельцев.

Это, разумеется, были гномы. Четверо дюжих молодцев, не иначе как из кузнечных подмастерьев, несли свиток, при взгляде на который король не выдержал и сказал-таки то, с чем героически боролся последние полчаса.

Поймав на себе сочувствующий взгляд гноменка, Эккехард потерял терпение. Сжав

⁶ Крестьянка в томской юридической терминологии.

рукоять меча, он выпрямился во весь рост и оглядел зал грозным, истинно королевским взглядом:

— Ну и что это такое? — От его голоса в рамах, кажется, дрогнули витражи.

Но гномы даже не моргнули.

— Это претензии, ваше величество, — мягко сказал говорун.

— Какие еще претензии? — повысил голос Эккехард.

— Предъявляемые вашему величеству нашим клиентом.

Гномы тем временем достигли центра зала. С облегчением сгрузив свою ношу на пол, они почетным эскортом застыли по четырем углам воображаемого квадрата, центром которого являлся поставленный на попа свиток.

— Как почтительный отпрыск благородного дома фон Рихтеров и как рачительный хозяин наследных угодий, а следовательно, достойный своего короля вассал, теперешний граф фон Рихтер предъявляет своему сюзерену следующие претензии. Претензия первая. За невинно убиенных в ходе военных действий родственников, в скобках — сообразно уровню родства, граф фон Рихтер требует пятьсот золотых монет гномьей чеканки.

Король смутно припомнил невинно убиенную родню. Старый граф, пользовавшийся в Западных Землях некоторым авторитетом, пожалуй, и стоил... ну скажем, двухсот монет. Однако Эккехард сильно сомневался, что граф нынешний питал к предыдущему столь сильные сыновние чувства. Особенно учитывая, что отцовское участие в его судьбе ограничилось спешным созданием и признанием родства, сделанным только потому, что отвертеться не получилось. Сыновья же покойного — соответственно сводные братья ковенца и законные наследники имущества — широко славились окрест донельзя склочным нравом. Раубриттерством они не промышляли, потому как все свободное время тратили на выяснение вопроса, кому именно достанется майорат. Едва любимого папеньку пристукнули моргенштерном, как братья мигом передрались, решив раз и навсегда покончить с этим животрепещущим вопросом. Король не знал, кто из них вышел победителем, — ибо этот второй на следующий же день утонул в близлежащей речке. Учитывая, что на дворе стояла зима, а подледное плавание не входило в список увлечений наследника, получалось, что крестьяне графства имели на власть свои особые планы.

Пятьсот монет за устранение конкурентов?! Да у этого Рихтера с головой не все в порядке! Это кто еще кому заплатить должен!

— Претензия вторая, — продолжал вещать законник. — За разрушение замковой стены, а также нанесение ущерба донжону, каковой является памятником культуры и соответственно занесен в список четырехсот охраняемых КОВЕНОм объектов, наш клиент требует восемьсот золотых монет. Претензия два дробь один. Ввиду того что упомянутый донжон суть важнейшая, можно сказать, основополагающая семейная реликвия, ибо именно в указанном донжоне, на втором этаже оного, в зале Гобеленов, в нише возле правого окна...

— Какие окна в донжонах? — свистящим шепотом спросил гномонок. — Там же бойницы!

— Так приказала госпожа графиня, — так же тихо ответил гном Райнфер. — После того как стала ею...

— ...что на Западной стене, госпожа Андриана наконец-то ответила на пламенные чувства графа Антуана фон Рихтера, что в свою очередь дало основания для последующей свадьбы и явилось причиной появления на свет очередного графа фон Рихтера, и, следовательно, не будь указанного донжона, всех этих событий не произошло бы. Равно как не появился бы на свет наш уважаемый, уже признанный высочайшей волей граф Эгмонт фон Рихтер.

Король мрачно подумал, что недаром донжон не понравился ему сразу и что снести эти развалины надо было прежде, чем построить.

— Разумеется, ценность фамильной реликвии не может быть воплощена в вульгарном золоте. Но, из огромного уважения к персоне вашего величества, наш клиент после долгих терзаний все-таки решил назвать конкретную сумму. Право слово, мой король, она

невелика: что такое тысяча восемьсот золотых монет по сравнению с попранием фамильной реликвии?.. Претензия два дробь два. Вам, должно быть, известно, ваше величество, что романтическая история Антуана и Андрианы фон Рихтер легла в основу знаменитой баллады «Андриан и Антуана» авторства небезызвестного менестреля Риэнталья Хвостика. Сегодня это гениальное произведение изучают во многих учебных заведениях Лыкоморья, в том числе и в Академии, где преподает нынешний граф. По его поручению и от его имени с администрацией Академии был заключен контракт на десять экскурсий по упомянутому выше донжону. Однако из-за плачевного состояния, в котором находится постройка, контракт пришлось разорвать. За это граф фон Рихтер требует пятьсот золотых и еще семьдесят шесть серебряных монет — на покрытие неустойки. Итого суммарно по второму пункту: три тысячи шестьсот золотых и семьдесят шесть серебряных монет, из которых пятнадцать золотых будут потрачены на ремонт донжона.

Больше всего королю понравилось слово «суммарно». Оно означало, что на этом второй пункт заканчивается. Поймав себя на столь недостойной властителя мысли, Эккехард окончательно озверел.

— Да по какому праву... — сдавленно начал он.

Законник просиял вторично.

— Обосновать? — с надеждой спросил он.

— Обосновать! — рыкнул Эккехард.

— Секундочку, ваше величество! — Законник ажно светился от радости. — Одну маленькую секундочку!.. Райнфер, геть к сундукам! Тащи сорок восьмой, прихвати еще шестидесятый!

Гном исполнительно кивнул и улетучился в дальний угол. Король посмотрел туда же и почувствовал, как душа его проваливается куда-то к каблукам сапог. В упомянутом углу стояли кожаные сундуки, пронумерованные и аккуратно сложенные. Не стоило гадать, чем они набиты, — гном-помощник уже подтащил два указанных сундука своему мэтру, и тот с благоговением отщелкнул бронзовые замки. Откинул крышки, по локоть углубился в пыльные свитки.

Вынырнул наружу.

— Согласно тысяча четыреста тридцать первой статье Кодекса о вассальных отношениях, принятого вашим предком Хагеном в 2476 году от НТ, сюзерен обязан возместить вассалу все нанесенные им убытки, буде таковые будут нанесены не в ходе наказания помянутого вассала. Билль же о войне, принятый вашим досточтимым прапрапрадедом Жераром Опрометчивым, гласит, что каждое владение имеет полное право на оборону. На момент нападения графство Рихтер не было вашим вассалом, а значит, нанесенные армией моего короля убытки нельзя считать нанесенными в ходе акции возмездия. Однако же, завоевав, вы признали себя сюзереном этого графства и, следовательно, приняли на себя все финансовые обязанности. Нельзя, однако же, считать виновными в причинении вреда самих графов, ведь они в точности следовали букве закона, обороняя свои владения от вашего нападения...

Король махнул рукой (левой, с зажатой в ней державой). Гном послушно смолк, — впрочем, по его виду было понятно, что в любой момент он готов продолжать. На сундуки он косился, как кот на кринку сметаны. Но Эккехард уже понял, с кем связался, и отнюдь не собирался провести в Церемониальном зале весь остаток жизни.

— Сколько там всего этих... претензий?

— Триста сорок четыре, мой король, — тут же ответил говорун.

— В деньгах сколько? — Король решил говорить кратко, но на доступном гномам языке.

Гном молча протянул свиток. Эккехард обзрел сумму, выписанную красными чернилами, и подивился собственному спокойствию. Видно, появилось оно потому, что терять уже было нечего. Причем не только ему, но и потомкам в ближайших семи поколениях.

— Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, дом Рихтер предоставляет правящему королевскому дому, — голос говоруна слышался откуда-то издалека, или так показалось несчастному Эккехарду, — возможность уплаты денежных средств в рассрочку с внесением платежей равными долями в течение семисот пятидесяти девяти лет трех месяцев и одного дня. Платежи надлежит проводить через Западный филиал банка «Ильмариненс Лериэ», где, исключительно из уважения к высочайшей персоне моего короля, процент, взимаемый за вышеуказанную операцию, будет значительно ниже обыкновенного. Извольте взглянуть, ваше величество!

Гном расторопно подсунул королю другой свиток. Цифра, на этот раз выписанная нежно-сиреневыми чернилами, понравилась королю значительно больше предыдущей. Куда там — можно сказать, она вернула несчастного монарха к жизни. Пусть даже эта сумма с лихвой покрывала положенную на графство ленную дань — черт с ним, так хотя бы удастся расплатиться.

При этом сохранив фамильную честь и государственную казну.

— И что, он заплатил? — не веря своим ушам, переспросила я. — Заплатил?!

Гном ажно крикнул от удовольствия.

— До последней серебрушки! — со смаком поведал он. — И платеж, за два месяца разом, и процентики, и гонорар трем кланам. Хотя нет, вру — на гонорар они с Рихтером поровну сбрасывались. В графстве, говорят, уже неделю сплошной праздник. Народные гуляния, с плясками, ярмаркой и прочими увеселениями.

— Подождите. — Я помотала головой, стремясь уложить полученную информацию покомпактнее. — Этот Эккехард как, считать-то вообще умеет? Он же раубриттер! По мне, тут дешевле было бы Рихтера потихонечку прикопать... — Гном смотрел на меня с некоторой опаской, поэтому я поспешила пояснить: — Да что вы, я так, чисто теоретически! Ну пожертвовал бы пару золотых на памятник и веночек... гномы бы Эккехарду даже скидочку сделали, как регулярному поставщику клиентуры...

— Да как тебе сказать, Яльга... — Зирак чуть замялся. — Считать-то он как раз хорошо умеет. И Эгмонта нашего он тоже уже видел. Веночком, конечно, дело бы и кончилось, только имя бы на нем другое написали. А насчет скидки — это да, это да...

— А предоставлять бы ее стали не королю, а безутешной вдове, — поддакнула я.

— А раз и так знаешь, какого мрыса спрашиваешь?

Тут на столе у Зирака истошно завопил какой-то амулет, надежно скрытый за толстой пачкой «Магического обозрения». Гном немедленно метнулся к хрустальному обсерверу, вперился в него испуганным взглядом.

— Да, магистр Дэнн! Нет, магистр Дэнн! Магистр Дэнн, да как вы подумать такое могли?! Что? Нет-нет, я ни на секунду не усомнился в ваших мыслительных способностях! О, они непостижимы для любого разума, чуть менее совершенного, чем ваш! Нет, что вы, это совсем никакой не намек...

Я сочувственно наблюдала за библиотекарем. Давно зная за некроманткой любовь к внеплановым скандалам, я ничуть не сомневалась, что ей абсолютно все равно, на кого сбросить излишний негатив. Равно как и в том, что не позже чем через три минуты она телепортируется в библиотеку, дабы продолжить скандал с глазу на глаз. Так что жест, адресованный мне Зираком, я отлично поняла и без перевода.

Интересно, подумала я, сбегая по лестнице вниз. А Шэнди Дэнн в курсе, что под столешницей у библиотекаря прицеплен компактный амулет-накопитель? Помнится, когда я полезла туда за выскользнувшим журналом, меня здорово шандарахнуло молнией. Синей, кажется... Что ж, значит, негативную энергию амулет преобразует с максимальным эффектом...

А уж от женской некромантической едва не облизывается.

Гномы есть гномы. Они способны извлечь выгоду даже из сезонной скандальности декана некромантического факультета.

День был выходной — этим надо было пользоваться. Я и пользовалась на полную

катушку; сначала почитала «Справочник», потом — забытую Полин на столике книжку. Книжка была про любовь, так что я заскучала уже на двадцатой странице. Решительно хлопнув предмет страданий Полин (еще бы, следы слез отчетливо просматривались на дорожке эльфийской бумаге), я вышла в коридор с намерением немножко погулять.

Но погулять не получилось. В первом же коридоре я наткнулась на бестиолога, видно организовывавшего свой досуг весьма похожим образом. Поняв свою оплошность, я попыталась было проскочить мимо, но Марцелл, твердо решивший предотвратить очередную проблему, вцепился в меня клещом. Им определенно двигали патриотические мотивы: еще бы, чем не подвиг — спасти Академию от злокозненной студентки? Еще пять лет моего здесь обучения — и за такое дело даже медали начнут выдавать...

А к выпускному придумают специальный орден. С бантом, звездно-полосатой лентой и лаконичным девизом: «Выжившим».

Погулять, как сказано выше, не вышло. Еще пару часов я выполняла прямой ученический долг, сортируя в Марцелловом кабинете чешую всех двадцати четырех видов мгымбров, включая тропический летающий. Чешуи у Марцелла было много, два тугих мешочка: как мне пояснили, ее прислал КОВЕН для бестиологических и алхимических практикумов. В моем случае — и для боевых: вспомнив, что каждый труд должен быть оплачен, я без зазрения совести сперла четыре чешуйки мгымбра черного складчатого и шестнадцать — мгымбра оранжевого дальноплюйного. Марцеллу все одно не пригодится, а мне как раз наоборот. Чешуя мгымбров этих двух разновидностей отлично поглощает некоторые боевые чары.

В три часа пополудни я вернулась в комнату. Читать не хотелось, уроки давно уже были сделаны, от скуки я едва не лезла на стенку. Прочувствовав мое настроение, элементаль притащила откуда-то целую кипу красочных журналов, на все лады расхваливающих разные магические прикормы — от боевых амулетов до скляночек «для наилучшего хранения гламурии». Еще пару часов я скоротала за просмотром всех этих каталогов; потом в комнате образовалась Полин, вернувшаяся, как выяснилось, от кого-то из многочисленных столичных родственников. Алхимичка старательно закатывала глазки, объясняя, сколь высокое положение занимал этот родственник в лыкоморской вертикали власти, но я не особенно-то и поверила. Будь этот родственник хоть сколько-нибудь значимым лицом, драгоценностей на Полин было бы килограмма на полтора больше.

Едва девица поняла, что именно я листаю, как вся столичная родня мигом была позабыта. Не сумев отнять у меня непрочитанные журналы, она клещом вцепилась в просмотренные; элементаль, довольная таким успехом, пообещала свести Полин со знахаркой-распространительницей и даже выговорить ей специальную скидку — как подруге хозяйки. Алхимичка умиленно кивала и выписывала на клочок пергамента четырехзначные номера, крупными циферками подписанные рядом с рисунками.

Снаружи быстро темнело, начался ветер. Мы зажгли свечи; в комнате разом сделалось уютнее и теплее. Острую иглу Солнечного шпилья то и дело окутывало золотое свечение, — кажется, там практиковали старшекурсники, не то погодники, не то телепаты. Тамошний магический фон здорово подходил и тем и другим: пару недель назад, когда звезды одинаково улыбались с небес обоим факультетам, магистры едва не подрались, выясняя, кто проведет занятие в Башне первым. «Здоровая конкуренция», как выразился экономически подкованный Хельги, усугублялась еще и тем, что места в Башне было мало, его едва-едва хватало на несколько групп, спешно объединенных для такого исключительного случая.

Полин задернула занавески, шуганула меня с насиженного подоконника. Я без возражений пересела на кровать: за полгода с лишним я уже успела уяснить, что алхимичка испытывает какую-то странную боязнь темноты. В принципе против ночных прогулок под луной она не имела ровным счетом ничего, зато смотреть в ночную мглу, быстро сгущающуюся за окном...

Что же, у каждого свои тараканы. А учитывая, что у меня их и вовсе целый инсектарий...

Было скучно, тепло и сытно — верная элементаль, извернувшись, притащила с кухни целую кастрюльку гречневой каши. Полин, уже не скрываясь, зевала во весь рот. Я пока сдерживалась, за что и была обругана «вредным ночным хищником». Оснований для этого, кстати, было не так уж и много: спать мне хотелось все больше и больше, я держалась исключительно на вредности и желании досадить Полин.

Но все имеет свои пределы. Даже моя вредность — хотя, думается мне, бестиологу было бы сложно в это поверить. Завтра меня ждало целых два практикума — общая магия, а потом боевые чары. Кроме того, завтра ожидался Эгмонт, который наверняка захочет наверстать все пропущенное в тройном размере. Невыспавшиеся студенты имели мало шансов дожить до вечера.

Полин давно уже сопела в обе дырочки. Я закрыла последний каталог, аккуратно сложила их все в стопочку возле кровати. Выпила воды прямо из кувшина, выглянула за окно: с кончика шпиля как раз сорвался огромный розовый шар, взорвавшийся множеством искр.

Спать, Яльга. Все. Надо спать.

— Спокойной ночи, — сонно буркнула элементаль из глубины двери.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой знакомые прежде личности предстают в неожиданном свете, иное тайное становится явным, а иное предпочитает оставаться загадкой, ибо много ли интересу в том, чтобы узнать всю информацию зараз?

Сны снились мне едва ли не каждую ночь — цветные и яркие, полные движения, погонь, схваток и интриг. Иногда я видела кошмары, иногда — сны смутно любовного содержания, иногда и вовсе не могла вспомнить, что именно мне снилось этой ночью. Но если вспоминала и рассказывала Полин, алхимичка вслух завидовала, потому что ей самой сны снились очень редко. А уж такие приключенческие — и вовсе нечасто.

Но такого странного сна мне прежде не снилось.

...Я стояла посреди большого зала, освещенного сотнями магических свечей. За стрельчатыми окнами стояла вечерняя темнота; я могла ошибаться, но темнота определенно была зимняя, ибо в любое другое время года вечерние сумерки выглядят гораздо более прозрачными. Подойдя к ближайшему окну, я обозрела до боли знакомый внутренний двор; двор этот, да еще то, что воздух в зале чуть подрагивал от творившихся внутри чар, подсказали мне, что я нахожусь в стенах родной Академии Магических Искусств.

«Вот оно, образование, — философски подумалось мне. — И во сне от него никуда не убежишь!..»

Прикинув положение окон, я поняла, что нахожусь, скорее всего, в Малом зале, одной стеной примыкающем к Церемониальному. Здесь было шумно,людно, эльфно и немножко гномно: в зале находилось адептов, наверное, с сотню, все веселые и одетые по-праздничному. То и дело в воздухе взрывалась очередная иллюзия; прикинув уровень таковых, я поняла, что все адепты учатся на последнем, выпускном курсе. На вид большинство были моими ровесниками, из чего я сделала вывод: раньше на первый курс принимали не двадцати, а максимум четырнадцать лет от роду.

Похоже было на то, что все они ждут чего-то официального, серьезного и радостного одновременно; судя же по тому, что снаружи стояла зима, этим официальным, серьезным и так далее должно было быть торжественное вручение дипломов об окончании учебы. Во всех учебных заведениях, курируемых лично батюшкой царем, выпускной вечер отмечали в последний день зимы. Что уж поделать, больше всего наше лыкоморское величество любило именно это время. Поэтому дипломы вручались зимой, а летом после всех экзаменов и уже далеко не так торжественно выдавали скромные «приложения», в каковых и указывались

истинные оценки.

Во всех моих снах мне полагалось что-то делать. Бежать, искать, отбиваться, целовать или спасать — никогда прежде мне не приходилось стоять сусликом посреди комнаты и честно пытаться понять, чего мне, собственно, надо. Мысли были удивительно четкие, как будто я размышляла не во сне, а наяву; я уже испугалась, что не сплю, когда вдруг почувствовала под ребрами знакомое тягучее ощущение. Мне надо было... мне надо было кого-то найти. Кого? Я не знала точно.

Адептов был полон зал; я осторожно прошла вперед, проскальзывая между людьми. Никто не пытался пройти меня насквозь, тела были теплыми, и кто-то весьма ощутимо заехал мне локтем под ложечку, но я отчетливо понимала, что мы существуем в разных плоскостях, как скрещивающиеся прямые. И у нас нет и не может быть никакой точки пересечения.

Неожиданно меня чуть толкнуло изнутри, и я остановилась, приглядываясь к окружающим. Что, где-то здесь находится тот, кто мне нужен? Вроде нет... я скользила взглядом по адептам и адепткам, и вскоре мягкий толчок повторился. Ага...

Прямо напротив меня стоял молодой маг под руку с темноволосой девушкой. Девушка была вампиршей — это опознавалось буквально на раз, по бровям весьма специфической формы. Ни у кого из здешних уроженков человеческого происхождения я не видела бровей, практически идеально повторявших заезженную метафору о полумесяцах. У вампиров-мужчин, кстати, тоже таких не попадалось; судя по всему, столь оригинальная внешность была уделом исключительно их женщин. Интересное лицо, кстати... проучившись полгода на одном курсе с весьма родовитым вампиром, я научилась определять хотя бы маломальски благородных кровопивцев. Так вот, эта явно была не из простой семьи. Более чем не из простой. Генри, быть может, насчитал бы своих предков поколению на четыре больше, но так то Генри, ему можно. Он уж так устроен, не с него спрос, а с природы.

Маг в принципе тоже был неплох. И с благородной кровью все было в порядке; ну не в тех, конечно, масштабах, но все-таки. Поколения три найдется. Красивое лицо, гордый разворот плеч, тоже, кстати, весьма приличных, — нет, возвращаясь к вампирам, Генри дал бы ему сто очков вперед, но так то Генри...

И тем чутьем, какое, наверное, есть у каждого, кто пробивается из низов, кто выгрызает свой успех у Судьбы из горла, я поняла: этому выгрызать ничего не пришлось. Про таких говорят: вырос в золоченой колыбельке. Он был очень благополучным, очень богатым, всеми любимым — он был талантливым, это я чувствовала уже как маг. Он был очень талантлив. Пожалуй, случись нам сражаться, мы стояли бы на равных. И видно было, что сам адепт отлично знает свою силу: он вел себя настолько уверенно и свободно, что мне мигом сделалось ясно — он и в самом деле привык быть первым. И ему это нравится — а кому бы не нравилось? Самоуверенность эта ничуть его не портила, напротив, добавляла такого своеобразного, чуть нахального обаяния. Удача часто притягивает взгляд. Да и вообще, красивый он был, красивый, Полин бы, поди, давно уже задыхалась от страсти. То ли он был полуэльфом, то ли в родне у него имелись вампиры, — во всяком случае, умения одеваться настолько стильно я не замечала ни за одной из прочих рас. Вроде бы его одежда не выходила за рамки среднего парадного костюма, но сшита она была так точно и из такой дорогой ткани, что выглядела лучше всякого золотого шитья.

Эту пару следовало запомнить и двигаться дальше — рассматривая их, я поняла, что они сыграют в грядущем сне какую-то немаловажную роль, но роль эта все же не будет главной. Друзья они или враги? Адепт мне не понравился, но это, скорее всего, было не более чем предубеждение, не имеющее под собой никакой реальной основы. Ладно. Двигаемся дальше.

Я сделала шаг вперед и остановилась, привлеченная тихими, удивительно гармоничными звуками. В дальнем углу зала кто-то взял мягкий аккорд на лютне; он почти растаял в шуме и смехе, когда послышался второй, более резкий, и дальше музыка потекла одним потоком. Я не люблю красивых сравнений, но больше всего мелодия напомнила мне

лесной ручей — очень чистый, прозрачный и искренний, не поймешь, то ли веселый, то ли грустный. Немного послушав, я решительно развернулась и пошла искать музыканта.

Менестрель — а точнее, Трубадур, иного слова к нему просто не подбиралось — сидел на полу, задумчиво перебирая струны лютни. Лютня была эльфийская, и я еще ни разу не слышала о том, чтобы человек мог управляться с ней настолько свободно. Эльф бы мог, но Трубадур меньше всего походил на эльфа. Человеком он был, человеком, и это, как с той вампиршей, воспринималось сразу же. Он даже не глядел на струны — еще бы, ему явно было не до того. Трубадур смотрел вверх, на ту, у ног которой он сидел.

И право слово, его можно было понять. Я видела эльфиек и не раз поражалась их несказанной, невероятной для смертного красоте... но это было другое. Это было совсем другое. Это была не просто эльфийка, а принцесса — Принцесса из сказки, прекрасная настолько, что аж захватывало дух. Тонкие, немыслимо прекрасные черты, густые золотистые волосы, ниспадающие до середины бедер... мрыс эт веллер, это слова, всего лишь слова, и мне не достанет их, чтобы описать всю красоту этой эльфийки. Я же не Ларисса-Чайка в конце-то концов.

И она выглядела еще красивее оттого, что Трубадур смотрел на нее. Принцесса сияла так, как может сиять только женщина, которая любит и любима, как женщина, которая счастлива. Я впервые увидела, как, должно быть, выглядят в реальности финалы всех тех книжек, которыми так зачитывалась Полин. Истинная Большая Любовь; мне даже сделалось немного завидно, потому что никто и никогда не смотрел на меня, как смотрел на свою Принцессу Трубадур.

«Ладно, мрыс с ними», — подумала я, усилием воли изгоняя все завистливые мысли. Может, и мне когда так повезет.

Я огляделась, пытаясь наконец понять, чего же я тут забыла. Ну же, мрыс дерр гаст, раньше я ведь это соображала! Музыкант, по сути дела, был мне не нужен; в предстоящем спектакле ему отводилась роль не сложнее «Кушать подано». Хм... так где же, мрыс дерр гаст, прячется местная прима? Или прим, тут уж как получится...

Если кто-то чего-то ищет, он всегда это что-то найдет. Второй закон магии; а законы на то и законы, что выполняются всегда и без исключений. Ну почти без исключений; впрочем, речь не о них.

И я нашла. Взгляд мой, с полторы минуты пометавшись по залу, наткнулся на адепта, стоящего совсем рядом, у стены. Я подошла чуть ближе; да, это был он, я не ошиблась. Я не могла ошибиться.

На вид этот маг был моим ровесником — ну может быть, плюс-минус год. Было и еще кое-что, что нас объединяло: то же чутье, подсказавшее мне, что предыдущий адепт ни в чем не испытывал нужды, сейчас утверждало — вот этому уж точно ничего не доставалось просто так.

Во-первых, он был одет в форму. Нет, оно, конечно, так и на выпускной вечер можно было прийти и в форме; но «можно» еще не означает «должно», и лично я не могла представить себе никого, кто решился бы на подобный мазохизм. Даже я заранее прикидывала, сколько мне потребуется денег на относительно приличный прикид к следующим праздникам: Рихтер — это, конечно, хорошо, но непредсказуемо и небезотказно. Ну сверкать бриллиантами, как Полин, у меня точно не выйдет, так я вроде к этому и не стремлюсь. А уж адепт-старшекурсник тем более мог заработать себе на приличную одежду. Мало ли магических услуг требуется горожанам? Приучить свою кошку приносить котят строго определенного окраса или, скажем, выучить собственных тараканов вкуче со всеми их родственниками, друзьями и знакомыми по нечетным дням демонстративно столоваться у соседа — пусть возвращает, мерзавец, занятые полгода тому назад деньги.

Денюжки, как известно, счет любят. Эту сентенцию банковских гномов давно уже знали везде, даже там, где еще и не начиналась повальная гномизация.

Во-вторых, форменный плащ на нем был не покупной, а школьный, выданный нашим завхозом, скучным, как все гномы, и, опять-таки как все гномы, называвшим это свойство

«разумной экономностью». Имея соответствующий опыт, по плащу я запросто установила, что носят его не меньше года, причем очень бережно стирая.

В-третьих, сидела эта форма на нем очень плохо. Будто с чужого плеча; а меж тем я отлично могла различить, что второе рождение у него переживали одни только штаны, явно купленные в той самой лавке, где я приобрела свои всепогодные сапоги, знаменитые на всю Академию. Плащ был его собственный (в смысле никем до него не ношенный), и куртка тоже; но это ничего не меняло — маг все едино выглядел так, словно одевался исключительно в обноски. Я готова была поклясться, что на штанах у него сбоку, чуть выше колена, есть, ну или была, изрядная дырка. У меня, к примеру, такая точно имеется — как и у всех, кто отвечает у доски в Эгмонтовом кабинете. Есть там один такой гвоздик... кто только его не выдирает — и что из того? Уже на следующем занятии он на место возвращается...

Другое дело, что штаны не у всех имеются в единственном экземпляре.

Однако не только одежда отличала этого адепта от предыдущего. В том чувствовалась уверенность, непробиваемая вера в себя; этот же стоял так, будто ждал, что его вот-вот отсюда сгонят. Дело было даже не в выражении лица; весь его вид, сама его манера стоять, заметно ссутулив плечи, говорила о том, что больше всего ему хочется не обращать на себя ничьего внимания. И это при том, что я, считав его ауру, убедилась, что силой магии он ничуть не уступает своему предшественнику. Может быть, даже превосходит.

Зуб даю, что стража у городских ворот трижды проверяет его входную грамоту. Такие вот физиономии наверняка рисуют в учебниках для начинающих стражников, подписывая под каждой рожицей: «Нарушитель начинающий, совестью обремененный». Учítывая, что трижды проверяли и у меня, рядом с теми рисунками есть еще несколько, объединенных общим девизом: «Ведьма рыжая, зело наглая, за проход не платит (вообще ни при каких обстоятельствах)».

В принципе я вполне могла понять его неуверенность. Сложно радоваться празднику, когда все, кроме тебя, демонстрируют деньги и удачу. Я неплохо помнила Новый год — а вместе с ним и то, что тогда чувствовала. Другое дело, что я знала: не только здесь и сейчас, но и в любом другом месте он все равно стал бы ощущать себя худшим. Недостойным. Неуместным.

Я сама порой испытывала нечто подобное. Но за моими плечами стояли годы, проведенные на трактах, — а там, если ты не любишь себя сам, значит, любить тебя некому. Полное самообслуживание, как в гномьих трактирах.

Маг явно не имел бродяжьего опыта.

Лицо его, кстати, было мне подозрительно знакомо. Мрыс эт веллер! Я готова была поставить на кон свою хлипкую четверку по некромантии, что уже видела этого адепта в действительности, а может быть — на гравюре в книге. Этого или кого-то очень на него похожего. Ешкин кот, ну кто же это, кто... среднего роста, худощавый, черные блестящие волосы, подстриженные, к слову, не слишком-то ровно, — такое впечатление, что последний раз их подравнивали с полгода назад, а длина — немногим ниже плеч — является следствием не моды, а недостатка денег на парикмахера; черные же глаза, чуть раскосые, почти как у меня; бледная кожа, нос с горбинкой... мрыс эт веллер келленгарм, ну кто? Кто?!

Он стоял, привалившись к стене и скрестив руки на груди; взгляд его бессмысленно скользил по залу, то и дело возвращаясь к той паре, которую я заметила с самого начала. Нехороший это был взгляд: ненависть, и зависть, и привычное бессилие... Подумав, я села на корточки рядом, решив, что не стоит выпускать объект из поля зрения.

— Мастер, — окликнули его слева; я посмотрела туда, это был давешний Трубадур, наконец-то оторвавший взгляд от своей Принцессы, — о чем думаешь?

Тот повернул к нему голову. Нестриженные волосы закрыли ему лицо, и он мотнул головой, отбрасывая их в сторону. Знакомое движение, мрыс эт веллер, какое знакомое...

Но кто же это? Персонификация моих комплексов, что ли?

— Об алхимии, — мрачно ответил адепт.

— Тебе о ней вредно много думать, — улыбнулась эльфийка. — Одного раза вполне

достаточно...

Я ждала, что тот, кого называли Мастером, смутится — вполне логично, если ты так стыдишься своей одежды, а к тебе обращается девушка сказочной красоты. Однако этого не произошло; он смотрел на нее так ровно и спокойно, словно с ним заговорила совершенно обычная девица.

— Где уж нам, демонам... — усмехнулся он. — Ты бы, Трубадур, лучше спел, что ли. Менестрель покачал головой.

— Шумно здесь, — сказал он. — Да и сам представь: в зале, значит, оркестр «Мороз и солнце» дерет, а я здесь пою. Скандал выйдет.

— Все сюда перебегут, — уверенно сказала эльфийка. — И царь-батюшка первым.

— Оно, конечно, так. — Трубадур посмотрел на нее и изобразил на лице глубокую задумчивость. — Вот только боюсь, как бы кого не покалечили в давке...

Принцесса рассмеялась так звонко, что сравнение с серебряным колокольчиком вдруг перестало казаться мне настолько банальным. Она была красивая, мрыс дерр гаст, какая же она была красивая... мне такой никогда не быть, но я не чувствовала и намека на зависть. Ей невозможно было завидовать, такая она была светлая. А вот платье на ней было мне отчего-то подозрительно знакомо — легкое и воздушное, из светло-салатового шелка, с длинным шлейфом, спереди открывающее идеальной формы ноги чуть выше колен, сзади ниспадавшее до пола. Сдается, нечто подобное один знакомый мне магистр как-то видел на какой-то эльфийской княжне...

Ошибочка вышла. Не на княжне, а на Принцессе.

Может, и Рихтер здесь есть? Тогда сон выйдет совсем интересным. Я покрутила головой, пытаюсь его найти, но через несколько минут прекратила поиски. Похоже, моему подсознанию было хорошо и без магистра.

Отвлечшись на посторонние мысли, я забыла следить за развитием сюжета. Тем более что и следить было особо не за чем: Трубадур и эльфийка о чем-то болтали между собой, Мастер смотрел на них, и в этом взгляде зависти не было ни на грамм. Боль — была. Но не зависть.

Неожиданно он всем телом развернулся куда-то в сторону. Я посмотрела туда же; темноволосая вампирша, державшая давешнего адепта под руку, призывно махала свободной конечностью. Магичка улыбалась, и по этой улыбке я поняла, что Мастера она считает своим хорошим другом. Что-то подобное я испытываю к Хельги, Генри и близнецам... или нет, все они скорее приятели, чем друзья.

Мастер отрицательно качнул головой, но вампирша улыбнулась еще раз, и он, похоже, сдался. Придерживая полу плаща с левой стороны — по этому жесту я убедилась, что дырка там все-таки есть, — он пошел к ней; я пошла за ним, краем глаза наблюдая за окрестностями.

Окрест все было нормально. Все оставалось по-прежнему, только адепт с вампиро-эльфийскими корнями насмешливо щурил зеленые глаза. Еще бы, он и сам по себе явно не страдал от комплексов, а уж на фоне Мастера и его потертого плаща...

Я еще раз отвлеклась на Трубадура и эльфийку — не смотреть на эту пару было просто невозможно — и оттого пропустила начало беседы.

— ...И на кого ты пойдешь? — спрашивала девушка, явно продолжая начатый разговор.

Мастер пожал плечами.

— На боевого мага, — ответил он.

— Думаешь, получится? Конкуренция, говорят, очень большая...

— Не знаю. Я ведь не собираюсь становиться самым лучшим, королевским там или боевым магистром в Академии. Не везде же нужны очень сильные маги, таким, как я, тоже должно найтись хоть какое-то место.

Я оскорбилась. По силе мы были примерно равны, но я все-таки имела наглость полагать, что смогу найти для себя более выгодную вакансию, нежели та, которая

характеризуется словосочетанием «хоть какое-то место».

— Поразительно малые запросы, — ухмыльнулся зеленоглазый спутник вампирши. — Для человека с таким дипломом, какой будет у тебя, ты ценишь себя непростительно низко.

Это было сказано довольно небрежно, но Мастер мигом подобрался, точно перед боем. Это движение тоже мне очень кого-то напоминало.

— При чем здесь мой диплом?

— Ну как же, — пожал плечами зеленоглазый. — Особый диплом, знаешь ли, не всякому выдают.

— Особый диплом, — ровно сказал Мастер, — будет у тебя, а не у меня. Ведь ты же у нас гений или не так?

— Разве в гениальности дело? — Народ, стоявший кругом, начал прислушиваться к разговору, и зеленоглазый (далее, чтобы не повторяться, я решила называть его Гением) наигранно изогнул бровь. — Ты не гений, зато ты Мастер... разве этого мало? И ведь не зря же тебя прозвали именно так — ты всякую работу выполняешь именно мастерски. Даже дырку на штанах — казалось бы, какое низкое дело! — и ту заштопал просто изумительно. Мне бы, например, так ни в жизнь не суметь. Вот только жалко, что самооценка у тебя такая низкая — зачем ты прячешь свою работу?

Разговаривая с вампиршей, Мастер, похоже, расслабился и забыл придерживать полу. Теперь плащ, как ему это и положено по штату, висел за его спиной, выставя столь тщательно закрываемую штанину на всеобщее обозрение.

Там и в самом деле была дырка. Она была заштопана очень аккуратно, чувствовался опыт, которого, скажем, мне пока еще не хватало, — но даже если бы нитки оказались подобраны в цвет, она все равно была бы заметна. И сам Мастер отлично это знал, хотя и явно надеялся, что зашил ее практически незаметно.

Адепты, слушавшие беседу, засмеялись — не все, но многие. Гений выпрямился; в глазах его плескалось такое превосходство, что я едва не взвыла от ненависти. И дело было не в особой жалости к гордости Мастера, просто я отлично помнила, как вот такие точно так же смотрели на меня. Помнила, как провожали взглядами, как смеялись в лицо... вот только я не молчала, я всегда отвечала, всегда давала хоть какой-то, но отпор.

Мастер тоже не смолчал. Более того, он ухитрился оставить лицо практически спокойным, только скулы обозначились резче обыкновенного. И это, мрыс дерр гаст, было мне знакомо... но кто же он, почему я никак не могу вспомнить?

— Меня не зря прозвали Мастером, — очень четко выговорил он, глядя в глаза сопернику. — Здесь ты не ошибся. Мастер — это тот, которому приходится трудиться. И пусть мои успехи меньше твоих, но я добыл их сам, своим трудом. Мне есть чем гордиться, в отличие от тебя.

— Это всего лишь слова, — улыбнулся зеленоглазый. Он смотрел так же насмешливо, как и раньше, но я почувствовала, что слова Мастера почему-то его задели. И достаточно серьезно; не так, конечно, как того издевательски-продуманная фраза насчет дырки, но все-таки. — Это всего лишь слова, и ничего более. Признайся честно, ведь ты же мне завидуешь! В любом деле, кроме, конечно, заштопывания дырок, ты всегда после меня, ты в лучшем случае второй. Да, второй, — с удовольствием повторил он. — И первым тебе никогда не стать.

Чувствовалось, что Мастер сдерживается из последних сил.

— Завидовать тебе? — напряженно переспросил он. — Чему же? Ты побеждаешь меня — верно, много чести победить того, кто слабее тебя! — «Не поняла», — мрачно подумала я. Это что же выходит, я тоже слабая? Ага, щас! — Твои деньги, твой магический талант, твои, в конце концов, нештопанные штаны — это не твоя заслуга! Тебе всего лишь посчастливилось родиться в нужной семье, вот и все. Чему здесь завидовать?

Это все было правильно, точно и очень логично и не имело к истине ни малейшего отношения. Как это случается во сне, я могла чувствовать практически каждого человека — и я знала, что Мастер лжет. Он завидовал зеленоглазому, как только мог — завидовал и

ненавидел всей душой. Он давно уже свыкся с положением второго; но кто сказал, что привычное ранит не так глубоко? «За что ему это? — отчетливо слышала я. — Деньги, друзья, популярность — за что? Он мерзавец, он никого не любит, даже ее... Неужели я хуже?!» И безжалостный ответ: да. Хуже.

И всегда буду таким.

— Пусть будет так, — мягко сказал Гений; глаза его искрились в свечном свете. Он знал то же самое, что и я: еще бы, враги часто чувствуют подобные вещи значительно лучше друзей. — Если так тебе легче, то пусть будет. Но с одним ты поспорить не сможешь. С тем, что Фаррина выбрала меня. И не надо так улыбаться. Все отлично знают, почему ты не сводишь с нее глаз. Но ты проиграл, Мастер. — Это прозвище он выговорил с особенным удовольствием. — Как всегда — проиграл. Она выбрала меня — меня, слышишь?

«Не будите того, что пока еще спит». Третий закон магии. Он пришел мне на ум сразу, как только Гений смолк: больно нехорошо сверкнули у Мастера глаза. Он явно старался сдержаться, не знаю почему; он старался, но терпению всегда положен свой предел.

— Она не выбирала, — сказал он; и почему-то сделалось очень тихо. Похоже, не я одна почувствовала, что Мастера — может быть впервые в жизни — сносит с катушек. — Да, я люблю ее. Но я уважаю ее выбор, даже если это не я. А ты — ты не дал ей выбора!..

Крыша рухнула в небо, хлопая черепицей. Уж не знаю, что такое творилось сейчас с адептом, но лично мне это напоминало лопнувший нарыв: гной копился долго, но всему наступает свой конец. Сейчас гной хлынул наружу — и Мастер, даже если бы и захотел, не сумел бы себя сдержать. А он и не хотел. Происходящее даже доставляло ему удовольствие — странное, неправильное удовольствие, вплотную граничащее с болью. Слишком долго он молчал. Слишком твердо он верил, что есть ничтожество, бездарность, крыса рядом с тигром...

Вера эта никуда не делась, и сейчас оставаясь с ним. Но даже крысу не надо загонять в угол.

Тщательная бесстрастность, призванная защитить остатки чести, канула в никуда. Мастера едва не трясло; он с трудом справлялся с дыханием, глаза его сверкали, а речь, прежде делано спокойная стала сбивчивой и быстрой. Но в четкости она не потеряла ни на гран. Я по-прежнему хорошо слышала каждое слово. И, похоже, не только я.

— Ты попытался приворожить ее, но тебе не хватило ума даже сделать это как должно! Ты украл, ты украл у меня то, что счел приворотным зельем, не разобравшись даже, что это было на самом деле! Ты взял то, что тебе не принадлежит, ты взял чужое, ты вор!.. Ты украл идею, эликсир и женщину! Скажешь, что это не так?!

— Если бы я вздумал воровать чьи-то эликсиры, — зеленоглазый усмехнулся, но усмешка вышла кривой и не внушила мне никакого доверия, — о твоих я бы подумал в последнюю очередь. Взрывчатки у меня и без тебя хватает...

— Помолчи-ка, любимый, — медленно сказала вампирша. Она переводила взгляд с Гения на Мастера, и взгляд этот, как я могла судить, был весьма многообещающим. Много-то оно много, но хорошего в нем не было ни на грамм. — Это серьезное обвинение, Мастер. За такие слова нужно отвечать, а тех, кто не смог ответить, лишают магии и изгоняют прочь. Ты можешь доказать то, что сказал?

— Могу. — Мастер тоже усмехнулся. Он уже успел взять себя в руки, только глаза по-прежнему сверкали сумасшедшим огнем. Он твердо решил идти до конца, каким бы этот конец ни был; я знала почти наверняка, что потом он станет об этом жалеть. О подобном всегда потом жалеют, ибо страсть — плохой советчик. — Это было зелье не любви, а истины. Он выпил его сам и дал выпить тебе, правда тайком, — и теперь он может лгать с большим трудом, а ты слышишь все, что он хотел бы тебе сказать. Помнишь, ты спрашивала у меня, что с тобой происходит? Почему ты слышишь не только то, что он тебе говорит, но и то, что думает?..

— Фарри, да он врет! — вмешался зеленоглазый. — Ты что, не понимаешь, он просто тебя ревнует, вот и все!

— Это можно проверить? — странным голосом уточнила Фаррина.

— Можно, — с удовольствием ответил Мастер. — Пусть он скажет тебе комплимент. Он говорит, что любит тебя, так неужели не найдет для любимой несколько приятных слов?

По лицу Гения было ясно видно, что он не собирается следовать приказам всякой швали. Но вампирша смотрела на него так, как умеют смотреть только вампириши; и оттого он сглотнул, открыл рот и выдавил:

— У тебя восхитительные ножки.

Пару секунд в зале стояла полная, прямо-таки звенящая тишина. Что же, тем сильнее оказался контраст.

— Ах, так тебе мои ноги не нравятся?! — взвизгнула Фаррина, бросаясь вперед. Не задумываясь, она врезала Гению по щеке; через секунду ему прилетело и по второй. — Ах, значит, у Принцессы лучше?! Значит, ты рассматривал ее ноги?! Значит, Принцесса уже занята, а денег и у меня хватает?!

— Ах, значит, ты разглядывал мои ноги?! — донеслось слева. Через мгновение на Гения накинута еще одна дикая кошка, в которой я с трудом узнала хрупкую эльфийскую деву. — Ах, так ты и сравнивать посмел?!

Теперь несчастного Гения драли уже с двух сторон. Я не могла различить, которой из девиц принадлежит какая фраза; из бешеного клубка доносились практически одинаковые голоса, — подобными, видно, общаются между собой гарпии с отрогов Драконьего Хребта:

— Ах, значит, волосатые?!

— Ах, значит, юбка короткая?!

— Ах, значит, раз папа богатый, то любые ноги сойдут?!

— Ах ты скотина!

— Ах ты сволочь!

Что самое интересное, оба бранных слова прозвучали абсолютно естественно. Право, при взгляде на этих фурий меньше всего вспоминалось, что еще десять секунд назад это были очень милые девушки, которых меньше всего можно было заподозрить в знании относительно ненормативной лексики.

Мастер выглядел так, как, должно быть, выглядит человек с несколько заторможенной реакцией. Он молча смотрел на этих сумасшедших кошек; его решительно отодвинули в сторону, и к клубку осторожно прошел Трубадур. Это хорошо, обрадованно подумала я. Больше здесь уж точно ситуацию никто разругать не сможет.

— Милая, — мягко сказал он, — что же ты делаешь? Не приведи боги, ты сломаешь себе ноготь! Как же ты станешь получать диплом с обломанным ногтем?..

— Он оскорбил меня!

— Я понимаю, — так же мягко продолжил он. — Но подумай, завтра тебе обязательно захочется продолжить, а ничего уже не останется! Да и тон твоего лица теперь не так хорошо сочетается с твоим замечательным платьем... И потом, дорогая, нельзя же быть такой эгоисткой — видишь, другим тоже хочется поразвлечься!..

С другой стороны уговаривали вампиршу — что характерно, точно теми же аргументами.

Наконец Гению удалось освободиться. Он выглядел уже вполуполовину не так блестяще, как раньше. Волосы, тщательно уложенные до того, растрепались — еще бы, после такого укладка не выдержала бы и у эльфа. На щеке у него виднелась глубокая царапина — похоже, кто-то из девиц не пожалел на нее своего маникюра. Он подошел к Мастеру — очень близко; несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

— Я никогда не удостоил бы тебя чести сразиться, — сквозь зубы выговорил Гений. — Но ты задел честь женщины, — помянутые женщины, чью честь так блюли, и впрямь смотрели зверем, правда, немного не на того, — и это уравнивает нас хотя бы на время боя. А если ты испугаешься и откажешься сражаться, я убью тебя без поединка.

Вместо ответа Мастер поднял левую руку и вычертил в воздухе руны. Единственную — и я сразу узнала ее. Это была руна защитного контура; сверкающий купол

мгновенно охватил ровно треть зала. Треть, в которой не было никого, кроме них двоих.

Он принял вызов...

Адепты столпились вокруг прозрачного контура. Я без труда протолкалась вперед, в первые ряды; вот они, преимущества здешней моей нематериальности: в реальной жизни мне пришлось бы размахивать амулетами, сверкать глазами и кричать с использованием малонормативной лексики, что щас всех позаколдую.

И то еще вопрос, поверили бы мне или нет.

Мастер и Гений ходили внутри круга точно волки, ждущие удобного момента вцепиться друг другу в глотки. На лицах у обоих была написана такая ненависть, что мне даже сделалось немного не по себе. В воздухе чувствовалась угроза; что-то должно было случиться, что-то очень плохое...

Ни у одного из них не было талисманов. Силы были примерно равны; на стороне Гения были уверенность и злость, на стороне же Мастера... впрочем, мрыс знает что было на его стороне. «Остапа понесло», как говорили в таких случаях хох-ландцы. Он не смог бы остановиться, даже если бы захотел; все то, что он так долго скрывал, в чем не признавался даже самому себе, все сейчас выплескивалось наружу, срывая крышу, ко всем мрысам. Я знала такое состояние; Рихтер не раз предостерегал нас от него, говоря, что маг всегда должен оставаться расчетливым и спокойным...

Впрочем, сейчас о спокойствии говорить вообще не приходилось. С чьей бы то ни было стороны.

В зале было тихо. Очень тихо. Защитный круг не пропускал никаких звуков, но дело было не только в этом. Все ждали начала.

И они дождались. Гений взмахнул правой рукой, выплетая неизвестную мне руну; с его ладони сорвалось нечто серое и блестящее, точно хорошая сталь, но бесплотное, как наши замковые элементали...

А этого заклинания мы еще не изучали, мимоходом подумала я.

Серое и блестящее рванулось вперед, к Мастеру, и разбилось в серую же крошку о мгновенно выставленную защиту. «Класс „Г“», — машинально отметила я. Пятый курс... Еще миг — защита исчезла. Мастер выбросил вперед обе руки, запястьями крест-накрест, пламя, вырвавшееся с его пальцев, столкнулось в воздухе с пучком ярко-синих лучей...

А дальше все завертелось так, что я с трудом могла за этим уследить. Цветные вспышки то и дело озаряли контур изнутри; там метались смутные тени, и только Эгмонт, наверное, мог бы различить, которые из них были реальными поединщиками, а которые — так, простыми дублями, сфабрикованными на предмет отвлечения внимания. Пол чуть заметно дрожал; адепты молчали, и единственным звуком, нарушавшим эту странную тишину, было потрескивание сотен свечей.

На мгновение внутри круга стало очень светло; я увидела, как Гений, с разбитым носом уже далеко не такой правильной формы, замахивается рукой, из которой, точно клинок, выходит длинная полоса ярко-белого цвета. Выпад «мечом», явно ложный, шаг вперед, сложное обманное движение — из левой его руки вылетает огромный, кулака с четыре, клубок зеленого пламени... Мастер взмахнул плащом — тот очень кстати держался теперь только на одном плече, — принимая колдовской огонь на зачарованную ткань. Наш завхоз накладывал очень хорошие чары прочности, чтобы, не приведи их гномские боги, одежда не изнасилась раньше срока...

Классный прием, автоматически подумала я. Эгмонт был бы доволен. Надо будет запомнить, авось где и пригодится...

И вновь темнота, ярко-красная вспышка, сверкающий золотом шнур, выходящий из чьей-то ладони... вереница крошечных шаровых молний... и удар, удар такой силы, что пол содрогнулся, будто началось землетрясение.

И все закончилось.

«Настоящие магические схватки заканчиваются очень быстро. Даже у самого сильного мага неостанет энергии швыряться заклятиями несколько часов подряд. Пять минут, может

быть десять. При большом терпении, осторожности и желании вымотать соперника — от силы полчаса...»

Если меня не обмануло мое чувство времени, с начала схватки минуло максимум семь минут.

Темнота внутри круга рассеялась — не сразу, а постепенно, медленно расползаясь неровными клочьями. И я увидела, что Гений, зажимая ладонью расползающееся красное пятно на изодранном в клочья рукаве, неловко сидит у дальней от меня черты, а Мастер, с обожженным лицом и уже безо всякого плаща, стоит перед ним, направляя на него обе руки. У него оставалось еще достаточно сил на хорошее заклинание — такое, после которых врага уносят в фамильную усыпальницу ногами вперед. Если остается что уносить.

Они оба не двигались, время точно замерло; я смотрела на них, боясь даже дышать, — словно любой звук, любое движение могли нарушить хрупкое равновесие. Не то чтобы мне было так жалко Гения, сам виноват, просто... страшно смотреть, как у тебя на глазах один человек убивает другого.

Мастер стоял ко мне лицом, и я увидела, как шевельнулись его губы. Контур не пропускал звуков, но я умела угадывать сказанное по мимике; и даже сейчас, учитывая, что магу было сложно говорить из-за ожога, я все равно поняла, что именно он сказал;

— Я победил.

Он медленно опустил руки, отвернулся от Гения и так же медленно направился к границе контура...

Глаза Гения сверкнули зеленым огнем; и я вдруг увидела перед собой древний фолиант, обтянутый потрескавшейся кожей. Увидела, как он открывается четко посередине; как буквы, старинные каллиграфические знаки, начерченные выцветшей тушью, сминаются и плывут, точно впитываясь в желтые пергаментные страницы. И оттуда, из страшной глубины, медленно — так, должно быть, всплывает древнее чудовище из океанских пучин — проступает совсем другое слово. Одно-единственное.

И знак.

Я моргнула; и в ту же самую минуту Гений поднял правую руку, с ладони которой капала его кровь. Быстро, очень быстро, так, что я едва успела заметить, он начертил в воздухе знак — тот самый знак из привидевшейся мне книги.

Мастер обернулся к нему, но в тот же миг пол вздрогнул еще раз и внутри круга установилась Тьма.

Это была не темнота и даже не мрак — именно Тьма, древняя Ночь, то, что было до Света. Именно отсюда черпают силы черные маги и некроманты. Оно не было живым, но не было и мертвым; сгусток Тьмы пульсировал, неприятно совпадая с ритмом сердца, и я кожей чувствовала на себе его взгляд. Оно рассматривало меня будто поверх арбалетного приклада, и защитный круг, выставленный Мастером, мог сдержать его в небольшой степени, чем паутина спящего тигра. То есть пока хищник не двигается, оно держит, но стоит тому хотя бы шевельнуть мускулом во сне — и тонкие нити разорвутся, не в силах сдержать многожды превосходящую себя силу.

Ноги вдруг отказались меня держать, и я кучкой осела на пол зала. В ушах шумела кровь; я чувствовала себя так, как, должно быть, чувствует апельсин, в который воткнули соломинку и теперь высасывают через нее сок.

Среди тишины раздался отчетливый хлопок, какой всегда сопровождает телепортацию. Посреди зала возник незнакомый мне человек; он был магом и магистром, судя по торжественному синему плащу. Лицо у него было синевато-белое, как снятое молоко.

Хлопок, хлопок, еще один... сюда, похоже, телепортировали все учителя. Среди них я заметила только одно знакомое лицо — Белая Дама, магистр некромантии Шэнди Дэнь. Остальные были мне неизвестны. Ни Эльвиры, ни Рихтера, ни Фенгиаруленгеддира.

Маги мгновенно окружили защитный круг, оттеснив студентов по углам. Все были напряжены, точно тетива перед выстрелом, — но никто не поднял рук даже в самой простой попытке поддержать и укрепить истощившийся контур. Они боялись, они очень боялись того

же самого, что вечность назад пугало меня: нарушить равновесие, сместить одну чашу вниз — и выпустить тем самым на волю страшную Смерть. Ту Смерть, загнать которую обратно не будет сил ни у одного из них.

Те, кто был внутри круга, уже мертвы. Выжить там невозможно; но если Тьма вырвется наружу, она затопит все, что попадется ей на пути. И от Академии — в лучшем случае от нее одной — останется мокрое место вкупе с относительно приятным воспоминанием.

Внезапно взгляд, терзавший меня, исчез. Я смогла наконец вдохнуть полной грудью; и миг спустя Тьма, затопившая контур изнутри, исчезла, будто стертая выплеснутым на нее растворителем.

Маги дернулись вперед, к контуру; я посмотрела туда же, и сердце ухнуло куда-то в пятки или в прилегающую к таковым анатомическую область.

Оба врага были живы. Это было невозможно, но это было так. Гений стоял, опираясь спиной о прозрачную стену круга; глаза его были закрыты, кровь с одежды исчезла — вся, до последней капли, будто впитанная неведомой губкой. Мастер стоял у противоположной стенки, отброшенный на нее пришедшей силой; он держал руки в защитном жесте класса «А», той самой защиты, которую, по ехидному выражению Рихтера, преподают на курсах «Самозащита для новичков» и которая может защитить разве что от стаи умеренно голодных комаров. Ни на что большее ему сейчас не хватило бы сил. Оба дышали так, словно только что пробежали километров десять в очень быстром темпе.

Пару секунд все оставалось неподвижным; потом Мастер опустил руки, огляделся и решительно шагнул вперед. Он был вычерпан до дна, у него не осталось даже крохи силы, но он все равно шел к своему врагу, и делал это на редкость целенаправленно. Прежде чем я поняла, что именно он собирается сделать, Мастер сжал левую руку в кулак, размахнулся и изо всех оставшихся сил приложил Гения по физиономии.

Сил — в смысле физических — осталось предостаточно. От такого удара Гения должно было окончательно впечатать в стенку; но контура уже не было, он осыпался сверху вниз бесцветной стеклянной крошкой, и потому их обоих — Мастер не удержал равновесия — вынесло наружу, прямо под ноги учителю. Тому самому магистру в синем плаще, телепортировавшемуся сюда самым первым.

Мастер с некоторым трудом поднялся на ноги. От его куртки остались только живописные клочья; пожалуй, теперь ее не спасла бы и самая искусная штопка. Он был ранен, но не слишком-то серьезно — гораздо больше сил забрала вызванная Гением Тьма. Широкая прядь волос чуть ниже виска была отсечена ножевым заклятием — Гений промахнулся буквально на сантиметр, — но Мастер все равно знакомым жестом встряхнул головой, чтобы посмотреть на своего магистра.

И в тот же миг по его волосам точно побежали белые змейки. Целые пряди выцветали на глазах, черный цвет будто съедался, заменяясь снежно-белым, — и я поняла, наконец-то поняла, кого мне так напоминал этот адепт.

И, похоже, не я одна.

— Мрыс эт веллер келленгарм! — потрясенно выдохнули у меня над ухом. Я подпрыгнула от неожиданности: в радиусе трех метров от меня не имелось никого, кроме Мастера, магистра и Гения, художественно — как выражаются гномы, «ковриком» — распростертого на полу. Да и никто из этих трех не мог произнести известной фразы с настолько правильным волкодлачьим акцентом. Для того чтобы язык умел сворачиваться в необходимую для правильного произношения трубочку, нужно было родиться на земле Конунгата и быть чистокровным оборотнем как минимум в двенадцатом поколении.

— Студент Рихтер, — после долгого, очень долгого молчания выговорил магистр, — немедленно отправляйтесь в медпункт.

— Диплом, — хрипло вытолкнул Эгмонт.

— Я что, тихо выражаюсь? — и в самом деле негромко уточнил магистр.

Еще несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Рихтер отвернулся, неловко кивнув, и, чуть пошатываясь, направился к выходу. Адепты расступались, освобождая ему

дорогу. Лица у всех были изрядно напуганные; судя по всему, народ ждал, что когда-нибудь эти двое все-таки попытаются прикончить друг друга, но вряд ли хоть кто-то предполагал, что это случится именно так. Похоже, и сам Эгмонт не думал, что сорвется за полчаса до выпускного вечера и торжественного вручения дипломов.

У самой двери он обернулся. Я думала, что он захочет посмотреть на вампиришу Фаррину (та, к слову, и сейчас выглядела так, будто была совсем не против еще раз кого-нибудь подрать, так что Гению крупно повезло, что он еще не пришел в сознание), но ошиблась — в очередной раз. Он посмотрел на меня. Этого не могло быть: никто из находившихся в зале не мог меня увидеть. Но Эгмонт смотрел именно на меня; потом взгляд его сместился чуть левее и выше, где вообще никого не имелось (хотя, если вдуматься, ну не воздух же ругается с волкодлачьим акцентом!). Он сощурился, точно стараясь рассмотреть исчезающее видение; на всякий случай я даже пощупала воздух в том месте, на которое он смотрел. Пусто.

Похоже, Рихтер пришел к такому же выводу. Он еще раз посмотрел на меня, точно запоминая, и вышел в коридор.

Магистр в синем плаще склонился над бесчувственным, но относительно живым Гением...

...и в этот самый миг над моим ухом раздалась звонкая трель будильного заклинания.

Зал исчез, сменившись привычной темнотой под веками; открыв глаза, я обнаружила себя лежащей в собственной постели, с подушкой, валяющейся на полу, и одеялом, сбитым набок.

Не обращая внимания на беспорядок, я села на кровати, прислонилась спиной к стене. Мрыс дерр гаст... сил было до смешного мало, точно всю прошедшую ночь я колдовала без передышки. Или — точно то, приснившееся, и впрямь выпило из меня немалую часть энергии.

Но это ничего. Энергия восстановится. Она уже восстанавливается: закрыв глаза, я слышала знакомые токи, несущие силу из одного энергетического центра в другой. Аура, магическое поле, сила стихий... все это мы учили едва ли не наизусть, все это я рассказывала Фенгиаруленгеддиру на бесчисленных контрольных, практических и зачетах...

Хватит, Яльга, устало прервала я саму себя. Хватит. Не сейчас.

Дело не в этом.

Дело в том, что сон, приснившийся этой ночью, снился мне уже не в первый раз. Четыре года назад, помнится, он тоже пришел. И восемь лет назад. И двенадцать. «Лишний день», двадцать девятое снежня — как же я ухитрилась забыть, что нынешний год високосный?!

Вопрос был риторический. Я забывала это всякий раз — через несколько дней после видения последняя ночь зимы будто вычеркивалась у меня из памяти еще на четыре года. Это было невероятно, невозможно, просто смешно, но это было так, и я ничего не могла с этим поделать. Вот и сейчас... разве вспомнила я во сне, что уже видела этот зал и этих людей?

Голова потихоньку начинала болеть — я чувствовала, как в висках пробуждается знакомая тягучая ломота. Еще бы. Спешное восстановление резерва с задействованием механизмов экстренной защиты — это вам не баран чихнул. Здесь травками Полин не обойдешься. Да. Я не была пророчицей, но почему-то ни на секунду не усомнилась: сон не просто в руку, он настоящий. Что все было именно так, как я и увидела... вот уже в третий раз.

Я вспомнила Тьму, заполнявшую собой защитный купол. Вспомнила — неожиданно ярко и четко — того адепта, которого почему-то даже сейчас хотелось называть Гением. Вспомнила Эгмонта... впрочем, нет, это имя не подходило тогдашнему Рихтеру, оно слишком прочно ассоциировалось у меня с нынешним. Немудрено, что я так и не смогла его узнать, — кто бы мог предположить, что двенадцать лет назад наш магистр мог терзаться самыми что ни на есть натуральными комплексами? Эгмонт, честно уверенный, что таланта

у него раз-два и обчелся... Я вспомнила последний проведенный им практикум и только нервно хихикнула. Да. Люди меняются, ничего не скажешь.

Интересно, кстати, а кто же был тот третий, ругавшийся с волкодлачьим акцентом? И... и какое отношение я имею к прошлому Эгмонта вкупе с его юношескими проблемами? Учитывая, что сон снился мне еще в те приснопамятные времена, когда ни в каких студентках я не числилась и никаких Рихтеров знать не знала?

Ладно. Надо собираться на занятия. Третьей парой у нас будет боевая магия — на ней и выясним, что к чему.

Или по крайней мере попытаемся выяснить.

Как было сказано выше, боевая магия стояла у нас сегодня третьей парой. Выяснять что-либо раньше я не собиралась — выяснение могло и затянуться, а перемены, к сожалению, небесконечны. Так что мне оставалось тихо злиться и считать минуты до конца второй пары.

Точнее, я думала, что случится именно так. На деле вышло иначе: гном с трудновыговариваемым именем, похоже, не забыл о разговоре с Эгмонтом и потому нагрузил меня так, что все лишние мысли мигом вылетели из моей многострадальной головы. И то сказать, у кого бы они задержались, если от тебя требуют левитировать маленький стул, удерживая его в таком равновесии, чтобы хрустальная вазочка, до краев полная вишневого варенья — а варенье было заколдованное и от штанов, если что, не отстирывалось, — даже не пошатнулась?

Я отлично знала, что помимо неотстирывания добрый гном снабдил варенье еще парой дополнительных свойств — таких, как, скажем, способность проступать на стуле даже после того, как, казалось бы, ты все оттуда смыл. И мне совсем не улыбалось разбираться со всеми адептами, кто станет сидеть на запачканном стуле после меня. Я, конечно, боевой маг и все такое, но меня по-простому возьмут числом.

Одновременно с левитацией от меня потребовали в сжатые сроки решить задачку из геометрического курса. Гном Фенгиару-кто-то-там, как все гномы, очень любил математику и охотно приобщал к высокой науке любимых студентов. Так что первая моя мысль возникла одновременно со звонком, а может быть, даже чуть позже, после того как я аккуратно опустила стул на место и торжественно сняла с него вазочку. Конечно, было бы очень красиво слевитировать листочек с решением задачки магистру на стол, но сил у меня оставалось мало, а впереди ждала практика боевой магии.

В коридор я вышла уже буквально на автомате. В голове прыгали синусы и косинусы, изредка перемежаясь с оставшимися от предыдущего урока иксами и константами. Впрочем, вру, была и еще одна мысль: о том, что гномов, равно как и великих математиков, у меня в родне не имелось.

Генри, севший со мной, имел еще более мрачный вид. Ему не пришлось решать задачки — хватило и того, что он ухитрился перевернуть-таки вазочку, но, спохватившись, прокрутить ее в воздухе так быстро, что из нее не успело упасть и капли. Теперь вампир мучительно пытался сообразить, как это его так угораздило. Вспомнив, что гном, с одобрением посмотревший на вазочкино сальто, пообещал в следующий раз налить чего-нибудь пожиже, скажем крутого кипятка, я пожалела герцога и отложила улучшение моего настроения на потом. И то сказать, от предыдущего раза Эгмонт отходил достаточно долго, а теперь хор звучал гораздо слаженнее, да и лягушки прыгали все более и более натурально.

Боевая магия — сперва практика, потом теория — стояла сегодня второй и третьей парой соответственно. После Фенгиаруленгеддира и его вазочек с вареньем народ еле полз по коридору, шумно жалуясь на печальную судьбу и суровых наставников. Благородный Ривендейл молча разминал пальцы; я покосилась на него, поймала ответный косой взгляд и неожиданно улыбнулась. Нет, все-таки славно мы сработались! Если бы не Матильда, кто бы знал, что и у герцогов случаются просветления?

Но чем бы я ни была обязана госпоже ле Бреттэн, хорошо все-таки, что отныне у меня снова появятся хоть какие-то, но оценки!

Насвистывая на ходу какую-то эльфийскую песенку, я подошла к кабинету практикумов одной из первых. Дверь была открыта, и я было насторожилась — так поступала обычно Матильда, а не Эгмонт, — но элементар так довольно ворочалась в косяке, что сомнения отпали сами собой. На примере собственной флуктуации я отлично знала, как именно ведут себя элементарии после долгожданного возвращения хозяина.

Впрочем, никто из адептов не заметил ничего необычного. Мы ввалились внутрь, скинув сумки на привычное место у стены; хмурый Хельги потирал щеку, украшенную пятью глубокими царапинами, братья аунд Дарру громко обсуждали какую-то эльфийскую оперу, а кто-то из вампиров рассказывал анекдот. Герцог Ривендейл мрачно смотрел в окно, с демоническим видом скрестив руки на груди, — видно, предчувствовал очередные два часа сплошного безделья. Я посочувствовала ему и запоздало сообразила, что, наверное, следовало бы предупредить приятелей о грядущих изменениях в учебном процессе.

Едва я успела об этом подумать, как прозвенел звонок. Народ чуточку сбавил громкость и начал оглядываться на дверь: Матильда частенько задерживалась, но редко опаздывала больше чем на две минуты. Благородный Ривендейл по-прежнему смотрел в окно, я глянула туда же — но тут хлопнула дверь, и все разговоры разом утихли. Установилась звенящая тишина.

На пороге, холодно рассматривая нас блестящими черными глазами, стоял Рихтер — отсюда видно, что злой, как кобра. В руках у него был наш журнал, и я тихонько присвистнула, мигом восстановив всю логическую цепочку.

Мрыс дерр гаст... вот ведь Хельги не повезло!

Да и не только Хельги...

— Добрый день, студенты, — тихим и ласковым голосом поприветствовал нас любимый наставник.

На этот счет у студентов было свое мнение: народ молча начал отодвигаться подальше, привычно вытолкнув нас с Ривендейлом во фронт. Рихтер шагнул в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь; негромко щелкнул замок, и этот звук показался мне исключительно зловещим.

— Мы очень рады вас видеть, — пискнул сзади кто-то из эльфов; кажется, это был Келлайн, напрочь забывший про все оперы, балеты и прочие анекдоты.

— А уж я-то как рад! — вкрадчиво заверил нас Эгмонт. — Просто слов нет, до чего приятно видеть такую пламенную любовь к избранной вами профессии. Раскрываешь журнал — и радуешься... особенно вашим успехам, студент аунд Финдэ! С вас и начнем.

Рихтер щелкнул пальцами, и на полу мгновенно высветились знакомые линии.

— К черте, — коротко приказал он.

Келлайн — а куда деваться? — вышел на середину кабинета. Его проводили сочувственными взглядами: чтобы понять, что Рихтер в ярости, не нужно было быть дипломированным эмпатом. Как я уже говорила, вежливость его увеличивалась сообразно степени злости, а уж когда эта вежливость укомплектовывалась еще и краткостью...

Определенно, день сегодня был опасный.

— Тема «баньши», — Рихтер смерил аудиторию ледяным взглядом, — за шесть недель моего отсутствия была изучена вами вдоль и поперек, особенно студентом аунд Финдэ, каковой получил за оные шесть недель двадцать четыре отличные оценки. Ну что же, такому знатоку предстоящее испытание покажется детской забавой.

Магистр щелкнул пальцами, предварительно вычертив в воздухе несколько рун. Раздался негромкий хлопок, запахло дымом, и посреди кабинета возникло некое существо. Я немедленно подалась вперед, желая рассмотреть его поближе; в этот момент Ривендейл быстро шагнул влево, заслоняя мне весь обзор, и я постучала его по плечу, недовольно прошептав:

— Генри, мне ни мрыса не видно!

Наверное, шепот получился громким: Ривендейл, конечно, отодвинулся, хотя и не сразу, а вот Рихтер быстро глянул в мою сторону. Внимание столь решительно настроенного

магистра не сулило мне ничего хорошего, так что я почла за благо прикусить язык и не выступать более ни на какие темы.

Ну а существо, разумеется, было баньши и выглядело так, как его и описывал Куругорм. Бледное, худое, в зеленом платье, плотно облеплявшем тело, с растрепанной гривой ярко-красных волос — едва ли кто-то назвал бы их рыжими, и с огромными черными глазами, похожими на бездонные колодцы. Фэйри стояло... стояла посреди кабинета, припав на одно колено и касаясь пола кончиками пальцев; в этой позе было что-то напряженное и звериное, и я заметила, как кто-то из вампиров непроизвольно сделал знак от сглаза.

Рихтер чуть заметно кивнул, и баньши неожиданно застонала, вскинув голову к потолку. Пол чуть качнулся; я расставила ноги шире, а в следующий миг баньши закричала и заплакала, мешая стоны с неразборчивыми словами. В ее голосе слышались крики журавлей, и младенческий плач, и вой ветра; в кабинете становилось все темнее, ветер подхватил плащ Ривендейла, вздувая его у вампира за спиной, и что-то черное и опасное рванулось к Келлайну. Я услышала, как эльф срывающимся голосом выкрикнул какое-то заклинание — через секунду баньши смолкла, мрак рассеялся, и мы увидели, что адепт без сознания лежит у черты.

На лице у Рихтера, стоявшего неподалеку, читалась смесь удовлетворения и бешенства. Впрочем, он быстро принял свое обычное выражение.

— Этого в медпункт, — сухо приказал он. — Студенты аунд Дарру, озаботьтесь! В медпункте настоятельно рекомендую не задерживаться.

Эльфы, переглянувшись, направились к Келлайну. Баньши следила за ними, не отрывая пальцев от пола.

— Прекрасно, — холодно констатировал Эгмонт, когда за братьями закрылась дверь. — Изумительно. Ну? Кто следующий? Будут добровольцы?

— Яльга?.. — робко шепнули за спиной, вспомнив мое бывшее геройство.

Но я только помотала головой: геройство геройством, и любовь к предмету тоже хорошо, но помирать в расцвете лет мне отчего-то совсем не хотелось. Нет, баньши я не боялась, недаром мы две недели отрабатывали заклинания в магзале. Беда была в том, что универсальной защиты от Рихтера наука еще не изобрела.

— Студент Хилл, — приказал магистр, сверившись с журналом.

Увы, Логану повезло не больше, чем Келлайну. Баньши уложила его за три секунды; вернувшиеся из медпункта братья аунд Дарру, увидев очередное тело, быстро предложили свои услуги по переноске. Очевидно, умные эльфы сообразили, кто будет следующей жертвой магистерского произвола. Догадка их оказалась верна, ибо Логана в медпункт оттащили гномы, а Куругорм уныло поплелся к черте.

После него был Хельги, оказавшийся крепче всех, — от обморока он очнулся сам и до медпункта добрал без сопровождения. Следующим этапом оказался Снорри, после него — Келефин... с каждым новым адептом Эгмонт становился все злее, а баньши грустнела прямо на глазах. Сообразно степени грусти увеличивалась и громкость воплей: стекла в окнах начинали нехорошо дребезжать, и одно из них, кажется, даже дало трещину.

— Превосходно, — процедил Рихтер, после того как Снорри с приятелем под руки увели Келефина. — Интересно, что кончится раньше — студенты или кровати? Сколько их там в медпункте? Тринадцать?

— Магистр Рихтер... — осторожно вмешалась я. Ситуация мне очень не нравилась, и, как ни страшно, с ней надо было что-то делать. — Нас больше, чем коек. Может...

Но высказаться до конца мне не дали.

— А, студентка Ясица... — Рихтер прищурился, открывая журнал. — Чем, хотелось бы знать, вы меня порадуете? Столь же пламенной страстью к предмету? Так, где здесь буква «Я»...

Я прикусила губу. Радовать его мне было как раз нечем: за шесть недель владычества Матильды мною не было получено ни единой оценки. Ни плохой, ни хорошей — никакой. То ли госпоже ле Бреттэн наступал на меня бестиолог, то ли просто она опасалась иметь со

мной дело, но меня Матильда не спрашивала, я же в свою очередь была этому только рада. Получать пятерку только за то, что ты открыл рот? Что же, для кого-то, вероятно, это имеет некоторый смысл, мне же, наоборот, надо доплачивать, когда я молчу. Ибо это требует от меня значительно больших усилий.

Вот так.

— Я не понял, — медленно сказал Рихтер, подняв взгляд от журнала. — Вы что, вообще не посещали лекций? Или применяли заклинания забывчивости к... коллеге ле Бреттэн? Как это понимать, студентка Ясица?

Я оскорбленно выпрямилась. Лекции Матильды я посещала исправно, хотя меня и воротило с души. Его там, в Западных Землях, по голове случайно не били?! А то, знаете ли, очень похоже!..

— Магистр Рихтер, — очень вежливо и очень четко произнесла я, невольно выделяя голосом каждое слово, — вы в самом деле считаете, что я могла прогуливать лекции по профильному предмету?

— То, что я считаю, студентка, вас никак не касается. — Магистр закрыл журнал и указал мне на черту: — Вперед.

Я кивнула; кивок вышел резким и четким, как этикетный поклон перед дуэлью. Мрыс дерр гаст... я обиделась? Да. Наверное, да. Я все понимаю, это не слишком-то приятно — вернуться и обнаружить уйму оболтусов с липовыми оценками, но при чем здесь я? Срывать плохое настроение на мне я точно никому не позволю...

Сделав два шага, отделяющих меня от черты, я выпрямилась и поняла, что не зря тренировалась с Ривендейлом в магзале. Ноги сами заняли ту позицию, которую я отрабатывала две недели подряд: на ширине плеч, чуть согнутые в коленях, готовые в любой момент сделать шаг или прыжок. Руки расслаблены, пальцы тоже. Пальцы тоже, Яльга, нечего складывать их в знак! Знаки не огурцы, их заготавливать не положено...

Баньши застонала, запрокинув голову к потолку. Я внимательно следила за ней, выжидая момент защиты; потемнело, в лицо дохнуло ветром и дождем, но я ждала, понимая, что своевременность сейчас решает все. Ветер становился крепче, тьма сгущалась плотнее, а голос фэйри делался все сильнее, глубже и громче, заглушая все прочие звуки аудитории. Вот сейчас, сейчас... чувство опасности взвыло в голос, я вскинула руки, не различая их в окружающей мгле. Что-то неслось ко мне, подобно черной птице; оно было злым, по-настоящему опасным и злым, но я уже заговорила, стараясь перекрыть высокий голос баньши. Получалось плохо, я едва слышала, что кричу; мрак давил на лицо, ветер отбрасывал назад косу, но в какой-то момент между моими руками алмазным светом вспыхнул Щит. Я вскинула его выше, отражая натиск темноты; заклинание закончилось, но атака никуда не исчезла, и я повторяла его снова и снова, чтобы не дать Щиту погаснуть. Боги мои, боги... сколько же еще осталось? С каждой секундой Щит наливался тяжестью, я с трудом удерживала его на поднятых руках. Ну же, Яльга, тут все дело в том, кто кого переупрямит...

— Эрре! Эр дель индексэ, альден дар медио... — Я облизнула сухие губы, пытаюсь понять, насколько еще меня хватит, но тут Щит вспыхнул ярче прежнего, и знакомый голос подхватил заклинание:

— Медио эннулярэ! Эрре! Яльга, держись!

Я была уже не одна. Нас было двое; тяжесть Щита разом уменьшилась в два раза, и я почувствовала рядом с собой тепло живого человека. Ну... не совсем человека, ну да кого это заинтересует? Мрыс дерр гаст, да сколько раз мы уже делали это в магзале! Почувствовав неожиданный прилив сил, я добавила в Щит еще энергии; Ривендейл поступил точно так же, и не успели мы хором договорить последнее слово, как заклинание вдруг взорвалось, осыпав нас ворохом сверкающих искр. Ахнув, я закрыла лицо локтем.

Когда я открыла глаза, в аудитории царила мертвая тишина. Гордый Ривендейл стоял рядом со мной; мы не успели еще разорвать магической связи, поэтому вампир продолжал придерживать меня за плечо. За мое левое плечо своей — заметьте, пусть не царственной, но

все же! — левой рукой. Будь здесь Полин, она бы сказала, что Генри меня обнимает; увы, алхимичка плохо разбиралась в защитных чарах. Немногочисленным же зрителям было начхать на то, кто кого обнимает. Зрители смотрели, кажется от ужаса даже забыв дышать.

Рихтер тоже смотрел, но дыхания не затаивал. Сдается мне, он затаил что-то совсем иное: мысли и планы, как всегда идущие весьма далеко. Вид у него был по-прежнему колючий, но уже не такой злобный. Впрочем, я тут же вспомнила, как меня оскорбили, и преисполнилась презрения к магистру во всех его видах.

— Готов признать, был неправ, — лаконично произнес Эгмонт, как будто прочитав мои мысли. — Что же, два студента из пятнадцати — это лучше, чем ничего... особенно если учесть, что работать в паре вас точно никто не учил.

— Меня учили, — хрипловато возразил Ривендейл. — Я...

Но его перебили.

— А... а где баньши? — изумленно выдохнул один из вампиров. — Вы ее что, прихлопнули? Яльга, Генри, ну вы даете!

У него были причины так нами восхищаться — известно же, баньши, как любого фэйри, очень сложно уничтожить физически, — но я всерьез подозревала, что не так уж все просто.

— Господа, вы слишком хорошо о себе думаете, — язвительно констатировал Рихтер, оборачиваясь к вампиру. — И слишком плохо думаете обо мне. Судя по тому, как вы замечательно знаете боевую магию, против настоящей баньши никто из вас не выстоял бы и пяти секунд! А я, как ваш наставник, все-таки обязан довести до выпуска хоть какую-то часть из присутствующих.

Больше всего мне понравилось слово «какую-то». А что, главным достоинством нашего декана всегда была честность. Да, еще эта, как ее? — открытость и прямота. Вот.

До второй, теоретической, пары дошли не все.

После нашего совместного с Ривендейлом Щита народ определенно ждал, что высокое руководство оценит нашу работу, опомнится и перестанет рвать и метать. Руководство и впрямь опомнилось, но добрее от этого не стало. Впрочем, особенно позверствовать оно не успело: прозвенел звонок, и Рихтер, хмыкнув, указал нам на дверь. Мы поспешили воспользоваться разрешением.

— Лучше б он никуда не уезжал, — выразил общее мнение Куругорм, вернувшийся из медпункта. Выглядел эльф далеко не столь блестяще, как прежде: близкое знакомство с баньши, пускай и не совсем настоящей, никому не добавляло привлекательности.

— Это кто тебе засветил, баньши, что ли? — заинтересовался Снорри, приглядываясь к лицу Куругорма.

Эльф недовольно отвернулся, но я присвистнула, успев заметить, что под глазом у него наливается многообещающий синяк.

— А вообще, правильно Горме говорит! — подхватил Келефин, выручая брата. — Раньше Рихтер, конечно, тоже был не сахар...

— Но и не кислота ведь! — хмуро закончил Хельги.

Я философски пожала плечами:

— А может, это на человека так графство действует?

Народ заинтересованно развернулся в мою сторону.

— Какое такое графство? — с любопытством спросил Келефин. — В Западных Землях?

Я прикусила губу, запоздало сообразив, что говорить этого, наверное, все же не стоило. Мне рассказали по секрету, и вообще... известно же, в мужском коллективе сплетни расходятся еще быстрее, чем в женском. Но братья-адепты смотрели довольно хищно, и я решила, что рассказать получится дешевле.

— Ну... графство и графство, чего такого? Я толком сама не знаю. Говорят, по наследству получил...

— Ты его еще с этим поздравь, — мрачно съязвил Куругорм. — Открытку подари, мрыс дерр гаст...

— Я тебе сейчас открытку подарю, — пообещала я, недовольно ощущая, как у меня начинает побаливать голова. — Под другой глаз, для симметрии.

Эльф, шепотом ругнувшись, полез в сумку за тетрадь. Не знаю уж, чего он собирался в ней вычитать, но вновь раздался звонок, и мы отправились в класс. Я шла, по пути осторожно массируя пальцами виски.

Но боль не утихала.

Второе занятие оказалось ничем не проще первого. Решив, похоже, окончательно нас добить, Рихтер устроил теоретический зачет: двадцать четыре вопроса, двенадцать — про баньши, двенадцать — про боевые пульсары. Про баньши я что-то да знала, спасибо магистру-фэйриведу, а вот с пульсарами дело обстояло гораздо хуже. Все, что было мне про них известно, — что они круглые, огненные, разных размеров и здорово жгутся. Да, и еще — что у меня они разваливаются на четвертой секунде полета.

Некоторое чувство, возможно именовавшееся интуицией, подсказывало: хорошей оценки за этот зачет мне ждать не приходится. Ладно, чего уж теперь... честно написав все, что знала, я сдала листочек, положила локти на парту и осторожно опустила на них голову. Мр-рыс... глаза слипались, в черепе словно гномы отбойным молотком долбили, и я прикрыла глаза, мысленно показав Рихтеру большой кукиш. Зачет я написала? — написала. Баньши распылила? — еще как. Ну и чего от меня еще требуется?

Мрыс дерр гаст!

Я вдруг вспомнила, о чем хотела поговорить с любимым деканом. Верно-верно... у меня, значит, голова болит, я, значит, каждые четыре года чужие сны вижу — так, наверное, я имею право знать, отчего вся эта муть происходит? Есть, конечно, вариант, что Рихтер откажется давать пояснения... В таком случае ему же хуже. Я начну выяснять самостоятельно.

Ибо будьте уверены, по ночам я предпочитаю смотреть нормальные сны, а не заплутавшие видения!

Дабы ни у кого не возникло нехороших подозрений, после урока я сделала вид, что потеряла в сумке какую-то необходимую штуку. Вид, очевидно, получился весьма натуральный: ко мне дважды подходили вампиры и один раз — эльф, дабы уточнить, что именно столь необходимо мне для жизни, и предложить возможный заменитель. Я отмахивалась, объясняя, что справлюсь и сама.

Похоже, Рихтер понял, почему необходимые штуки теряются именно после его уроков. Пока я отделялась от сочувствующих вампиров, он ушел в примыкающую к кабинету лабораторию. Когда смылся наконец последний эльф и я с чувством выполненного долга защелкнула замочек, магистр вернулся обратно, захватив с собой несколько достаточно объемистых книг.

— Очень удачно, что вы задержались, — сказал он, пока я пыталась сообразить, с чего начать расспросы.

Вся стопка перекочевала ко мне в руки.

— И что это такое? — слегка ошарашенно спросила я, забыв даже посмотреть на обложку верхнего тома.

Эгмонт пожал плечами:

— Ваше домашнее задание на ближайшие две недели.

— Так вы же уже задали, — обреченно сказала я, уже поняв, что отвертеться не получится.

— Студентка Ясица, — сказал магистр таким вежливым тоном, что все аргументы мигом вылетели у меня из головы, — я давно понял, что если хочу оставить от Академии хоть что-то, кроме выжженного пятна, то должен принять некоторые меры. Вы слишком плохо умеете скучать и слишком хорошо — находить себе занятие.

«Это он про лягушек», — подумала я. Или про тот эпизод с василиском.

Или про мгымбра... кто его знает?

— И что мне с этим делать?

— К пятнадцатому числу приготовите доклад о методах, изложенных в тексте. Имейте в виду, книги старые, кое-где допущены тактические ошибки. Я надеюсь, что вы сможете заметить их и исправить.

Спасибо, хоть не стратегические. Я изо всех сил старалась сохранить на лице должный учебный энтузиазм. Наверное, изображалось плохо, потому что Эгмонт только хмыкнул и сел на соседнюю с моей парту.

— Я сомневаюсь, студентка, — задумчиво произнес он, — что за шесть недель вы овладели телепатией настолько хорошо, что сумели прочесть мои мысли. Я так понял, что вы хотели что-то у меня спросить?

— Да, — медленно ответила я. — У меня есть к вам один вопрос... Мастер.

Эгмонт чуть сощурился.

— Вообще-то, — так же медленно произнес он, — в Академии принято другое обращение. И за последние десять лет я привык, чтобы adeпты называли меня магистром.

— Сегодня ночью я узнала, что когда-то вам был привычнее именно этот вариант...

Он, по-прежнему сощурившись, смотрел мне в лицо. «Мрыс тебя побери», — бессильно подумала я. Да уж... натуральный стратегический недочет. Я попыталась сыграть на чужом поле, не сообразив, что в деле намеков и недомолвок магистр преуспел куда как больше меня.

Ладно, сыграем в открытую...

— Короче, — вздохнув, сказала я, — двадцать девятого снежня каждого високосного года мне снится один и тот же сон. И, насколько я понимаю, вы отлично знаете, какой именно. — Он кивнул, и я, ободренная хотя бы таким минимальным успехом, поспешила его закрепить. — Меня не интересуют подробности, в конце концов это ваше личное дело, ответьте только на один вопрос. При чем здесь я?

— До какого момента досмотрели? — после паузы спросил он.

— До того, как некто Мастер ушел из зала.

— И что же осталось вам непонятным?

Я едва не взвыла, сдержавшись только потому, что технично все равно не получится — не та родословная.

— Да все! При чем здесь я? При чем... — Я поискала нужное слово, не нашла, но фраза требовала логического завершения, и потому я выпалила, не особенно задумываясь: — При чем здесь алхимия?

Магистр коротко рассмеялся.

— Если мне что-то непонятно, я всегда начинаю с начала, — сказал он. — У вас, похоже, тот же самый принцип. Вы угадали удивительно точно, студентка Ясица. Все началось именно с алхимии. Итак, вы хотите знать, что именно тогда произошло?

— Да, — кивнула я.

— Все началось с алхимии, — повторил Эгмонт. — Дело было двенадцать лет тому назад, и я учился на выпускном курсе... Насколько мне известно, — неожиданно спросил он, — вы достигли в алхимии некоторых успехов? Магистр Ламмерлэйк отзывалась о вас очень хорошо...

Я пожала плечами. С алхимией дела у меня обстояли и впрямь неплохо, и несколько раз на последних занятиях я даже удостоивалась краткой Эльвириной похвалы. Учитывая, что на одобрение, в отличие от порицания, алхимичка была донельзя скупа, ее положительная оценка стоила дорого.

— Обо мне так хорошо не отзывались, — продолжил магистр. — Вообще, по алхимии у меня было качественное, устойчивое «удовлетворительно». По принципу: мандрагору не мандрагору, но горчицу, особенно по инструкции и с учителем, приготовить смогу. Но не зря говорят, что даже графоман раз в жизни напишет гениальную строчку. Здесь уже вопрос судьбы.

Он замолчал, глядя в окно. Я посмотрела туда же; за окном было пусто, только хлопьями падал снег, который не знал, что вообще-то уже полдня как началась весна.

— У меня был друг. Вы, наверное, заметили его в вашем сне, студентка. Его было сложно не заметить — для этого надо было быть абсолютно глухим. Глухих среди нас не имелось, так что мы прозвали его Трубадуром.

«Надо же, какое совпадение», — подумала я. Мне почему-то пришел в голову тот же самый вариант.

— И на нашем же курсе училась наследная эльфийская принцесса. Очень красивая... Впрочем, не мне вам рассказывать, вы наверняка ее видели. Первый закон магии, студентка. Формулировка ан-Насира. «Если где-нибудь чего-нибудь прибудет, то в другом месте того же самого ровно настолько же и убудет». В ее случае закон нарушался. Она была не только красива, но и умна, талантлива, обаятельна... в общем, мой друг ее полюбил. Сами понимаете, что рассчитывать ему было не на что.

— Она его что, не любила? — уточнила я, не совсем поняв, в чем здесь была загвоздка. Ну ладно, умница-красавица-наследница... и что? А государственные интересы — когда это о них девицы думали?

Эгмонт пожал плечами.

— На тот момент она считала, что нет... В общем, Трубадур ничего от нее не требовал. Ну не любит, значит, не любит — что же, убивать за это, что ли? Трубадур был именно Трубадуром. Он хотел только одного. Чтобы она его запомнила. В хоть сколько-нибудь хорошем смысле.

— Так сварить эликсир памяти, — предложила я. Первый курс, четвертая тема. Элементарное зелье, готовится за полтора часа.

— Он тоже об этом подумал, — согласился Эгмонт. — Вот только если у меня по алхимии стояла тройка, то у него был хронический «неуд.». Слишком мало магических сил. Его, собственно, и в Академии-то держали только за песни, такие уж в них были чары. Поэтому Трубадур попросил меня об услуге.

— И вы согласились, — констатировала я.

Магистр знакомым движением поднял правую бровь:

— А вы бы отказались? Настоящие друзья встречаются не слишком-то часто. Я ничего не обещал, но попытался сделать...

— А купить не пробовали?

— На что? — искренне удивился Рихтер. — Моей стипендии, кстати примерно равной вашей, хватило бы от силы на пустой бутылек. У Трубадура соответственно денег было еще меньше. Да и к тому же кто знает, каким будет принцип запоминания? Если ей полгода придется избавляться от зеленых пятен на лице, она его точно запомнит, но не так, как хотелось бы. А так хотя бы примерно известно, кто и что сварил...

В принципе я понимала, о чем говорит магистр. Не так давно Полин прикупила в какой-то лавке со скидкой бутылочку зелья для роста ногтей. Нет, все было честно — ногти росли, а про их длину, толщину, способность к закручиванию и скорость роста на этикетке ничего не говорилось. Пока алхимичка шла до медпункта, народ был свято уверен, что это натуральный упырь, ненароком сбежавший от некромантов. Полет фантазии не остановило даже то, что от Белой Дамы никто еще не сбежал. В медпункте ногти обрезают чуть больше часа. Не знаю чем, потому что прочностью они превосходили даже алмазы. Кстати, Полин не растерялась, быстренько поцарапала обрезком крошечный бриллиантик в своем перстне и закатила грандиозный скандал гному-ювелиру. Тот тоже не растерялся и всучил ей другое колечко — с камнем размером вдвое больше прежнего. Все были довольны, особенно близнецы аунд Лиррен, которым гном пообещал неограниченный кредит за то, чтобы они не открыли Полин, который из камней был настоящим.

В лавке же, где было прикуплено зелье, претензий не приняли. Когда алхимичка попыталась закатить еще один скандал, упирая на права потребителя, ей объяснили, что все обязательства, взятые фирмой, таковая выполнила в положенный срок. Ногти росли? — Росли. Прочные? Еще бы. Не ломались? В этом месте Полин невольно содрогнулась. Значит, все честно; а в столь неожиданных побочных эффектах покупательнице следует винить свой

неправильный организм и создавших его родителей.

— Честное слово, студентка, я до сих пор не понимаю, как я ухитрился сварить то, что сварил. Но тогда я еще не знал, какую изобрел штуку. То, что конденсировалось в пробирке, было относительно похоже на искомый эликсир. Я прикинул цвет, запах и алхимические реакции и решил, что никого этим не отравлю. А если и отравлю, то медпункт близко.

— И что, — с некоторым любопытством спросила я, — они выпили это без вопросов?

Рисковые люди, ничего не скажешь. Я еще помнила, как ненароком попробовала приготовленный Хельги состав, по идее должный привлекать на выпившего деньги, и то, как здорово сэкономила на питании за два последующих дня. По весьма прозаической причине: я зеленела при одном упоминании о съестном.

— Не знаю. — Эгмонт пожал плечами. — Я не спрашивал. Выпили — и ладно.

— И что было дальше? — уточнила я, потому что магистр опять смолк.

— А дальше, — Рихтер усмехнулся, — дальше, студентка Ясица, начались совершенно невероятные вещи. Через две недели по Академии ходила сенсационная новость. Новость о том, что Принцесса выходит замуж за Трубадура. Скандал был страшный. Представьте, иностранные принцы уже добрых сорок лет окучивают эльфийское посольство, отсылают в тамошние леса подарок за подарком, подписывают невыгодные для себя договоры — и все ради того, чтобы цель неожиданно ушла замуж. За нищего, как храмовая мышь, менестреля, практически лишённого магического дара и не имеющего никаких влиятельных родственников.

— Вы ее что, приворожили? — восхитилась я.

Над приворотным зельем, способным хотя бы на минуту затмить разум чистокровного эльфа, бились бесчисленные поколения травниц. Вотще: эльфы, как и положено идеалам, оставались прекрасны, но недостижимы.

Такая уж у них была биохимия.

— Эльфов невозможно приворожить, — разочаровал меня магистр. — Приворотные чары у них в крови — лучшей защиты и придумать нельзя. Но тогдашний Властитель решил подстраховаться, равно как и обиженные принцы. Они скинулись и устроили комиссию из независимых членов КОВЕНА. Я, понятно, не бегал по Академии, демонстрируя всем и каждому то замечательное, что сумел получить. Меня нашли и так, а после этого изъяли зелье на анализ.

— И что же это было? — не выдержала я.

— Это и в самом деле был эликсир. Но не памяти и тем более не любви, а истины. Те, кто его выпьет, начинали понимать не только то, что они говорят друг другу, но и то, что они друг о друге думают. Даже если сами об этом еще не знают. Словом, они видели друг друга в истинном свете.

— Значит, она все-таки его любила, — задумчиво пробормотала я.

— Значит, — согласился Эгмонт. — Эльфы, правда, поначалу были не слишком-то рады. Им вроде как нужен был правильный Властитель, желательно богатый, перспективный и чистокровный, а не это непонятное нечто. Одна радость, что нечто ходит с эльфийской лютней. Мысль эта задержалась ненадолго — ровно до тех пор, как кто-то из них не услышал, что и как поет Трубадур. После этого народ решил, что принцесса у них, как всегда, оказалась на высоте и сделала максимально правильный выбор. В самом деле, богатых да перспективных везде полно, их и королями не обязательно делать. А вот такое чудо есть теперь только у них. Что не король — не беда: пусть будет принц-консорт. Главное, что такого замечательного менестреля больше нет ни в одном из прочих государств.

— Прямо гномы какие-то... — не удержавшись, съехидничала я.

— Эльфы, студентка Ясица, только выглядят такими наивными. На деле они и гнома обсчитают, если тот вовремя не спохватится...

Подумав, я в должной мере оценила последнюю фразу. Помимо парадоксальности, она претендовала и на правдивость, особенно если вспомнить, что именно эльфы — за исключением, ясное дело, близнецов — как раз не пожелали сыграть со мной в карты. В

отличие от многоумных гномов, проигравшихся едва ли не до штанов.

— Это замечательное зелье я готовил в пробирке. Благо ингредиентов было по полщепотки каждого. Соответственно продукта на выходе получилось всего ничего: капель десять, может, чуть меньше, может, чуть больше. Когда я сообразил, что ухитрился сварить нечто дельное, сменил под конденсатором пробирку, с ней и отправился к Трубадуру. В первый, он же последний, раз ушло ровно четыре капли. Остальное осталось у меня — его и изъяли пару недель спустя ковенские маги. Они, между прочим, и установили, что такое я ухитрился получить. С меня взяли клятву никогда больше не делать эликсира. Я поклялся с чистой совестью, потому что сам не помнил, что, в каких пропорциях и с чем смешивал...

Магистр помолчал, глядя куда-то мимо меня. Я вежливо ожидала продолжения, краем глаза рассматривая верхнюю книгу в выданной мне стопке.

— Собственно, на этом предыстория и заканчивается. Дальше начинается уже история, алхимия, впрочем, и в ней продолжает играть главную роль. Маленькое отступление. В одной группе со мной учился некий адепт. Очень талантливый. Очень старательный. Поверьте моему опыту, студентка, редко случается, чтобы ученик был и тем и другим. Вдобавок он происходил из очень известного рода. Способности к чародейству нечасто передаются по наследству, — поэтому магических династий не так уж много, и их фамилии всегда на слуху. Ему не составляло ни малейшего труда быть лучшим — причем не только среди нас, но и среди адептов с более старших курсов. Очень яркий студент. Наш учитель любил таких. Впрочем, — Эгмонт усмехнулся, — кто же их не любит?

— Это и был тот, с которым вы сражались?

— Да.

— Вы... вы и в самом деле завидовали ему?

Этот вопрос вырвался у меня случайно. Я не рассчитывала, что Эгмонт станет на него отвечать, но он, помедлив, кивнул:

— Разумеется... Он был первым, студентка Ясица. Он был первым, а я в лучшем случае вторым. Он был гений, самый лучший, самый успешный, всеми любимый... А я был никто, и звали меня никак. Я пытался его догнать, но догнать никак не получалось. К тому же он прекрасно это знал и никогда не упускал случая напомнить.

Я с сомнением посмотрела на магистра. На память я не жаловалась и сон помнила в деталях, однако в мозгах все-таки происходил маленький переклин. Мрыс эт веллер, ну не могла я представить, чтобы этот Эгмонт завидовал кому бы то ни было. Чтобы он хоть сколько-нибудь дергался из-за старого плаща и заштопанных штанов. Чтобы, в конце концов, у него так сорвало крышу. Это у него-то, такого спокойного, расчетливого и ехидного!..

Да скорее Генри Ривендейл продаст фамильную шпагу!..

— Люди меняются, — серьезно сказал магистр, поймав мой взгляд. — Люди меняются, и порой даже в лучшую сторону. Наступает момент, когда понимаешь, что главное — быть не первым, а единственным. И не в смысле устранения конкурентов... Однако боги с ней, с философией. Вернемся к алхимии. Как раз на алхимическом факультете училась одна девушка, каковую звали Фарриной. Была она вампиршей, графией — впрочем, может быть, что и княжной, — и еще одним моим другом. Ее такое положение дел вполне устраивало, я же хотел от нее немного другого.

— Я понимаю, — осторожно кивнула я, пытаюсь наскрести по сусекам хоть немножко такта и воспитанности. Ну как же, тут такое... трагедия или как минимум личная драма.

Прям как в книжках Полин.

— Ничего вы не понимаете, студентка, — ухмыльнулся магистр. Чего-чего, а вот мировой грусти на его физиономии определенно не читалось. Я немножко расслабилась: еще бы, душещипательные истории — это не ко мне, а к Полин. — Я же не эльф, в самом-то деле. Зачем устраивать трагедии там, где их нет? Она, в конце концов, была не виновата, что любила не меня... Мне хватало того, что она просто хорошо ко мне относилась. Мы были друзьями, все четверо — я, Фаррина, Принцесса и Трубадур. Нет, вас или близнецов аунд

Лиррен нам переплюнуть не удалось, и подобных легенд о нас не складывали... Но все равно было весело. Если бы не Фаррина и Принцесса, мы с Трубадуром лишились бы стипендии на много лет вперед. Я и сейчас бы выплачивал Академии долги.

— Принцесса? — удивленно переспросила я. Ладно, Эгмонта или Трубадура я еще могла представить, скажем, в игровой комнате или «Под пентаграммой». С Фарриной фантазия тоже работала, но уже хуже. Но Принцесса, нежная эльфийка из сказки...

— Эльфы всегда умели преподносить сюрпризы, — хмыкнул маг. — Но речь не о том... Словом, никаких претензий к Фаррине я не имел. Ничего бы не случилось, даже с учетом того, что она предпочла мне не кого-нибудь, а этого самого адепта, о котором речь шла немножко выше. Я, наверное, даже мог ее понять. В самом деле, сравнить меня с ним, кто лучше выйдет? Всяко не я... Короче, я не вмешивался. У них все шло очень хорошо, Фаррина сияла, я честно старался изобразить, как за нее рад. Ничего бы не случилось, — повторил он, — если бы не алхимия. Если бы не этот изготовленный мною эликсир.

Он вновь смолк, но я не решилась поторапливать рассказ или задавать очередной наводящий вопрос. Мрыс дерр гаст... может быть, прав был Буковец, в свое время уверявший, будто обнаружил во мне изрядный эмпатический дар. По крайней мере, сейчас я ощущала что-то смутное и странное, принадлежащее определенно не мне. Я даже, кажется, начинала понимать, почему Рихтер согласился рассказать мне все это. Да, теперешний боевой маг имел немного общего с тем адептом, которого я видела во сне. Та, образно выражаясь, книга была дописана и закрыта, но в ней до сих пор не хватало точки, последнего, завершающего знака, после которого книгу можно будет спокойно поставить на полку, изредка смахивая с нее метелочкой пыль. Сейчас Эгмонт и ставил эту точку. Рассказывая мне давнюю историю, он не столько излагал последовательность событий, сколько избавлялся от прошлого, мешающего в настоящем.

Каждому магу известно: страх иррационален, бороться с ним, все равно что сечь море плетью. Единственное, как можно его победить, — это назвать по имени. То, у чего есть имя, перестает быть страхом. Оно становится проблемой, а проблему всегда можно решить.

— Дня через три после того как от нас уехали ковенцы, я вспомнил про оставленную пробирку. Наведаясь в лабораторию и увидев, что реакция продолжала идти. Там выпало еще несколько капель конденсата. Зелье по всем признакам было то же самое. Использовать мне его было некуда, выливать рука не поднялась — еще бы, первый и последний алхимический успех. Я заткнул пробирку, чтобы эликсир не выветрился и на некоторое время о ней забыл. А потом мне надо было делать практическое задание по алхимии, и я неожиданно для себя выяснил, что пробирок у меня нет. Только эта, с эликсиром. Не живут у меня пробирки...

Знакомая ситуация. Я сама уже отправила на тот свет некоторое количество лабораторной посуды, а уж про Полин, у которой алхимии было на порядок больше, и говорить не приходится.

— Я, естественно, пошел в лавку. Там меня спросили между делом, куда я дел предыдущие; я ответил, что разбил, одна целая, да и та занята. А в другом углу лавки стоял тот адепт. Тоже что-то выбирал... да. Только ушел он, ничего не купив. А когда я вернулся в комнату, никакой пробирки там уже не было.

— А охранное заклинание? — не выдержала я, вспомнив, сколько поколений адептов безуспешно пытались проникнуть к Рихтеру в кабинет.

— Стояло там такое, — не стал спорить Эгмонт. — Но насчет него я не особенно заблуждался. Тот адепт вскрыл бы мои тогдашние чары хоть пальцем, хоть фамильной шпагой, хоть гномьим сверлом.

— Но почему, магистр, ведь силы же у вас были равные?..

Эгмонт помолчал, явно формулируя ответ.

— Потому что силы, студентка, — медленно ответил он, — это еще не все. Далеко не все. Должно быть что-то еще, чего у меня тогда не имелось... Разумеется, искать я ничего не стал. Все равно ничего бы не вышло: свидетелей не было, пробирка запросто могла

испариться, к тому же как я докажу, что зелье мое, если я все отдал ковенцам? А еще через несколько дней меня поймала Фаррина. Она была изрядно напугана... Сказала, что с ней творится что-то странное. Что она слышит мысли, то, что о ней думает ее друг... Право слово, не надо быть великим сыщиком, чтобы сложить два и два. У меня был огромный соблазн рассказать ей, что ее приятель просто захотел ее приворожить. Но в тот раз я сдержался. Не хотел, чтобы ей было больно. Сказал что-то про побочный эффект боевых заклятий... она училась на алхимичку и, по правде, плохо разбиралась в заклинаниях. Она поверила.

— А разве он мог догадаться, чем именно занята ваша пробирка?

— А почему нет? Когда Принцесса и Трубадур вдруг решают пожениться, по Академии ходят упорные слухи о каком-то сверхмощном приворотном зелье, а мной ни с того ни с сего интересуются бдительные ковенцы — разве сложно сделать из этого правильный вывод?

— А что за заклятие он использовал? Тогда, в поединке...

— А что вы почувствовали, студентка? — вопросом на вопрос ответил магистр.

Я передернула плечами, как будто от холода:

— Тьма...

— Так зачем же вы спрашиваете?

— Где он мог узнать такую серьезную штуку? — вырвалось у меня. — Сомневаюсь, что ему, как лучшему ученику, выдали сборничек «Сто лучших и проверенных рецептов некромантии»...

— Почти в яблочко. Наш учитель часто давал ему книги, студентка. Много книг. Обычных и колдовских, защищенных специальным кодом. Мы будем проходить защиту информации на третьем курсе, тогда сами увидите, что это такое. Если объяснять очень приблизительно... В подобных инкунабулах есть только пустые страницы. И сначала нужно подобрать слово, чтобы она показала хоть что-то еще, потом — другое слово, чтобы возникло что-нибудь интереснее поваренной книги, и так определенное число раз. Обычно в книгах прячут до двенадцати слоев. А самый последний из них — это тот, который написан не нами... Гордыня — это профессиональный магический порок, студентка Ясица. Мы не можем даже предположить, что наши книги — это серьезное оружие, срабатывающее не только в наших руках. Не зря говорят, что книги пишут себя сами; что уж говорить о книгах магических, пропитанных древними чарами...

Я невольно покосилась на стопку выданной мне литературы. Заметив это, Рихтер улынулся:

— Можете не искать. Все книги, которые я даю вам, я проверяю помногу раз.

«Кто-то чего-то говорил насчет гордыни», — ехидно подумала я. Если это и впрямь профессиональный магический порок, то и самому Рихтеру он определенно был не чужд — ибо, думается мне, что и тот учитель многожды проверял выдаваемые даровитому отроку книги.

— Лучше книги дам вам я, чем кто-нибудь другой, — возразил Эгмонт. Учитывая, что последняя мысль не была мной озвучена, я немедленно заподозрила его в телепатии. — Так опасности все-таки меньше... и то, наверное, я не стал бы рисковать, если бы не этот ваш «Справочник», верно? Что-то мне подсказывает, уж он-то наверняка не позволит своей хозяйке читать всякую магическую дрянь.

«Правильно подсказывает», — подумала я со смесью гордости (да-а, мои книги — это сила!) и некоторой обиды (чай, не маленькая, сама разберусь, что читать!). Впрочем, эту мысль тут же вытеснила другая, вызванная чисто профессиональным интересом:

— Но как же вы смогли отразить такой удар?

— Очень интересный вопрос, студентка. Знаете, им задались не только вы... Наши магистры долго думали, но правильного ответа не нашли. Зато нашли простой... Вы отлично его знаете, потому что уже проходили нужную тему по некромантии. Что способно отразить силу Тьмы?

— Существует два варианта, — не слишком-то уверенно ответила я. Некромантия у

меня хромала, и я еще помнила, с каким вздохом Белая Дама выставила мне итоговую четверку. И то только после третьей пересдачи, когда я отбарабанила ей абсолютно все билеты. Что проку знать теорию, если на практике не можешь построить никаких некро-чар? — Или очень сильный темный маг с полным до краев резервом. Или Темное существо, порождение мрака... — Тут я сообразила, что сказала, и немедленно заткнулась.

— И в какой же реестр вы запишете меня? — без улыбки спросил Эгмонт.

Я смирила его оценивающим взглядом:

— Ну положим, что к Неблагому Двору вы отношения не имеете...

Равно как и к Благому. Точнее, «не равно как», а «тем более», ибо на то, чтобы представить Рихтера в качестве Благого фэйри, не хватало даже моего привычного ко всему воображения.

— Да и к Темной магии тоже, — решительно закончила я.

— Почему? — удивился он. — В смысле как вы определили?

Я щелкнула пальцами, пытаюсь перевести в слова полученную от чувств информацию.

— Темный маг — это магистр Дэнн. Другое ощущение, другой цвет, другой рисунок чар... — Нет, выразить словами упрямо не получалось. И то сказать, при чем здесь цвет? Если уж говорить об аналогиях, уместнее был бы вкус, но это слово, как всегда, явилось с запозданием, в отличие от «цвета», мгновенно прыгнувшего на язык. — В общем, все по-другому.

— Дайте руку, — неожиданно потребовал Эгмонт.

Пожав плечами, я протянула рекомое. Не дотрагиваясь до моей ладони, магистр вычертил над ней руну; знак на мгновение высветился в воздухе золотым.

— Интересно, — задумчиво сказал магистр. — Очень интересно. Прямая эмпатия...

— Только директору не говорите, — попросила я, еще не совсем понимая, что именно такое во мне нашли, но отлично просчитав все возможные последствия. Последствия в виде увеличения домашнего задания выглядели весьма устрашающе.

— Что же так?

— Свихнусь, — мрачно пояснила я мысль. — Вы мне задаете в два раза больше, Фенги... Фенри... в общем, гном задает примерно столько же, магистр Ламмерлэйк вообще грузит без остановки, если еще и это прибавится...

— А нечего было рождаться с такими способностями, — отрезал Эгмонт.

— Ладно, мрыс с ними, — предпочла я обойти поднятую тему молчанием. В конце концов, такими темпами недолго добраться и до моей родословной, а она у меня интересная, но, как говорит наш библиотекарь, «в ограниченном доступе». — Но если решения только два и вы ни под одно не подходите, как вам вообще удалось выжить?

На этот раз Эгмонт молчал. Очень долго.

— Скорее всего, — наконец ответил он, — я просто был там не один.

— То есть? — мгновенно напряглась я. В памяти у меня сразу же всплыло то, как здорово меня колбасило и плющило до тех самых пор, пока Тьма, вызванная Гением, не вернулась в небытие.

— Вы спрашивали, при чем здесь вы, студентка? Я не знаю. Но знаю одно. Когда я был там, я видел вас. И чувствовал вашу силу как часть своей.

— Это что, вампиризм? — машинально уточнила я.

— Вы отлично знаете, что подобное невозможно.

Я только ошарашенно кивнула. Невозможно — это не то слово! Все эти вопли про то, как восхитительно отдельные зело злобные маги пользуются силами других, не таких злобных, но жутко наивных, есть не что иное, как голимые балладные выдумки. Можно выкачать силу в поединке, можно выпить ее с кровью — в этом часто обвиняли вампиров, — можно, в конце концов, с помощью хитроумных интриг вынудить мага использовать свою силу в твою пользу... Но взять чужую силу просто так нельзя. Технически невозможно. Это аксиома; а магические аксиомы будут покруче аксиом геометрических.

— Но как, магистр?..

— Я не знаю, — повторил он. — Тогда я решил, что мне показалось. Но позже, когда я выходил из зала, я увидел вас еще раз и отлично запомнил.

— Вы поэтому так на меня смотрели на вступительном экзамене? — вспомнила я. — Будто прикидывали, чем покрепче колдануть?

— Вы бы себя тогда видели... — хмыкнул он.

Наступила тишина, та самая, которую Хельги характеризовал емким словосочетанием «стражник родился».

— Что было дальше? — прерывая молчание, спросила я. — После выпускного?

Магистр пожал плечами.

— Я получил диплом, — ответил он. — Точнее, я в тот момент близко знакомился с достижениями лечебной магии, а диплом за меня получил замечательный дубль. Оставшиеся полгода я учился по особой программе, к слову сказать изрядно превышавшей вашу по количеству домашних заданий. Так что можете не убеждать меня в том, что ваших сил неостанет на усиленную работу... Принцесса с Трубадуром поженились через несколько недель и уехали в эльфийскую столицу. Дипломы у них были, а работать по специальности ни один, ни другая не собирались. С Фарриной мы не пересекались. Оно и к лучшему: вряд ли бы встреча сильно ее обрадовала... Того адепта я тоже больше не видел. Ходили слухи, что его вообще лишили способностей — правда, с возможным возвратом, — так что я еще легко отделался...

Я кивнула и встала со скамейки. Перекинула сумку через плечо и аккуратно взяла ту внушительную стопку, по материалам которой мне предстояло писать доклад. Верхняя книга, кажется, была эльфийской, по крайней мере судя по шрифту заголовка.

— Последний вопрос, — сказала я, крепко сжав в кулаке ремень сумки. — Последний вопрос, магистр... Когда вы обернулись и увидели меня, скажите, я была там одна?

Эгмонт прищурился.

— Хвала всем богам, студентка Ясица, — с чувством сказал он, — вы существуете в единственном экземпляре. Второй такой же не выдержали бы Академия, казна герцога Ривендейла и моя нервная система... Вы свободны.

А ведь он чего-то недоговорил, подумала я, прикрыв за собой дверь. С другой стороны — разве я не узнала гораздо больше, чем планировала вначале?